ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ»

На правах рукописи

ЛОШКАРЁВ Иван Дмитриевич

«Роль польской диаспоры в современной мировой политике (на примере США)»

Специальность: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Научный руководитель:

д. полит.н., проф. Лебедева М.М.

Москва - 2019

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Основные концептуальные подходы к понятию «диаспора» в политической науке 29

1.1. Особенности эволюции подходов к понятию диаспора до 90-х гг. XX в. 30

1.2. Современный этап эволюции понятия «диаспора» в зарубежной научной литературе 39

1.3. Современный этап эволюции понятия «диаспора» в отечественной научной литературе 57

Глава 2. Мирополитическая роль диаспор в теории международных отношений 67

2.1. Освещение роли диаспор в либеральной и конструктивистской парадигмах ТМО 67

2.2. Характеристика роли диаспор в реалистской и марксистской парадигмах ТМО 86

2.3. Теории мирополитической роли диаспор 95

Глава 3. Основные параметры влияния польской диаспоры США в мировых политических процессах 113

3.1. Ресурсы влияния польской диаспоры на внешнюю политику США 113

3.2. Отношения польской диаспоры США с Польшей и польскими общественными структурами 135

3.3. Механизмы влияния польской диаспоры: на примере проблемы программы краткосрочного безвизового въезда 157

3.4. Вовлеченность польской диаспоры в принятие решений в США по конфликту на Донбассе (2014-2017 гг.) 169

Заключение. 184

Список источников и литературы. 191

Приложения 229

Введение

Актуальность: На международной арене и внутри государств отмечается как усиление интеграционных тенденций, так и углубление противоречий. Неотъемлемым элементом этих сложных процессов остаются вопросы способов, причин и направленности миграции, а также тех связей, которые мигранты и их потомки выстраивают в странах пребывания. Данные связи нередко позволяют формировать устойчивые сообщества с обширными политическими и экономическими ресурсами – диаспоры. Безусловно, значение и устойчивость диаспор зависит от большого числа факторов (численность, степень ассимилированности, благосостояние) и эта взаимосвязь носит далеко не линейный характер[1]. В целом, диаспоры отражают общемировую разнонаправленность политических процессов, поскольку представляют собой как стремление преодолеть государственные границы, сформировать достаточно устойчивые связи, так и яркий пример обособления и определенной дезинтеграции в странах происхождения.

В условиях подобной повышенной неопределенности и продолжающейся трансформации мировой политической структуры (внутри государств, в отношениях между ними, а также в рамках взаимодействий негосударственных акторов)[2] сообщества мигрантов и их потомков получают возможность эффективнее использовать возникшие в результате их деятельности политические институты и взаимосвязи, участвуют в многоуровневых (в том числе, глобальных) взаимодействиях, добиваются значительных результатов. Это означает появление не только новых форм поддержания и развития политических связей, но новых аспектов вовлеченности диаспор в масштабные конфликты, новые подходы к продвижению их интересов в странах пребывания и происхождения.

---

[1] Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. Пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 63-72

[2] Лебедева М.М. Система политической организации мира: "Идеальный шторм" // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – №2(47). С. 126-129

Для социальных и политических наук характерна заметная размытость терминологии, частая констатация конвенциональной природы любого понятия. В этом смысле, понятие диаспоры представляет собой очевидный пример: с одной стороны, можно констатировать рост влияния диаспор, с другой стороны, часто не ясно, что именно становится более влиятельным[3]. Возможно, диаспоры обладают неким «семейным сходством», что позволяет относительно точно определять применимость данного термина в каждом конкретном случае.

Особенное место среди диаспор занимает Полония – польская диаспора. По данным ОЭСР, выходцы из Польши составляют восьмую по численности диаспору мира (около 3,5 миллионов человек)[4]. Согласно подсчетам ООН, польская диаспора составляет 4,4 миллиона человек и занимает двенадцатое место по численности[5]. Однако эти данные, вероятно, неполны и учитывают только мигрантов первого поколения. Подобное мнение соотносится с оценками польского МИДа, согласно которым в 2013 году насчитывалось не менее 18 миллионов представителей диаспоры[6]. Это делает польскую диаспору одной из крупнейших европейских диаспор (наряду с ирландской, итальянской, португальской).

Почти две три от численности Полонии сосредоточено в США (свыше 10 миллионов человек). Американская польская диаспора также отличается заметной развитостью общественных и политических институтов, относи-

---

[3] Дятлов В.И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику России // Диаспоры. – 2004. – №3. С. 127-128

[4] Connecting with Emigrants: A Global Profile of Diasporas 2015. Paris: OECD Publishing, 2015. pp. 23, 35. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/connecting-with-emigrants_9789264239845-en#.WBzA6_mg_IU

[5] Trends on International Migration Stock: Migrants by Destination and Origin. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/data/UN_MigrantStockByOriginAndDestination_2015.xlsx

[6] MSZ: ponad 18 milionów Polaków żyje za granicą, depesza PAP. 02.07.2013. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/aktualnosci/msz_w_mediach/msz__ponad_18_milionow_polakow_zyje_za_granica__depesza_pap_02_07_2013

тельным экономическим благополучием[7]. В отличие от множества диаспор, которые сегодня активно изучаются (курдская в Германии, мексиканская, гаитянская, индийская и китайская в США, и др.). Полония – это условно «старая» диаспора. Массовая польская миграция в США началась в середине XIX века, так что в наши дни большинство представителей диаспоры – это мигранты в третьем и четвертом поколении, для которых идентичность основана в меньшей степени на ностальгических компонентах и в большей степени – на рациональных, выработанных в условиях американского общества. Сегодня польская диаспора в США – это устойчивое сообщество, которое сумело сохранить свою идентичность в очень «токсичных» условиях и долго работало над отношениями с «принимающим» обществом[8]. Анализ подобного мигрантского сообщества представляет бОльший исследовательский интерес с точки зрения изучения долговременных последствий миграции, нежели изучение сообществ, внимание к которым обусловлено широко распространенным ажиотажем относительно современной миграции.

Тем не менее, существует весьма небольшое число исследований, посвященных вопросам влиятельности польской диаспоры в США, освещению ее роли в современной мировой политике. Между тем, с распадом биполярного политического порядка американская Полония заметно активизировалась и стала продвигать свои интересы и интересы Польши, что наиболее очевидно, например, сказалось на темпах расширения НАТО на восток[9]. Безусловно, влияние любой диаспоры, в том числе польской, испытывает подъемы и падения, не может рассматриваться как статичная величина. В целом, диаспоры стремятся адаптироваться к подобным условиям, но различными путями. Польская диаспора в США – не исключение, этому сообществу уже пришлось и предстоит в дальнейшем предложить решение серьезнейшей

[7] Заринов И.Ю. Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии. – М.: ИЭА РАН, 2010. С. 45-46

[8] Chodubski A. Wektory współczesnych przeobrażeń życia kulturowego Polonii amerykańskiej // Studia Gdańskie. Wizje i rzeczywistość. – 2011. – T. VIII. S. 11-16

[9] Pienkos D.E. Of Patriots and Presidents: America's Polish Diaspora and U.S. Foreign Policy Since 1917 // Polish American Studies. – 2011. – Vol. 68, № 1. pp. 14-15

проблемы: как сохранить или увеличить достигнутый уровень влияния в сложных демографических условиях, когда доля диаспоры в общем числе населения сокращается, а поток мигрантов из Польши постепенно сокращается[10].

Таким образом, настоящее исследование посвящено роли польской диаспоры в США в мировой политике, что позволит уточнить существующие подходы к понятию диаспор и их роли в глобальных политических процессах, выявить специфику собственно польской диаспоры в этой связи. Большое значение в данном контексте имеет выявление механизмов адаптации диаспор к новым, в том числе неблагоприятным, условиям.

С учетом возможностей влияния американской Полонии на принятие внешнеполитических решений в США, данное исследование крайне важно и для России в контексте противодействия антироссийски настроенным политическим акторам внутри США. Известно, что в среде польской диаспоры сложилось весьма негативное отношение к Российской Федерации и проводимой ею политике[11], что отражается на активности соответствующих организаций и лоббистов диаспоры. Такую активность нельзя оставлять без внимания: необходимо искать способы противодействия и изменения существующего восприятия России, в том числе, в среде американской Полонии. Кроме того, взаимоотношения Польши и польской диаспоры составляют предмет несомненного интереса для корректировки политики в отношении российских соотечественников за рубежом, что также свидетельствует об актуальности настоящего исследования.

---

[10] Fiń A. Współczesna polska emigracja w Stanach Zjednoczonych: skala, rozmieszczenie przestrzenne, przyczyny wyjazdów // Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny. – 2014. – №2. S. 108-113

[11] Согласно опросу Института Пяста (2012 г.), 48% опрошенных представителей диаспоры назвали Россию враждебной силой, а 65% – высказали озабоченность по поводу ситуации в Грузии. Подробнее см.: Radzilowski T.C., Stecula D. Polish Americans Today. – Piast Institute, 2010. pp. 67. URL: http://www.piastinstitute.org/assets/library/Polish%20Americans%20Today%20Survey%20Book%202012.pdf

Степень разработанности проблемы: большое влияние на сам процесс формулировки проблем миграции и диаспор оказали фундаментальные исследования Дж. Армстронга, Р. Брубейкера, С. Дюфуа, Дж. Клиффорда, Р. Коэна, У. Сафрана, Х. Тололяна, С. Холла, Г. Шеффера[12]. Отдельно необходимо отметить сборник под редакцией К. Кнотта и Ш. Маклафлина (2010), собравший большое число постмодернистских и междисциплинарных теоретических работ по диаспорам[13]. Совокупность этих работ составляют основу практически любого современного исследования по проблематике диаспор, поскольку в них раскрываются подходы к понятию «диаспора», приводятся характеристики ключевых механизмов функционирования мигрантских сообществ и даются оценки перспектив их дальнейшего существования.

Среди отечественных ученых, продолживших осмысления терминологических сложностей, связанных с диаспорами, необходимо отметить А.А. Авдашкина, С.А. Арутюнова, В.И. Дятлова, К.В. Зайку, А.Ю. Милитарева, В.Д. Попкова и В.А. Тишкова[14]. Работы этих исследователи обусловили по-

---

[12] Armstrong J.A. Mobilized and Proletarian Diasporas // The American Political Science Review. – 1976. – Vol. 70, No. 2. pp. 393-408; Brubaker R. The 'Diaspora' Diaspora // Ethnic and Racial Studies. – 2005. – №28 (1). pp. 1-19; Brubaker R. Accidental Diasporas and External 'Homelands' in Central and Eastern Europe: Past and Present // Transnationalism: Diasporas and the Advent of a New (Dis)order. Ed. by Ben-Rafael E. and Sternberg Y. – Leiden and Boston: Brill, 2009. pp. pp. 461-482; Clifford J. Diasporas // Cultural Anthropology. – 1994. – Vol. 9, №3. pp. 302-338; Cohen R. Global Diasporas: An Introduction. 2nd ed. – London&New York: Routledge, 2008.; Cohen R. Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers // International Affairs. – 1996. – Vol. 72, №3. pp. 507-520; Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Identity: Community, Culture, Difference. Ed. by J.Rutherford. – London: Lawrence and Wishart, 1990. pp. 222-237; Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1991. – №1 (1). pp. 83–99; Safran W. The Jewish Diaspora in a Comparative and Theoretical Perspective // Israel Studies. – 2005. – №10 (1). pp. pp. 36-60; Sheffer G. Diaspora Politics: At Home Abroad. – New York: Cambridge University Press, 2003.; Tölölyan K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1996. – Vol.5, № 1.pp. pp. 3-36

[13] Diasporas. Concepts, Intersections, Identities. Ed. by K. Knott, S. McLoughlin. London-New York, 2010.

[14] Авдашкин А.А. «Внутренние» диаспоры как феномен отечественной исторической науки: 1989-2003 гг. // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2013. – № 4.С. 82-84; Он же. Проблема диаспор в зарубежной и отечественной литературе: вторая половина XX – начало XXI в. // Вестник Южно-Уральского профессионального института. – 2013. – №3(12). С. 4-12; Он же. Феномен диаспоры: методологические основы науч-

степенный переход к умеренно конструктивистскому пониманию диаспор в российской академической среде и медленный отход от примордиализма.

Рост значимости транснациональных процессов и размывание государственного суверенитета в результате формирования диаспор подчеркивали в своих работах С. Вертовец, А. Портес, а также Т. Лайонс и П. Мандавилль[15]. Эти авторы постаралась максимально отмежеваться от «методологического национализма», то есть избегали рассматривать проблематику миграции и диаспор как некое отклонение от норм государство-центричного мироустройства. Отдельного упоминания заслуживают исследования П. Левитт, которая продемонстрировала устойчивость и многообразие связей внутри мигрантских сообществ, а также диаспор и территорий их происхождения[16]. Ряд авторов (например, О.Ю. Потемкина) рассматривали транснациональную проблематику с точки зрения наднациональных институтов[17].

ного исследования // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №2 (357). С. 131-137; Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. С. 74-78; Дятлов В.И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику России // Диаспоры. – 2004. – №3. С. 126-132; Зайка К.В. Диаспорические и иммигрантские сообщества // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №10. С. 74-80; Милитарев А.Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниций) // Диаспоры. – 2005. – № 3. С. 8-18; Попков В.Д. «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. – 2002. – №1. С. 6-22; Он же. Диаспорная община – модель отношений этнических мигрантов с принимающим обществом // Диаспоры. – 2003. – № 3. С. 126–153; Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. – 2000. – №2. С. 43-63

[15] Lyons T., Mandaville P. Think Locally, Act Globally: Toward a Transnational Comparative Politics // International Political Sociology. – 2010. – № 4. pp. 124–141; Portes A. Conclusion: Towards a new world – the origins and effects of transnational activities // Ethnic and Racial Studies. – 1999. – Vol. 22, №2. pp. 463-477; Vertovec S. Migration and Other Sides of Transnationalism: Towards Conceptual Cross-Fertilization // International Migration Review. – 2003. – Vol. 37, №3. pp. 641-665; Vertovec S. Three Meanings of Diaspora: Exemplified Among South Asian Religions // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1997. – Vol. 6, №3. pp. 277-299

[16] Levitt P. Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion // International Migration Review. – 1998. – Vol. 32, № 4. pp. 926-948; Levitt P., Jaworsky B.N. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends // Annual Review of Sociology. – 2007. – Vol. 33. pp. 129-156

[17] Потемкина О.Ю. Миграционный кризис в ЕС: роль стран Вишеградской группы // Современная Европа. 2015. № 6 (66). С. 36-45; Потемкина О.Ю. Миграционный кризис и политика Европейского Союза // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 38-60.

В отечественной науке связка «транснациональность-диаспора» также не осталась без внимания. Теоретические аспекты данной связки рассмотрены в работах А.С. Кима, В.В. Костенко и М.А. Фадеичевой[18]. Интересный эмпирический материал по данной тематике представили, в частности, О.Д. Волкогонова, Ю.И. Дин, В.И. Мукомель, Р.Х. Симонян, а также Д.Д. Квициани и С.Я. Сущий[19].

В предметном поле политической науки феномен диаспор рассматривали Р. Бабек, К. Батлер, Р. Кунц, Д. Наджокс, С. Тарроу, М.Дж. Эсман[20]. В этих работах содержатся попытки анализа диаспор как акторов политического процесса внутри государств и их роль в политической мобилизации, пред-

---

[18] Ким А.С. Транснациональность диаспор: междисциплинарный анализ // Пространственная экономика. – 2006. – № 1 (05). С. 99-108; Ким А.С. Этномаргинальность диаспор: социологические и культурологические основания политического исследования // Вестник ТОГУ. – 2008. – №3 (10). С. 151-162; Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. XVII , №3. С. 62-76; Фадеичева М.А. Диаспора и состояние этнического индивида //Диаспоры. – 2004. – № 2. С. 140-154

[19] Волкогонова О.Д. Русские в Крыму: диаспора, анклав или этническая периферия? (Разговор о терминах)// Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2009. – №4. С. 52-69; Дин Ю.И. Термин «диаспора» в российской науке и корейская община Сахалина // Ученые записки Сахалинского государственного университета. – 2013. – Вып. X. С. 161-170; Квициани Д.Д., Сущий С.Я. Диаспоры как фактор взаимоадаптации в полиэтнокультурном регионе (материалах Юга России) // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – 2009. – №2 (8). С. 74-86; Мукомель В.И. Молдавские мигранты в России: отношение к диаспорным институциям в контексте структуры идентичностей // Диаспоры в современном мире: региональный контекст и потенциал для устойчивого развития страны происхождения. Материалы международной научной конференции. Кишинев: Международная организация по миграции, миссия в Молдове, 2018. С. 269-277; Мукомель В.И. Вызовы политики адаптации и интеграции мигрантов // Этнопанорама. 2011. № 3-4. С. 30-35; Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Новые варяги (российская диаспора в странах Балтии) // Вопросы экономики. 2003. № 2. С. 78-86; Симонян Р.Х. Российская диаспора в странах Балтии //Свободная мысль. 2002. № 10. С. 35-48.

[20] Bauböck R. Cold constellations and hot identities: Political theory questions about transnationalism and diaspora (Chapter 15) // Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods / Edited by R. Bauböck and Th. Faist. – Amsterdam, 2010. pp. 295-321; Butler K.D. Defining Diaspora, Refining a Discourse // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 2001. – Vol. 10, №2. pp. 189-219; Esman M.J. Diasporas in the contemporary world. Cambridge&Malden: Polity Press, 2009.; Kunz R. The Discovery of the Diaspora // International Political Sociology. – 2012. – №6 (1). pp. 103-106; Naujoks D. Diasporic Identities—Reflections on Transnational Belonging // Diaspora Studies. – 2010. – Vol. 3, №1. pp. 1-21; Tarrow S. Transnational Politics: Contention and Institutions in International Politics // Annual Review of Political Science. – 2001. – Vol. 4. pp.1-20

ставлены ценные замечания относительно политической идентичности таких сообществ, а также проанализирована их адаптация и борьба за изменение моделей интеграции мигрантов в условиях формирования (конструирования и реконструирования) наций на современном этапе. В отечественной науке близкие темы, в том числе структурные факторы активизации диаспоральных идентичностей, исследовали Э.А. Паин и И.С. Семененко[21].

Роль диаспор в мировых политических процессах изучена слабо – как в теоретическом, так и практическом плане. С точки зрения включения диаспор в предметное поле теории международных отношений, в первую очередь, необходимо отметить статью И. Шейна и А. Барта, фактически открывших дискуссию о возможной значимости диаспор. Важно, что, по мнению И. Шейна и А. Барта, диаспоры в определенных случаях способны играть самостоятельную роль во взаимоотношения с государствами[22]. Этот тезис был подхвачен сторонниками неолиберальной парадигмы теории международных отношений – например, исследователем гаитянской диаспоры М. Лакуэром[23]. Потенциал влиятельности диаспор позитивно оценили Э.Я. Баталов, К.П. Боришполец и Т.В. Полоскова, отмечавшие одновременно и некоторую завышенность ожиданий от диаспор[24]. В свою очередь, Г. Шеффер отмечал, что влиятельность диаспор ограничена институциональным треугольником «государство происхождения – диаспора – государство прожи-

---

[21] Паин Э.А. О природе процесса этнического и религиозного возрождения // Ценности и смыслы. – 2010. – № 5 (8). С. 33-49; Семененко И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – Т. 59, № 11. С. 91-102

[22] Shain Y., Barth A. Diasporas and International Relations Theory // International Organization. – 2003. – Vol. 57, No. 3. pp. 449-479

[23] Laguerre M.S. Diaspora, politics, and globalization. – New York, 2006.

[24] Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. – М.: Аспект пресс, 2018. С. 192-194; Боришполец К.П. Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами // Ежегодник ИМИ-2012. – М.: МГИМО МИД РФ, 2012. С. С. 79-86; Боришполец К.П. Национальное измерение глобального мира. – М.: Navona, 2009.; Полоскова Т.В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. – М.: Научная книга, 1999.

вания»[25]. Напротив, А.В. Лопарев и И.А. Яценко придерживаются крайне плюралистских взглядов и прогнозируют «глобальную диаспоризацию мира»[26].

Общие основы теорий плюрализма и транснационализма в ТМО заложены в работах Дж. Ная и Р. Кохейна, К. Кек и К. Сиккинк, Д. Джосселин и У. Уоллас, а также Т. Риссе[27]. В отечественной науке схожие тезисы отстаивает М.М. Лебедева, которая, однако, полагает, что причина плюрализма не в прогрессе неолиберального мира, а скорее в его кризисе и структурном расслоении мировой политики[28]. Все же, в вышеупомянутых работах не затрагивалась проблематика диаспор. Напротив, роль диаспор в ходе формирования новой мировой плюралистической политической системы и взаимопроникновения акторов одного уровня на другие (в том, числе на уровень глобальных взаимодействий) отмечали известные неолиберальные теоретики Дж. Розенау и Ф. Керни[29].

Рассмотрение диаспор как элемента плюралистского (неолиберального в идеологическом смысле) мирового устройства вызвало критику со стороны конструктивистов. Ф. Адамсон, С. Бисвас, К. Огден и М. Хейслер в разной степени подчеркивали, что диаспоры представляют собой скорее альтернати-

---

[25] Sheffer G. Diaspora Politics: At Home Abroad. – New York: Cambridge University Press, 2003.

[26] Лопарев А.В., Яценко И.А. Этнополитические процессы в России и проблема глобальной диаспоризации мира // Власть. – 2011. – №3. С. 119-123

[27] Keck M.E., Sikkink K. Activist beyond borders: Advocacy Networks in International Politics. Cornell University Press, 1998.; Josselin D., Wallace W. Non-State Actors in World Politics: A Framework. Non-State Actors in World Politics // Ed. by D. Josselin and W. Wallace. New York: Palgrave, 2001. pp. 1-20; Nye J.S., Keohane R.O. Transnational Relations and World Politics: An Introduction // International Organization. – 1971. – Vol. 25, No. 3 pp. 329-349; Risse Th. Transnational Actors and World Politics. Handbook of International Relations / Ed. W. Carlsnaes, T.Risse and B. Simmons. London: Sage, 2002. pp. 266-270

[28] Лебедева М.М. Мировая политика: тенденции развития // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 4. С. 72-83; Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 1. С. 99–108

[29] Cerny P.G. Rethinking world politics: a theory of transnational neopluralism. – Oxford: Oxford University Press, 2010. ; Rosenau J.N. Along the domestic-foreign Frontier: exploring governance in a turbulent world. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.; Rosenau J.N. The Study of World Politics. Volume 2: Globilization and Governance. – London&New York: Routledge, 2006.

ву этому устройству, поскольку являются носителями совершенного иного видения существующих проблем и своего места в мире[30]. Л. Вараданаян пришел к выводу, что диаспоры создают дискурсивные пространства «внутреннего зарубежья», которые бросают вызов администрированию политического пространства государствами[31].

Отметим, что конструктивистский мейнстрим, в целом, не отличается вниманием к проблемам миграции и диаспор. В первую очередь, представителей данной парадигмы ТМО занимают вопросы норм, интересов, а также лингвистических конструктов[32]. Неудивительно, что один из лидеров конструктивистского направления А Вендт фактически отверг тезис о существенной трансформации мировой политической структуры и встал на позиции «методологического национализма»[33].

С точки зрения эмпирического изучения роли диаспор в мировой политики, необходимо отметить следующие направления исследований. Во-первых, это тематика этнического лоббизма, продвижения диаспорами (и не только) своих интересов и интересов страны происхождения. Наиболее многочисленна литература по этническому лоббизму в США: отметим монографии Л. Давидсона, К. Голдстейна, Т. Смита, а также статьи Д. Хаглунда и Т.

---

[30] Adamson F.B., Demetriou M. Remapping the Boundaries of "State" and "National Identity": Incorporating Diasporas into IR Theorizing // European Journal of International Relations. – 2007. – № 13 (4). pp. 489-526; Adamson F.B. Crossing Borders: International Migration and National Security // International Security. – 2006. – Vol. 31, № 1. pp. 165-199; Biswas S. Globalization and the Nation Beyond: The Indian-American Diaspora and the Rethinking of Territory, Citizenship and Democracy // New Political Science. – 2005. – Vol.27, №1. pp. 43-67; Heisler M.O. Now and Then, Here and There: Migration and the Transformation of Identities, Borders, and Orders // Identities, borders, orders: rethinking international relations theory / Ed. by M. Albert, D. Jacobson, Y. Lapid. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001. pp. 225-247; Ogden C. Diaspora Meets IR's Constructivism: An Appraisal // Politics. – 2008. – Vol. 28, №1. pp. 1-10

[31] Varadarajan L. The Domestic Abroad: Diasporas in International Relations. – New York&Oxford: Oxford University Press, 2010.

[32] Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. – 2014. – №1(14). С. 5

[33] Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. – 1992. – Vol. 46, № 2. p. 424

МакНейл-Хея, Н.Г. Зяблюка и А.В. Павроза[34]. Общий контекст деятельности этнических лобби в американском обществе раскрывают работы В.Ю. Журавлевой, Г.К. Никольской, Н.М. Травкиной, В.О. Печатнова, В.В. Согрина, Т.А. Шаклеиной[35]. В реалистских работах С. Хантингтона, Дж. Мершаймера и С. Уолта этнические лобби рассматриваются как факторы искажения внешней политики США, причина неправильного выбора приоритетов[36]. Большой эмпирический материал содержится в исследованиях П.С. Каневского, С.С. Костяева, Э.Д. Лозанского, П.А. Шарикова, а также Д.Б. Графова и С.М. Самуйлова[37].

---

[34] Зяблюк Н.Г. Политический плюрализм: контуры американской модели // США-Канада: экономика, политика, культура. 1999. №5. С. 3-18; Он же. Общественные интересы в политическом процессе США. – М.: ИСКРАН, 2004; Он же. Политический плюрализм в дискурсе американской политической науки // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 1. С. 47-69; Павроз А.В. Группы интересов в системе политического представительства: современные тенденции. ПОЛИТЭКС. 2013. Т.9, №3. С. 263-271; Davidson L. Foreign Policy, Inc.: Privatizing America's National Interest. Lexington: University Press of Kentucky, 2008.; Goldstein K.M. Interest groups, lobbying, and participation in America. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.; Haglund D.G., McNeil-Hay T. The 'Germany Lobby' and US Foreign Policy: What, if Anything, Does It Tell Us about the Debate over the 'Israel Lobby'? // Ethnopolitics: Formerly Global Review of Ethnopolitics. – 2011. – Vol. 10, № 3-4. pp. 321-344; Smith T. Foreign Attachments: The Power of Ethnic Groups in the Making of American Foreign Policy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.

[35] Журавлёва В.Ю. Санкции США в отношении России: «умная сила» Обамы в действии // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – № 4. С. 53-63; Печатнов В.О. Поляризованная Америка // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – №2. С. 282-293; Никольская Г.К. Иммиграционная политика США в начале XXI века // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 5. С. 93-102; Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. История внешней политики США. – М.: Международные отношения, 2012; Согрин В.В. Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011; Травкина Н.М. США: партии, политика, бюджет. – М.: Наука, 2008; Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: науч. изд. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2017; Шаклеина Т.А. Эволюция глобальной стратегии США // Вестник Московского университета. Серия Международные отношения и мировая политика. – 2011. – №3. С.35-58.

[36] Huntington S. P. The Erosion of American National Interests // Foreign Affairs. – 1997. – №76(5). pp. 28-49; Mearsheimer J.J., Walt S.M. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007.

[37] Графов Д.Б. Анализ и сравнение эффективности лоббирования в США израильских и китайских групп интересов // Вестник МГИМО Университета. 2015. – № 5 (44). – С. 84-98; Каневский П.С., Шариков П.А. Трансформация института лоббизма в США в XXI веке и вызовы для России // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2017. – № 5 (569). С. 43-54; Костяев С.С. Лоббизм мусульманских стран в США // Мировая экономика и международные отношения. – №9. – 2012. С. 90-99; Лозанский Э.Д. Этносы и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. – М.: Международные отношения,

Второе направление эмпирических исследований роли диаспор связано с их вовлеченностью в международные конфликты. Это относительно новое направление изучения, представленное, в отличие от этнического лоббизма, немногочисленными статьями. Роль диаспор как «разжигателей» конфликтов продемонстрировали К. Гледитч, Дж. Деммерс, М. Кэлдор, М. Коинова и К. Фейр[38]. Напротив, потенциал диаспор в урегулировании конфликтов и постконфликтном миростроительстве высоко оценен в статьях Ф. Кокрейна, Б. Бейсера и А. Свейн, а также Дж. Бринкеркофф[39].

Третье направление изучения диаспор концентрируется на связке «миграция-развитие», на политических и экономических дивидендах, которые может принести диаспора стране происхождения. Хотя Всемирный банк продолжает испытывать энтузиазм по поводу диаспор как возможных инвесторов для развивающихся государств, исследования в этом направлении пока немногочисленны. Необходимо выделить статьи Т. Файста, Б. Маллингс и Х. Пеллерин, а также работу команды из Принстонского университета под руководством А. Портеса[40].

2004.; Самуйлов С.М., Графов Д.Б. Конгресс, лоббисты, группы интересов и проблемы коррупции // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – № 9 (537). С. 21-36; Kostyaev S.S. Russian lobbying in the United States: stages of evolution // Journal of Public Affairs. – 2012. – Vol. 12, № 4. pp. 279–292

[38] Кэлдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. Пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского. – М.: Институт Гайдара, 2015; Demmers J. Diaspora and Conflict: Locality, Long-Distance Nationalism, and Delocalisation of Conflict Dynamics // The Public. – 2002. – № 9(1). pp. 85-96; Fair C.C. Diaspora Involvement in insurgencies: Insights from the Khalistan and the Tamil Eelam Movements // Nationalism and Ethnic Politics. – 2005. – № 11 (1). pp. 125-156; Gleditsch K.S. Transnational Dimensions of Civil War // Journal of Peace Research. – 2007. – Vol. 44, № 3. pp. 293–309; Koinova M. Diasporas and secessionist conflicts: the mobilization of the Armenian, Albanian and Chechen diasporas // Ethnic and Racial Studies. – 2011. – Vol. 34, № 2. pp. 333-356

[39] Baser B., Swain A. Diasporas as peacemakers: third party mediation in homeland conflicts // International Journal on World Peace. – 2008. – Vol. 25, No. 3. pp. 7-28; Brinkerhoff J.M. Diasporas and conflict societies: conflict entrepreneurs, competing interests or contributors to stability and development? // Conflict, Security & Development. – 2011. – №11 (2). pp. 115-143; Cochrane F., Baser B., Swain A. Home Thoughts from Abroad: Diasporas and Peace-Building in Northern Ireland and Sri Lanka // Studies in Conflict & Terrorism. – 2009. – № 32(8). pp. 681-704

[40] Faist T. Migrants as Transnational Development Agents: An Inquiry into the Newest Round of the Migration–Development Nexus // Population, Space and Place. – 2008. – №14. pp. 21-42; Pellerin H., Mullings B. The ‘Diaspora option’, migration and the changing political economy of

Научные публикации по теме польской диаспоры в США вписываются в вышеперечисленные тенденции в академическом дискурсе по проблематике диаспор в целом – в том числе, в тенденцию немногочисленности публикаций. Отдельного упоминания заслуживает монография отечественного этнографа И.Ю. Заринова, в которой собрана некоторая информация об эволюции политических институтов американской Полонии[41].

Вопросы идентичности и политических предпочтений американской Полонии раскрывают работы Дж. Буковчика, Дж. Рокицки, А. Чодубского, М. Цыган, М. Эрдманс[42]. В этих статьях отражены, как изменения, вызванные адаптацией мигрантов в первом и последующих поколениях к условиям американского общества, так и проблема некоторой архаичности Полонии. Динамичная картина развития польской диаспоры в США содержится в исследованиях историков американской Полонии – С. Блейваса, Д. Гори и Дж. Пулы[43]. Современные польские авторы также уделяют внимание американской Полонии и процессам ее трансформации. В этой связи необходимо отметить работы Г. Бабиньского, М. Бромбошча, Х. Кубяка, А. Валашека, Э.

---

development // Review of International Political Economy. – 2013. – № 20 (1). pp. 89-120; Portes A., Escobar C., Radford A.W. Immigrant Transnational Organizations and Development: A Comparative Study // International Migration Review. – 2007. – Vol. 41, №1. pp. 242-281

[41] Заринов И.Ю. Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии. – М.: ИЭА РАН, 2010.

[42] Bukowczyk J.J. Making Polonia – From Many Ones? Or Many? Or None? Problematizing Polish-American Identity // The Polish Review. – 2011. – Vol. 56, № 3. pp. 187-206; Bukowczyk J.J. Polish American, Ethnicity and Otherness // The Polish Review. – 1998. – Vol. 43, № 3. pp. 299-313; Bulowczyk J.J. The Big Lebowski Goes To the Polish Wedding: Polish Americans – Hollywood Style // The Polish Review. – 2002. – Vol. 47, № 2. pp. 211-230; Chodubski A. Wektory współczesnych przeobrażeń życia kulturowego Polonii amerykańskiej // Studia Gdańskie. Wizje i rzeczywistość. – 2011. – T. VIII. S. 9-29; Cygan M.E. Inventing Polonia: Notions of Polish American Identity, 1870–1990 // Prospects. – 1998. – Vol. 23. pp 209-246; Erdmans M.P. Immigrants and Ethnics: Conflict and Identity in Chicago Polonia // The Sociological Quarterly. –1995. – Vol. 36, № 1. pp. 175-195; Rokicki J. National Symbols Restructured: The Polish Ethnic Group in the United States of America // Polish American Studies. – 1990. – Vol. 47, № 2. pp. 87-99

[43] Blejwas S.A. The Republic of Poland and the Origins of Polish American Congress // Polish American Studies. – 1998. – Vol. 55, No. 1. pp. 23-33; Gory D. United States congressional Districts containing the largest concentrations of Polish Americans // The Polish Review. – 1996. – Vol. 41, No. 2. pp. 205-210; Pula J.S. Polish Americans: An Ethnic Community. – New York: Twayne Publishers, 1995.

Валевандера[44]. Текущие проблемы (в том числе, политические) польской диаспоры США анализируются в работах польской исследовательницы А. Финь (Краковский педагогический университет)[45].

Исследования по «польскому лобби» в США во многом основаны на работах профессора Университета штата Висконсин Д. Пенкоса, участника многих внешнеполитических лоббистских усилий польской диаспоры, – эти работы сочетают определенные дозы инсайдерской информации и широкий исторический подход, что делает их очень полезными для настоящего исследования[46]. В недавней монографии содержательный сравнительный анализ лоббизма польской диаспоры США осуществил К. Освечимский[47].

Наконец, непростые отношения американской Полонии и страны происхождения, Польши, охарактеризованы в статьях экспертов Комитета изучения миграций Польской Академии наук Д. Гурецкого и П. Крашевского[48]. Более общие, дискурсивные основания этих отношений попыталась раскрыть Дж. Войдон (Вроцлавский университет)[49].

---

[44] Babiński G., Polonia w USA na tle przemian amerykańskiej etniczności. – Kraków: Oficyna Wydawnicza AFM, 2009; Bromboszcz M. Polonia w Kolorado // Państwo i Społeczeństwo. – 2004. – №3. S. 61-71; Kubiak H., Wiatr J. Tendencje dominujące procesu formowania się i przeobrażeń Polonii amerykańskiej // Polonia amerykańska. Przeszłość i współczesność. Red. H. Kubiak, E. Kusielewicz, T. Gromada. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988. S. 757-809; Polska diaspora. Red. nauk. A. Walaszek. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2001; Walewander E. Kościół a Polonia i Polacy w świecie // Studia Polonijne. – 2008. – T. 29. S. 35-44

[45] Fiń A. Współczesna polska emigracja w Stanach Zjednoczonych: skala, rozmieszczenie przestrzenne, przyczyny wyjazdów // Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny. – 2014. – №2. S. 105-130; Fiń A., Nowak W. Między absencją a zaangażowaniem. Diaspora polska wobec organizacji polonijnych (Komunikat z badań)// Studia Migracyjne-Przegląd Polonijny. – 2015. – №2 (156). S. 145-164

[46] Pienkos D.E. Of Patriots and Presidents: America's Polish Diaspora and U.S. Foreign Policy Since 1917 // Polish American Studies, Vol. 68, No. 1 (Spring 2011), pp. 5-17; Pienkos D.E. Polish Americans in Congressional Politics: Assets and Constraints // The Polish Review. – 2003. – Vol. 48, № 2. pp. 185-194

[47] Oświecimski K. Lobby etniczne a polityka zagraniczna USA – wybrane przykłady. – Kraków: Akademia Ignatianum, 2014.

[48] Górecki D. Opieka Senatu RP nad Polonią I Olakami za granicą // Przegląd Polsko – Polonijny. – 2011. – №1. S. 71-83; Kraszewski P. Polityka PRL wobec Polonii // Przegląd Polsko – Polonijny. – 2011. – №1. S. 41-58

[49] Wojdon J. Obraz Polonii amerykańskiej w polskiej prasie po roku 1989// Studia Migracyjne-Przegląd Polonijny. – 2013. – №3 (149). S. 189-212

Таким образом, существует корпус общетеоретических исследований по проблематике диаспор. В то же время, отмечается определенный дефицит внимания к комплексу вопросов, связанных с ролью диаспор в мировой политике, а также к анализу конкретного кейса польской диаспоры. Фактически, в случае американской Полонии наблюдается «самоизучение» (англ. self-reporting), что не может положительно сказаться на сбалансированности и качестве научного материала.

Объектом диссертационного исследования является деятельность диаспор в современной мировой политике – способность диаспор влиять на внешнюю политику государств и участвовать в глобальных взаимодействиях напрямую, добиваясь, тем самым собственных целей и задач – полностью или частично.

Предметом исследования особенности вовлеченности польской диаспоры в США в мировые политические процессы.

Цель исследования заключается в выявлении специфики влияния польской диаспоры в США (американской Полонии) в современной мировой политике.

Такой фокус настоящего исследования предполагает, что необходимо выполнить следующие **задачи**:

1. проанализировать основные концептуальные подходы к понятию «диаспора»;

2. сформулировать схему анализа роли диаспоры в мировой политике на основе существующих парадигм в теории международных отношений и теорий низшего уровня;

3. выявить, какие политические цели выдвигает польская диаспора в США и какими ресурсами она обладает для достижения поставленных целей;

4. показать содержательные аспекты отношений польской диаспоры в США с государством происхождения – Польшей;

5. установить механизмы влияния американской польской диаспоры на институты принятия внешнеполитических решений в США;

6. охарактеризовать относительно новые формы участия польской диаспоры США в мирополитических взаимодействиях (в том числе, в международных конфликтах).

Исследовательский вопрос: в чем проявляется влияние польской диаспоры США в современной мировой политике?

Теоретико-методологические основания исследования: Проблематика увеличения многообразия политических акторов опирается на неолиберальную парадигму теории международных отношений. Однако сложность феномена диаспор и происходящих трансформаций в мировой политике предполагает определенный аналитический эклектизм. Безусловно, такой эклектизм не составляет альтернативы неолиберализму и обусловлен прагматичной необходимостью избежать свойственного любой парадигме редукционизма. В этой связи, эклектизм позволяет расширить спектр аналитических приемов и допустимых предположений о столь сложных явлениях[50]. Более того, эклектизм в таком понимании не содержит внутренних противоречий, поскольку имеет дело не с бинарными противопоставлениями (явление рассматривается или не рассматривается определенной парадигмой), а с неопределенностью, относительностью и множественностью «правильных» ответов[51].

Вместе с неолиберализмом, в основу настоящего исследования были положены некоторые положения **конструктивизма** и **неоклассического реализма**. Неолиберализм для исследования диаспор подразумевает концентрацию на взаимосвязях и отношениях с другими политическими акторами, что не позволяет понять, как диаспоры осознают свое место в мире и определяют свои интересы. Этим обусловлен акцент настоящего исследования на существующих образах польской диаспоры в США, стратегиях их изменения

---

[50] Sil R., Katzenstein P.J. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol. 8, № 2. pp. 412-416

[51] Микешина Л.А.Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности научного знания // Эпистемология & философия науки. – 2014. – №1. С. 75-76

и использования. Таким образом, показывается как внутренняя динамика диаспоры во взаимодействии с внешними факторами (в данном случае – государство пребывания, страна происхождения, определенные международные ситуации) конструирует интерес.

Наконец, привлечение классификации ресурсов этнических лобби Дж. Мершаймера и Ст. Уолта[52] позволяет не только уточнить и дополнить типологию мирополитических ресурсов М.М. Лебедевой[53], но и имеет весомую эвристическую ценность в контексте рассмотрения роли польской диаспоры США.

При подготовке настоящего исследования использовались качественные методы. В работе широко применяются **дескриптивный** и **компаративный** методы политического анализа. Дескриптивный метод применялся для описания событий и политических процессов, связанных с продвижением польской диаспорой в США своих интересов. Это позволило установить механизмы влияния данной диаспоры и выявить основные характеристики взаимоотношений американской Полонии с другими политическими акторами.

Применение компаративного метода дало возможность выявить специфику взаимоотношений польской диаспоры в США с государством происхождения, а также показать специфику подхода Польши к взаимоотношениям с Полонией в различные периоды политической истории III Речи Посполитой.

Наконец, теоретико-методологический эклектизм обусловил применение историко-генетического метода[54] при поиске оптимального похода к понятию «диаспора», что позволило рассмотреть эволюцию данного понятия, показать взаимосвязи различных интерпретаций.

---

[52] Mearsheimer J.J., Walt S.M. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007;

[53] Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 1. С. 99–108

[54] Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. С. 184-186

При написании диссертации был использован широкий круг **источников**, которые можно разделить на несколько групп. Во-первых, для описания отношений Польши и польской диаспоры в США активно использовались документы польского Сената и МИДа. Значительный объем информации содержится в стенограммах заседаний верхней палаты и ее Комиссии по связям с Полонией и поляками за рубежом. На этих заседаниях выступали как польские официальные лица, так и представители диаспор, что позволило вычленить некоторые узлы противоречий и точки соприкосновения. В документах МИД Польши отмечены основные цели политики в отношении диаспоры, а также сформулированы узкие практические цели по конкретным направлениям работы (от образования до нового имиджа страны в мире).

Во-вторых, при рассмотрении лоббистских усилий польской диаспоры в США использовались американские официальные документы – доклады о лоббизме в Палате представителей, проекты законов и резолюций обеих палат Конгресса, материалы слушаний в сенатской Комиссии по внешней политике. Несмотря на кажущееся обилие документов, их содержание позволяет сделать не так много полезных для исследования выводов, поскольку сфера лоббизма все же остается достаточно закрытой.

В-третьих, текущая политическая динамика внутри польской диаспоры в США нашла отражение в электронных версиях журналов – чикагского «Вестника Союза» (поль. Dziennik Związkowy) и балтиморской «Бибулы» (современное значение слова – оберточная бумага). Эти журналы принадлежат к разным идеологическим лагерям и уделяют пристальное внимание борьбе между различными течениями внутри диаспоры. В то же время, многие их сообщения носят эпизодический характер, что составляет значительную сложность для непосвященного в контекст читателя.

В-четвертых, большое значение имеют документы самих диаспоральных организаций – прежде всего, Конгресса Американской Полонии и Коалиции восточноевропейских и центральноевропейских народов. Речь идет об официальных заявлениях, сводках по текущему политическому моменту, со-

общениях о проведенных мероприятиях. Немногочисленность источников в данной группе компенсируется их качеством, поскольку восточноевропейские диаспоры весьма прямолинейно заявляют о желаемом и нежелательном.

Новизна исследования состоит в следующем:

1. проанализированы основные этапы формирования понятия «диаспора» и определены теоретические ограничения в его использовании;

2. предложен комплексный анализ понятия «диаспора» в предметных рамках теории международных отношений и мировой политики;

3. впервые рассмотрены формы мирополитической активности польской диаспоры США на современном этапе;

4. детально рассмотрена проблематика ресурсов диаспор как участников мирополитических взаимодействий;

5. выделены специфические механизмы продвижения польской диаспорой своих интересов в США;

5. введены в научный оборот данные по современному этапу взаимоотношений Польши и польской диаспоры в США;

6. выявлена деятельность польской диаспоры как косвенно вовлеченной стороны международного конфликта на Донбассе;

7. показано, как польская диаспора в США выходит за рамки институционального треугольника «государство происхождения-диаспора-государство пребывания».

Теоретическая значимость исследования заключается, главным образом, в выборе объекта исследований. Диаспоры составляют важную и недостаточно исследованную группу акторов мировой политики, в особенности, диаспоры европейского происхождения. Между тем, количество и влияние диаспор (не всех и не в равной степени) растет, что создает острую необходимость анализа их политического влияния, а также последствий такого влияния.

В работе подробно проанализированы возможные подходы к пониманию диаспоры с позиций основных парадигм теории международных отно-

шений, выявлены основные точки соприкосновения и пункты разногласий. Автор приходит к выводу, что неолиберальная парадигма большое значение придает трансформации политической структуры мира, объясняет рост значения диаспор данной трансформацией и уделяет большое значение соотношению внешних ограничений и внутреннего потенциала диаспор. Напротив, немногочисленные конструктивистские работы подчеркивают новизну социальных и политических связей, которые образовываются внутри и между диаспорами, отдают приоритет интерсубъективным феноменам. Неореалистская и неомарксистская парадигмы исходят из второстепенности диаспор как класса политических акторов, поскольку их деятельность во многом обусловлена внешними факторами (системное соотношение сил, глобальное распределение капитала). Исходя из этого, автор предлагает обратить внимание на динамику политических процессов на нескольких уровнях анализа, отмечает необходимость учета внутренней политической динамики диаспор и многообразия мирополитических взаимодействий.

Автор приходит к важному с теоретической точки зрения выводу о том, что недостаток одних политических ресурсов может компенсироваться с помощью использования других ресурсов: например, недостаток финансовых ресурсов может быть в значительной мере заменен использованием организационного и имиджевого потенциала (дискурсивный ресурс). Более того, на примере польской диаспоры в США были продемонстрированы конкретные примеры подобных компенсаторных механизмов.

Наконец, в отличие от широко распространенного тезиса о структурных ограничениях в политической деятельности диаспор, восходящего к работам Г. Шеффера[55], автор показывает, как диаспора (в данном случае, американская Полония) действует вне институционального треугольника «государство происхождения-диаспора-государство пребывания». Это позволяет сделать вывод о том, что растет число ситуаций, в которых проявляется ак-

[55] Sheffer G. Diaspora Politics: At Home Abroad. – New York: Cambridge University Press, 2003. pp. 192-199

тивная роль диаспор в современной мировой политике, а не их вовлеченность в масштабные процессы, подстегиваемая государствами.

Практическая значимость исследования. Полученные результаты могут быть использованы для внешнеполитического планирования – в частности, для сокращения негативного воздействия так называемого «русофобского лобби» в США, включающего, безусловно, не только восточноевропейские диаспоры. Кроме того, сформулированные в исследовании подходы к мирополитической деятельности диаспор, а также анализ ресурсного потенциала диаспор, могут быть полезны Федеральному агентству по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

Помимо этого, результаты исследования могут применяться в образовательных целях, в частности, в рамках распространенной в западных вузах линейки учебных курсов по направлению “Diaspora Studies”. Это междисциплинарное направление исследований в последние десятилетия постепенно приобретает международно-политическую составляющую, то есть может рассматриваться с точки зрения отечественной номенклатуры специальностей и направлений обучения («Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Политология»).

Хронологические рамки исследования охватывают условный период с 2000 по 2019 год. К этому времени польская диаспора достигла ключевой политической цели – вступления Польши в НАТО – и стала работать над новой повесткой дня. В то же время, рассмотрение политических целей и ресурсов польской диаспоры в США, а также ее взаимоотношений с Польшей, невозможно без учета исторического контекста, что обуславливает обращение автора к более раннему этапу существования Полонии в США.

Положения, выносимые на защиту:

1. Понятие диаспоры по-разному используется в отечественном и зарубежном академическом дискурсе. Для целей настоящего исследования авто-

ром диаспора определяется как сообщество с гибридной идентичностью, формирующееся в результате изменения места проживания его членов и поддерживающее транснациональные связи с территорией происхождения. Внутри такого сообщества происходит постепенная адаптация его участников к социальным и политическим условиям на новом месте, что, в зависимости от иных внешних факторов, либо усиливает, либо ослабляет интерес участников диаспоры к процессам на «Родине».

2. С точки зрения анализа трансформации мировой политики, диаспоры важны для нас из-за имеющихся у них политических ресурсов и механизмов влияния, взаимоотношений с государством пребывания и страной происхождения, а также их возможного участия в международных конфликтах в качестве «третьей стороны». Политические ресурсы включают в себя не только потенциал в традиционном понимании (финансовый, демографический, организационный), но и условно «мягкие» (социально-гуманитарные) ресурсы, над формированием которых необходимо длительное время работать – например, наличие определенного имиджа в «принимающем» обществе.

3. У польской диаспоры в США выявлено наличие хорошо развитых организационного и структурного ресурсов влияния. В то же время, возможности диаспоры несколько ограничены из-за сокращения электорального ресурса, а также из-за сложностей с формированием и использованием финансового ресурса. В среднесрочной перспективе возможно укрепление дискурсивного ресурса влияния, что будет связано с дальнейшей адаптацией и частичной ассимиляций участников диаспоры.

4. Отношения Польши и американской Полонии характеризуются наличием скрытых противоречий, которые не вступают в открытую фазу благодаря ряду сдерживающих факторов. Основной осью противоречий является вопрос о порядке и степени участия польской диаспоры в выработке собственных приоритетов и целей политики Польши в отношении диаспоры. Среди механизмов, сдерживающих противоречия, необходимо выделить идеологическую близость значительного числа участников диаспоры с пра-

вящей в настоящее время партией «Право и Справедливость» и недостаточную эффективность политики Польши в отношении диаспоры, которая позволяет американской Полонии избирательно подходить к партнерству с официальными органами власти в Варшаве. Тем не менее, существующие противоречия обуславливают тот факт, что польская диаспора в США не является исполнителем указаний властей Польши, а нередко оспаривает решения польских властей и имеет свою политическую повестку дня – как внутри Польши, так и в США.

5. Политические структуры польской диаспоры в США используют большинство прямых и непрямых методов воздействия на органы принятия решения, главным образом, – на Конгресс. Среди методов, используемых для продвижения интересов данной диаспоры, необходимо отметить официальные контакты с представителями органов власти, использование «встроенных» лоббистов, поощрение «законодательных тревог» (массовых обращений к конгрессменам). В то же время, ограниченность финансового ресурса не позволяет осуществлять широкомасштабные кампании в СМИ, проводить массовые акции, активно работать над продвижением своей политической повестки.

6. Несмотря на ограниченность политических ресурсов, польская диаспора в США использует предоставленные возможности достаточно эффективно. Польская диаспора прямо или косвенно способствовала выдвижению трех четвертей законопроектов и проектов резолюций в Конгрессе по вопросу конфликта на Донбассе в 2014-2016 гг. В этих документах содержалась жесткая (и нередко ошибочная) оценка действий России и устанавливались различные меры по поддержке Украины. В ходе продвижения жесткого подхода США к конфликту на Донбассе, организации польской диаспоры продемонстрировали умение компенсировать недостаток политических ресурсов – например, путем создания более широких коалиций с другими восточноевропейскими диаспорами. Эта деятельность во многом потеряла значимость в 2017 году на фоне антироссийской истерии в США, но данная форма участия

американской Полонии в мировой политике уникальна, поскольку речь идет о косвенном участии диаспоры в конфликте не на территории государства происхождения.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, 3 глав, включающих в себя 10 разделов, заключения, списка источников и литературы, 1 приложения. Изложение результатов исследования построено по принципу «от общего к частному»: сначала рассматривается само понятие диаспоры, затем его применение в рамках теории международных отношений, что позволяет вывести критерии анализа роли диаспор в мировой политике. После этого следует рассмотрение польской диаспоры в США и специфики ее мирополитической роли.

Апробация результатов исследования. Выводы, полученные в рамках данного исследования, нашли отражение в рамках курса «Диаспоры в мировой политике», который читается автором в магистерской программе МГИМО МИД России «Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов» (направление подготовки – «Международные отношения»). Кроме того, основные положения диссертации были апробированы в виде докладов на следующих конференциях и научных мероприятиях:

1. X межвузовская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные проблемы международных отношений и мировой политики» (Москва, РУДН, 4 апреля 2014 г.);

2. XXII международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 13-17 апреля 2015 г.);

3. VI научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «История, политика и философия в эпоху глобализации» (Москва, РУДН, 18 мая 2015 г.);

4. IX Конвент Российской ассоциации международных исследований (Москва, МГИМО МИД России, 27-28 октября 2015 г.);

5. модуль Университетского консорциума по евроатлантической безопасности (Нью-Йорк, Колумбийский университет, 11 ноября 2015 г.);

6. XXIII международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 11-15 апреля 2016 г.).

7. XXIV международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 13 апреля 2017 г.).

8. XIII межвузовская научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Современные проблемы международных отношений и мировой политики» (Москва, РУДН, 14 апреля 2017 г.);

9. XI Конвент Российской ассоциации международных исследований (Москва, МГИМО МИД России, 28-29 сентября 2017 г.).

Основные положения и выводы диссертации отражены в 10 **публикациях** общим объемом 5,1 п.л. Из них ***публикации в рецензируемых журналах из Перечня ВАК***:

1. Лошкарёв И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – №2 (41). С. 120-126 (0,6 п.л.)
2. Лошкарёв И.Д. К вопросу об агентах этнического лоббизма во внешней политике США // Право и управление. XXI век. – 2015. – №3(36). С. 148-152 (0,4 п.л.)
3. Лошкарёв И.Д. Ресурсы этнического лоббизма во внешней политике США // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, №3. С. 76-83 (0,8 п.л.)
4. Лошкарёв И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – №4(106). С. 70-78 (0,5 п.л.)
5. Лошкарёв И.Д. Ресурсы влияния польской диаспоры в США на американскую внешнюю политику // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – №3 (54). С. 238-248 (0,6 п.л.)

6. Лошкарёв И. Д. Связка «миграция-развитие» в рамках глобального режима в сфере миграции // Человек. Сообщество. Управление. – 2018. – №1. С. 42-60 (0, 7 п.л.)

Иные публикации:

7. Лошкарёв И.Д. Восточноевропейские диаспоры США и украинский кризис 2014 г. // Маастрихтский договор как веха европейской интеграции: сборник научных публикаций по материалам заседания круглого стола. Москва, 11 октября 2013 г. / сост. проф., д.и.н. М.А. Шпаковская. – М.: РУДН, 2014. С. 34-46 (0,3 п.л.)
8. Лошкарёв И.Д. Генезис и эволюция концепции «заботы» Польши в отношении польской диаспоры // Современные проблемы международных отношений и мировой политики: Материалы X межвузовской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – М.: РУДН, 2015. С. 91-99 (0,4 п.л.)
9. Лошкарёв И.Д., Ивкина Н.В. Глобальный режим управления миграцией: проблемы и перспективы // XI Фестиваль науки в Москве. 7-8 октября 2016 г.: сборник научных статей студентов, аспирантов и молодых ученых факультета гуманитарных и социальных наук / под ред. В.Б. Петрова, О.В. Филатовой, В.А. Цвыка. – М.: РУДН, 2016. С. 451-460 (0,3 п.л.)
10. Лошкарёв И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике: некоторые теоретические аспекты // Современные проблемы международных отношений и мировой политики : материалы Двенадцатой межвузовской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Москва, 17 марта 2017 г. / Под ред. д.и.н., проф. М. А. Шпаковской. – Москва: РУДН, 2017. С. 249-259 (0,5 п.л.)

Глава 1. Основные концептуальные подходы к понятию «диаспора» в политической науке

Понятие диаспоры широко используется в академических и журналистских публикациях, однако его сущностные характеристики определяются по-разному. Под влиянием слишком частого употребления границы понятия размываются, снижается его аналитическая ценность и применимость[56]. Существуют два подхода, объясняющие отсутствие четкого определения диаспоры. В рамках первого подхода предпринимаются попытки оправдать неудачи исследователей: явление диаспор многогранно и недостаточно изучено, сам термин относительно новый, в СМИ слово используется неправильно[57]. Второй подход объединяет тех, кто убежден в невозможности (или ненужности) четкого определения рассматриваемого понятия. Например, А.Ю. Милитарев считает поиски определения рассматриваемого понятия изначально тщетными: по его мнению, диаспора “описывает, а вернее просто называет, один или несколько исторических сюжетов”[58]. Другая линия рассуждений сводится к тому, что диаспоры – это динамические явления, их содержательные характеристики трансформируются. Поэтому использование термина скорее преимущество, чем недостаток: понятие “диаспоры” размывается, но за счет этого можно аналитически охватить схожие по механизму образования группы и явления, получить более полную картину происходящего[59].

---

[56] Дятлов В.И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику России // Диаспоры. – 2004. – №3. С. 127-128

[57] См. например: Рассолько И.Д. Перспективы применения понятий «диаспора» и «диаспоральность» в социологическом анализе // Социология. – 2012. – №2. С. 123; Осепян А.К. Концепты и характеристики диаспоры в классическом и современном виде // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – №7 (156). С. 69; Пожидаева М.А. К социальному осмыслению понятия «диаспора» // Государство, общество, наука: горизонты развития. Материалы Международной молодежной конференции, приуроченной к симпозиуму им. Т.И. Заславской “Социальные вызовы экономическому развитию”. – Новосибирск: Сибирский институт управления- филиал РАНХиГС, 2014. С. 244

[58] Милитарев А.Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниций) // Диаспоры. – 2005. – № 3. С. 8

[59] Cohen R. Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers // International Affairs. – Vol. 72, №3 (Jul., 1996), pp. 514-516

До того, как отдать предпочтение одному из подходов, необходимо проанализировать стороны изучаемого явления, которые преимущественно рассматривались исследователями, и те, которые были проигнорированы. Кроме того, нужно оценить методологический инструментарий в исследованиях диаспор. Иными словами, необходимо оценить субъективные причины неудач в поисках четкой дефиниции понятия перед тем, как возлагать вину на объективные причины.

1.1. Особенности эволюции подходов к понятию диаспора до 90-х гг. XX в.

Слово “диаспора” появилось в результате перевода Библии на древнегреческий язык в Александрии. Такая необходимость возникла потому, что многие представители местной иудейской общины плохо владели ивритом, но при этом стремились сохранить верность своей традиционной религии[60]. Само слово описывало болезненный опыт еврейского народа, его вынужденное пребывание вне исторической родины. При этом, при переводе оттенки смысла “еврейского рассеяния” изменились: “отправляться в изгнание” было передано как “делиться на части”. В исходном же варианте слова речь шла скорее о “пленении” или “наказании”[61]. Это можно назвать косвенным признанием позитивных моментов пребывания в диаспоре: период “рассеяния” оказался периодом интенсивного знакомства с различными культурами, новых экономических и политических возможностей[62]. Таким образом, первые разногласия в понимании диаспоры затронули негативное восприятие самого процесса переселения, а также, отчасти, его насильственный характер.

Примечательно, что в Новом Завете верх одержало именно позитивное отношение к миграции, рассматривавшее “рассеяние” как естественный

[60] Курносова Л.С. Понятие диаспоры в социологическом дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2006. – №1(5). С. 237

[61] Милитарев А.Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниций). С. 13-15

[62] Cohen R. Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers // International Affairs. – 1996. – Vol. 72, №3. pp. 508-509

процесс[63]. Это отражало исторический опыт эллинистического мира, где переселение из традиционного ареала проживания (“родины”) происходило, в основном, по экономическим причинам. Таким образом, помимо “диаспоры-жертвы” правомерно говорить о “диаспорах активной колонизации”. Безусловно, вторая интерпретация миграции в течение тысячелетий употреблялась значительно реже[64].

Вплоть до середины XX века термин “диаспора” употреблялся, главным образом, в двух значениях: для обозначения иудеев и для описания библейской истории о “Вавилонском плене” (шире – “рассеянии”). Расширение смысла шло по обоим направлениям – по религиозному и по аллегорическому. Нередко библейские аналогии применялись уже не только к иудеям, но и к христианам. Во-первых, репрессии против последователей Христа в первые века становления новой религии поощряли употребление соотвествующих мест из Священного Писания. А, во-вторых, на первых порах адептами христианства становились именно представители еврейской диаспоры[65]. Традиция связывать гонения на христиан с ветхозаветным “рассеянием” оказалась достаточно устойчивой: в XVIII-XIX вв. диаспорами называли общины чехов-гуситов («моравских братьев»), бежавших от гонений католиков во владениях Габсбургов. Более того, в 1750 году в Саксонии церковная организация гуситов переименовалась в «Диаспору Церкви Братства в честь Евангелия от Петра»[66]. Также, к началу XX века аналогия с библейским «рассеянием» нередко применялась в отношении чернокожего населения США: идеологи панафриканизма проводили параллели между «Вавилонском пленением» и работорговлей. Эту перемену в 1931 году отметил британский энциклопедист С. Дубнов, указавший на возможность определения диаспор не по религиозному принципу, а по

---

[63] Спорышев П.П. Диаспора: феномен и понятие (к проблеме выработки политологического подхода) // Экономические стратегии. – 2009. – №3. С. 125-126

[64] Cohen R. Diasporas and the Nation-State. p. 508

[65] Gorman R.F. Classical Diasporas of the Third Kind: The Hidden History of Christian Dispersion // Journal of Refugee Studies. – 2011. – Vol. 24, No. 4. pp. 643-645

[66] Dufoix S. Diasporas. With a foreword by R. Waldinger; translated by W. Rodarmor. – Berkeley&Los Angeles: University of California Press, 2008. pp. 16-17

этническому принципу (например, диаспора не иудейская, а еврейская)[67]. В «Новейшей истории еврейского народа» (1937-1939 гг.) С. Дубнов последовательно проводил мысль, что под влиянием предоставления гражданских прав и политики ассимиляции выяснилось, что религиозный аспект в жизни евреев может не играть столь существенной роли, в отличие от идеи политического и культурного обособления (автономизма)[68].

В научный оборот понятие диаспоры фактически ввел патриарх Чикагской социологической школы Р.Э. Парк[69]. Его внимание привлекала проблематика расовых взаимоотношений – в том числе, рост числа выходцев из Азии на тихоокеанском побережье США. Р. Парк отмечал важность изучения идентичности мигрантов[70]. По его ученого, в результате миграции формируется “маргинальный человек” – особый тип личности, который возникает случайным образом в процессе взаимовлияния разных культур (“когда народы разных культур и разных рас сходятся, чтобы вести общую жизнь”). Также, Р.Э. Парк отмечал, что этот тип личности подобен тому, что сформировался в среде еврейской диаспоры[71]. В целом, в трудах Р.Э. Парка был определен ряд проблем, связанных с изучением диаспор: адаптация мигрантов и самоорганизация их сообществ, гибридная природа этих процессов, соотношение индивидуальной и коллективной идентичности.

---

[67] Ibid. pp. 10-13, 17

[68] Дубнов С.М. Новейшая история еврейского народа от французской революции до наших дней: В 3 Т. Т. III. Эпоха антисемитской реакции и национального движения (1881-1914) с эпилогом (1914-1938). – М.: Мосты культуры, 2002. С. 269-273

[69] В дальнейшем автор не касается эволюции религиозного понимания диаспоры. Эта тема разработана в религиоведческой литературе. Подробнее см.: Baumann M. Diaspora: Genealogies of Semantics and Transcultural Comparison // Numen. – 2000. – Vol. 47, № 3. pp. 313-337

[70] «Миграция как социальное явление должна изучаться не только в плане ее крупных последствий, проявляющихся в изменении обычаев и нравов, но может быть рассмотрена и в ее субъективных аспектах, выраженных в том изменившемся типе личности, который она производит». См.: Парк Р.Э. Избранные очерки: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2011. С. 228-229

[71] «Маргинальный человек – всегда человек сравнительно более цивилизованный. Он занимает положение, исторически характерное для еврея в Диаспоре. Еврей, особенно вышедший из провинциализма гетто, всегда и везде был наиболее цивилизованным из человеческих созданий». См.: Там же. С 240

Теоретические наработки чикагской школы социологии широко использовались в общественных науках. Однако вплоть до 70-х гг. XX в. проблемы миграции и взаимоотношений “принимающего” общества и “пришлого” населения преимущественно сводились к осмыслению ассимиляции, ее стадий и разновидностей, а позднее – к поиску эффективных моделей ассимляции, к оценке перспектив “плавильного котла” в многонациональных государствах (прежде всего, в США)[72]. Примечательно, что о тех сообществах, которые своим историческим опытом опровергали теории ассимиляции, нередко предпочитали умалчивать[73].

С конца 50-х гг. XX в. термин «диаспора» стал активно использоваться исследователями в отношении групп, проживающих вне некой исходной территории. Число изучаемых групп было ограниченным: еврейские, греческие и армянские общины, выходцы из Африки («черная диаспора»), Китая и Палестины[74]. Важнейшим сдвигом в эволюции рассматриваемого понятия стало сужение его пространственных границ: под диаспорой стали подразумевать не всю совокупность выходцев с определенной территории, а только ее часть в отдельно взятом государстве или даже в отдельных населенных пунктах. С методологической точки зрения, большинство работ этого периода по проблематике диаспор носили компаративный (сравнительный) характер. Модельным случаем, исследовательским эталоном неизменно выступала еврейская диаспора, однако из-за противоречивости ее исторического опыта сформулировать базовые параметры используемого понятия не удалось. Это обусловило обращение исследователей к историко-типологическому методу, выделению нескольких групп признаков диаспоры как социального явления[75].

---

[72] Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. XVII , №3. С. 63-65

[73] Shuval J.T. Diaspora Migration: Definitional Ambiguities and a Theoretical Paradigm // International Migration. – 2000. – Vol. 38 (5). p. 44

[74] Dufoix S. Op. cit. pp. 19-20; Tölölyan K. The American Model of Diasporic Discourse // Diasporas and ethnic migrants: Germany, Israel and post-Soviet successor states in comparative perspective / Ed. by R. Münz and R. Ohliger. – London, Portland: Frank Cass, 2003. p. 52

[75] Авдашкин А.А. Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №2 (357). С.131; Рассолько И.Д. Указ. соч. С.123

Статья известного исследователя национализма Дж. А. Армстронга «Мобилизированные и пролетарские диаспоры» (1976) заложила основы современного изучения диаспор. Во-первых, в статье были сформулированы две совершенно новые (но взаимосвязанные) проблемы в исследовании рассматриваемого феномена – осмысление функционирования диаспор как сообществ (как «работает» диаспора?) и их взаимодействия с «принимающим» обществом (что, помимо ассимиляции, включают в себя такие взаимодействия?). Во-вторых, Дж. А. Армстронг впервые четко приписал диаспорам этническое происхождение. Это позволило ему предложить решения сформулированных им проблем с помощью теорий этничности и национализма. Наконец, в-третьих, ученый одним из первых вышел на осмысление политической роли диаспор, рассматривая их взаимодействие с «принимающим» обществом как поиск взаимовыгодных отношении с его элитой[76].

Теоретическая база исследования Дж. А. Армстронга соответствовала уровню развития политической науки середины 70-х гг. XX в. Его аргументы основывались, главным образом, на теории социального обмена, теории коммуникации К. Дойча и теории границ этничности Ф. Барта. То есть, Дж. Армстронг пытался совместить следующие принципы. Во-первых, политическое поведение напрямую зависит от того, что выше – издержки от взаимодействия или его выгоды. Если стороны взаимодействия достигли некоторых преимуществ, то такое или сходное взаимодействие, вероятно, повторится. Правда, с каждым последующим взаимодействием полезность социального обмена становится меньше[77]. Во-вторых, экономическое развитие общества запускает процессы политической мобилизации, что, в свою очередь, ведет к росту однородности общества. Автор теории коммуникации К. Дойч называл степень участия населения в модернизации мобилизацией и полагал, что мобилизации запускает определенные каналы обмена информацией, которые

[76] Armstrong J.A. Mobilized and Proletarian Diasporas // The American Political Science Review. – 1976. – Vol. 70, No. 2. pp. 393-394

[77] Homans G.C. Social Behavior as Exchange // American Journal of Sociology. – 1958. – Vol. 63, № 6.pp. 597-606; Култыгин В. П. Концепция социального обмена в современной социологии // Социологические исследования. – 1997. – № 5. С. 88-89

позволяют вовлеченным в них индивидам накапливать и комбинировать информацию о прошлом и настоящем. Чем больше социальная и политическая мобилизация, тем более однородно общество, то есть тем больше ассимилируются различные меньшинства[78]. Наконец, в-третьих, теория Ф. Барта заключалась в том, что основным признаком этнических групп является «приписывание» группой этнической идентичности – себе и другим. Такие «приписывания» и есть объективно существующие этнические границы, которые определяют поведение людей и задают определенный статус этнической группы[79].

Исходя из идей К. Дойча, Дж. Армстронг предположил, что социальная мобилизация (участие в модернизации) затрагивает и диаспоры. Исследователь выделил два типа диаспор: участвующие в модернизации (мобилизированные) и не принимающие участия (пролетарские). Исходя из тезисов К. Дойча, между мобилизированной диаспорой и элитой страны пребывания существует коммуникационный канал. Проанализировать взаимодействия в рамках этого канала можно, исходя из того, насколько такое взаимодействие выгодно обеим сторонам (теория социального обмена). Дж. Армстронг пришел к выводу, что мобилизированной диаспоре выгодно такое взаимодействие, которое гарантирует ее сохранение. Напротив, элита страны пребывания может использовать специфические навыки членов диаспор (посреднические, квази-административные услуги) как внутри государства, так и за его пределами. Чем чаще использование навыков обменивается на безопасность, тем стабильнее статус мобилизированной диаспоры. Однако с течением времени диаспора и элита «принимающего» государства все меньше ценят достигнутое. Поэтому Дж.А. Армстронг возвратился на более высокий уровень анализа и сделал вывод, что быстрый темп модернизации снимает противоречия между элитой государства и диаспорой, а медленный темп – делает по-

[78] Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. 3-е изд. – М.: ИД КДУ, 2014. С. 62-64

[79] Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое изд-во, 2006. С. 15-20

ложение мобилизированной диаспоры крайне неустойчивым[80]. Иными словами, противоречия социального обмена между диаспорой и элитой «принимающего» государства снимаются за счет скорости этого обмена.

При этом, Дж. Армстронг не соглашался с К. Дойчем в том, что социальная мобилизация диаспор ведет к их ассимиляции. По Дж. Армстронгу, мобилизированные диаспоры сохраняют свою идентичность, хотя и интегрируются в общество страны пребывания. Таким образом, мобилизированные диаспоры представляют собой изъятие из теории коммуникаций. Сохранение идентичности Армстронг обосновывал с помощью теории этнических границ: мобилизированные диаспоры (еврейская, армянская, китайская) существуют настолько давно, что социальный статус достаточно четко зафиксировался. Соответственно, не столько этнические границы (коллективный миф) определили статус группы, сколько статус способствует сохранению этнических границ: «приписывание» идентичности действует как изнутри, так и извне[81]. В терминах теории социального обмена, элите страны пребывания выгодно сохранение мобилизированных диаспор.

Аналогично, Дж. Армстронг отрицал ассимиляцию пролетарских диаспор – но уже в полном соответствии с К. Дойчем. Пролетарские диаспоры осознают свою инаковость, но не осуществляют коммуникацию с элитой страны пребывания (шире – не участвуют в модернизации). Причина этого в том, что такие диаспоры чаще всего возникли в результате трудовой миграции и не имеют опыта длительного существования. Из-за отсутствия коммуникации с элитой «принимающего» государства их социальный статус не может быть определен, а идентичность задается исключительно динамикой отношений внутри сообщества. Так что пролетарские диаспоры – в известной мере, «спящие», потенциальные политические субъекты. Но Армстронг отмечал, что при быстрых темпах модернизации возникают внешние факторы, которые задают невысокий социальный статус таких диаспор. Эти сообщества могут подвергаться дискриминации, а их экономическое благосостояние может снижаться. Вероятно, именно в такие моменты открывается возмож-

[80] Armstrong J.A. Op. cit. pp. 397-402, 408
[81] Ibid. p. 395

ность для перехода диаспоры из разряда «пролетарских» в мобилизированные[82].

Несмотря на излишний схематизм построений Дж.А. Армстронга, в его статье есть ряд достоинств. Во-первых, впервые было объяснено, а не только отрефлексировано, наличие разных типов диаспор: был найден критерий, который вполне удовлетворительно объяснял существование относительно замкнутых и политически активных диаспор. В-вторых, Дж.А. Армстронг обратил внимание на интенсивность социальных и политических взаимодействий как один из внешних факторов развития диаспор. От этого тезиса позднее стали отталкиваться исследователи, которые увязывали рост числа транснациональных сообществ (в том числе, диаспор) с глобализацией. В-третьих, Армстронг на теоретическом (не эмпирическом) уровне оспорил неизбежность ассимиляции диаспор, показал возможные пути сохранения их идентичности. Наконец, до появления статьи «Мобилизированные и пролетарские диаспоры» явление диаспор рассматривалось преимущественно в рамках социологии и антропологии, однако автор статьи продемонстрировал преимущества междисциплинарного исследования, использования наработок антропологии, этнологии, экономики и политологии.

В то же время, определенное невнимание Д.А. Армстронга к вопросу дефиниции рассматриваемого понятия подстегнуло дальнейшую научную дискуссию. Вплоть до середины 90-х гг. XX в. специалисты по различным научным дисциплинам пытались сформулировать определение понятия «диаспора». Естественно, за образец бралась еврейская диаспора, что наложило определенный отпечаток на исследования и что не так заметно у Дж. Армстронга. В то же время, произошли важные изменения: количество анализируемых диаспор резко возросло, а также стало доминировать осознание того, что исторический опыт еврейской диаспоры был разнообразным, не сводился к «диаспоре-жертве» (определенный возврат к интеллектуальной традиции «диаспор активной колонизации»)[83].

---

[82] Ibid. pp. 405-408

[83] Авдашкин А.А. Проблема диаспор в зарубежной и отечественной литературе: вторая половина XX – начало XXI в. // Вестник Южно-Уральского профессионального институ-

Таким образом, на первом этапе понятие диаспоры претерпело следующие изменения. Во-первых, диаспора стала обозначать не столько религиозную общность и отсылку к определенному библейскому сюжету, сколько этническое и даже расовое сообщество. Во-вторых, заметно смягчилось негативное восприятие диаспоры как результата изгнания, депортации, масштабного насилия. В-третьих, произошел перенос названия «рассеяния» на его составные части, границы понятия в пространственном смысле сузились – до диаспор в конкретной стране и даже населенном пункте. В-четвертых, рассматриваемое понятие было введено в научный оборот социологами, но постепенно перешло в поле междисциплинарных исследований (в том числе, в рамках политологии). В-пятых, основное внимание исследователей при изучении диаспор привлекали проблемы ассимиляции и, шире, взаимодействия диаспор с «принимающим» обществом.

та. – 2013. – №3(12). С. 5; Зайка К.В. Диаспорические и иммигрантские сообщества // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №10. С. 75.

1.2. Современный этап эволюции понятия «диаспора» в зарубежной научной литературе

Условным началом нового этапа в изучении диаспор считается 1991 год, когда в Университете Торонто стал выходить журнал «Diaspora: A Journal of Transnational Studies» (редактор – историк Хачиг Тололян). Несмотря на то, что в дальнейшем этот журнал стал выходить реже (не три, а два раза в год) и с небольшими задержками, а также с учетом появления других изданий сходного профиля (“Global Networks”, “Diaspora Studies”), именно этот журнал обозначил новый период к институциализации исследований диаспор и именно на его страницах развернулись основные дискуссии по содержательным аспектам этих исследований. Более того, в журнале существует рубрика «Диаспорама», где анализируются новые и необычные случаи употребления анализируемого понятия[84].

В начале 90-х гг. XX вв. изучению диаспор импульс снова дала социология, где приобрели популярность теории транснациональной миграции. Эти два направления объединены сходностью предметов исследования, а также общим противником – обновленными версиями теории ассимиляции[85]. Хотя меняются практики мигрантских сообществ[86] (как и границы понятия диаспора), можно выделить ряд сходств этих научных течений (в отечественное науке их, к сожалению, нередко вообще не различают)[87]. Во-первых, в исследованиях транснациональной миграции и диаспор делается акцент на уникальности тех социальных и политических связей (пространств, механизмов), которые возникают в результате миграции. Во-вторых, оба направления в той или иной степени отрицают конечную ассимиляцию ми-

---

[84] Третьяков В. Конец диаспор? (Обзор журнала “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”) // Новое литературное обозрение. – 2014. – №3 (127). С. 49-50, 53

[85] Костенко В.В. Теории миграции. С. 65-67, 71-72

[86] Известный исследователь миграционных проблем В.С. Малахов отмечает, что понятие «мигранты» является крайне размытым, не имеет социологического смысла. Вместо этого понятия предлагается ввести термин «аллохтоны». Подробнее см.: Малахов В.С. Аллохтоны и автохтоны: мигранты как субъект социального (взаимо)действия // Полис. Политические исследования. – 2015. – №1. С. 112-113

[87] Например: Ким А.С. Транснациональность диаспор: междисциплинарный анализ // Пространственная экономика. – 2006. – № 1 (05). С. 100-103

грантов, уделяют пристальное внимание модели транснациональной идентификации: что с течением времени люди сохраняют от культуры и традиций территории происхождения, от чего им пришлось отказаться[88].

В то же время, количество различий, обусловленное дисциплинарными рамками, также велико. Как любые исследования миграции, теории транснациональной миграции обращаются к проблематике состава мигрантов, причин и способов их переселения, опыта первых контактов с «принимающим» обществом – в отличие от практики изучения диаспор. Кроме того, теории транснациональной миграции преимущественно освещают процесс определения мигрантов извне, а исследователи диаспор – изнутри самих сообществ (самоидентификация). Вдобавок, пафос теорий транснациональной миграции во многом сводится к подчеркиванию новизны изучаемого явления, а в изучении диаспор – на давние традиции диаспоральности. Наконец, в фокусе теорий транснациональной миграции находится вопрос роли наций-государств, ведь сущность транснациональной миграции заключается в многократных контактах и связях, проходящих через (сквозь, помимо) государственные границы. В исследованиях диаспор государства также важны – государство происхождения и исходное государство («Родина»). Но основное внимание уделяется не последствиям того, что различная деятельность членов диаспор игнорирует государственные границы, а тому, что эти связи и контакты осуществляются между определенными членами диаспор[89]. Поэтому теориям транснациональной миграции еще только предстоит осмыслить множественность путей эволюции мигрантских сообществ, наличие различных пограничных состояний и пространств, факторы воспроизводства транснациональных практик (в том числе, в рамках диаспор), а также преодолеть

[88] Johnson N.C. Global Journeys: From Transnationalism to Diaspora // Journal of International and Global Studies. – 2012. – Vol. 4, №1. p. 49

[89] Несмотря на различия, именно теории транснациональной миграции способствовали повышению интереса к понятию диаспоры в академическом сообществе, а также существенно обогатили исследования диаспор (например, тезисом, что у транснациональных процессов есть глобальные последствия).

«методологический национализм» (сконцентрированность на нации-государстве)[90].

В современной дискуссии о сущности диаспор и их роли в социальных и политических процессах выделяют три подхода – «категориальный», «открытый» и «парадоксальный». Первый подход – перечислить набор признаков, приписываемых исключительно диаспорам (акцент на уточнении границ понятия). Подобный теоретический посыл явно или неявно носит эссенциалистский характер, то есть подразумевает, что диаспоры – реально существующее (даже онтологически заданное) явление. Второй подход – это как можно дальше отойти от еврейского эталона, оставить возможность для включения в понятие как можно большего числа сообществ и продолжать искать сходства таких сообществ с эталонной версией (то есть акцент на разнообразии в рамках понятия). Это означает, что необходимо рассматривать диаспору как понятие социальной и политической практики, которая может существенно изменяться под действием внутренних или внешних факторов. А третий способ использовали ученые-постмодернисты, усматривавшие в диаспорах носителей существующих противоречий (глобальность/локальность, длительность/прерывистость, территория происхождения как центр и места жительства как периферия)[91]. Представляется оптимальным рассмотреть развитие понятия диаспоры внутри каждого из подходов для выделения не только их особенностей, но и общих представлений о диаспорах на современном этапе.

Основоположником категориального подхода (в терминологии С. Дюфуа) считается американский ученый У. Сафран, который опубликовал в первом номере журнала «Diaspora» статью «Диаспоры в современных обществах: мифы о территории происхождения и возвращении». В публикации Сафран предложил шесть классических признаков диаспоры:

- распространение из единой территории происхождения в два и более внешних региона;

---

[90] Johnson N.C. Op. cit. p. 42, 46, 49-52; Levitt P., Jaworsky B.N. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends // Annual Review of Sociology. – 2007. – Vol. 33. pp. 142-143

[91] Dufoix S. Diasporas. pp. 21-25

- поддержание коллективной памяти (мифа) о территории происхождения – ее истории и достижениях;

- наличие чувства отчуждения по отношению к коренному населению;

- участники сообщества полагают, что их потомки при некоторых условиях могут вернуться на территорию происхождения;

- стремление обеспечить благоприятные условия для безопасности территории происхождения;

- солидарность обеспечивается той или иной личной или коллективной сопричастностью с территорией происхождения[92].

Для обоснования этого определения У. Сафран последовательно сравнил свыше десятка сообществ с эталонной еврейской диаспорой. При этом, исследователь значительно расширил понятие диаспоры, включив в него постколониальные группы (франкоязычные выходцы из стран Магриба) и расовые общности (чернокожее население США). Сафран четко указал, что наличие всех шести признаков – это «идеальный тип» М. Вебера, в реальности у некоторых сообществ может быть меньшее количество указанных параметров. Например, китайцы юго-восточной Азии стали настолько состоятельными, что не рассматривают возможность возвращения в Китай, а у афро-американской диаспоры весьма смутное представление о территории происхождения[93].

У. Сафран опирался на теорию наций Э. Смита (этносимволизм), которая представляла собой попытку совместить традиционный примордиализм этнологии и набиравший силу конструктивизм. Поэтому Сафран с одной стороны подчеркивает значение мифа о грядущем возвращении на территорию происхождения, но с другой – четко ограничивает его функции. Миф о возвращении – это часть мифа об общем прошлом этнической группы, миф, который работает по законам эпохи премодерна. Этот миф может стать основой общности, но только при условии, что его будет продвигать определенное государство. Поскольку «принимающее» государство вряд ли будет про-

---

[92] Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1991. – №1 (1). pp. 83-84

[93] Op. cit. p. 90

двигать культурно чуждый миф, то для диаспор эту функцию выполняет страна происхождения (если таковая имеется). Проще говоря, миф о возвращении – это взаимосвязь между государством, конституирующим общину, и механизмами поддержания ее идентичности. Сам по себе миф, сконструированный кем бы то ни было, не формирует общность[94].

Затем У. Сафран несколько модернизировал свою точку зрения. Во-первых, вопреки Э. Смиту, который настаивал на длительности формирования мифов, ученый ввел понятие «срока жизни» диаспор, то есть четко поставил вопрос о конечности существования таких сообществ. При этом, мифы-атрибуты сообщества формируются быстро – буквально в течение десятилетия. На эту мысль его натолкнула ассимиляция третьих и четвертых поколений мигрантов в США и Канаде. Во-вторых, Сафран частично отказался от мысли, что миф о возвращении культивируется исключительно страной происхождения. Этот миф также находится в прямой зависимости от политического режима в государстве пребывания. Причина такого перехода проста: еврейская диаспора (исследовательский эталон) не имела до середины XX века прочных и устойчивых связей с территорией происхождения, а ее представители нередко рассматривали «изгнание» как нормальное положение дел[95].

Против расширительного толкования диаспор высказался, в частности, израильский политолог Г. Шеффер. Он попытался сформулировать компромиссный подход (нечто среднее между транснационализмом и «методологическим национализмом»), который позволил бы сузить объект изучения. Членов диаспоры объединяет, прежде всего, общая этническая (по Шефферу – этнонациональная) идентичность. Диаспора – это не столько культурное явление (как это представлялось У. Сафрану и Р.Коэну), сколько узко этническое. При этом, этническая идентичность вбирает в себя большую часть признаков диаспоры по Сафрану: это и реакция на социально-экономический и культурный контекст, и кровные узы, и антропологическое сходство, а

[94] Ozkirimli U. Theories of nationalism: a critical introduction. – Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2010. pp. 148-151; Safran W. Diasporas in Modern Societies. pp. 90-91

[95] Safran W. The Jewish Diaspora in a Comparative and Theoretical Perspective // Israel Studies. – 2005. – №10 (1). pp. 40-44

также – общность языка, исторической памяти, наличие общего интереса, близость обычаев и верований, эмоциональная привязанность к территории происхождения[96].

Поскольку далеко не все транснациональные сообщества обладают этнической идентичностью, Г. Шеффер отмечает, что некоторые явления, описываемые как диаспоры, таковыми не являются. Это относится к религиозным (копты, сикхи), лингвистическим (франкофоны, англофоны), политико-этническим (пантюркисты, панслависты) общностям[97].

Как и этничность, диаспоры (или даже диаспоральность) существуют достаточно давно: период их существования не так короток, как предполагал У. Сафран. Этническая идентичность может находиться в «спящем» режиме, но, тем не менее, существовать. Поэтому Г. Шеффер предложил следующую классификацию диаспор: исторические (классические), современные и потенциальные. Классические диаспоры (еврейская, армянская, китайская) возникли в период античности или средневековья, что можно считать доказательством существования этнической идентичности. Современные диаспоры (ирландская, польская) – это продукт глобализации, которая началась в середине XIX века и, по Шефферу, сняла ограничения для поддержания и развития этнической идентичности. Соответственно, потенциальные диаспоры – это, вероятно, воплощение механизмов этнической идентичности в новом постиндустриальном мире.

Тем самым, исследователь подошел к утверждению, что в условиях масштабных социальных перемен некоторые явления (такие как диаспора) не трансформируются, а сохраняются и даже распространяются. Г. Шеффер полностью поддержал мнение о размывании социальных границ, но при этом полагал, что диаспоры этот процесс затрагивает не так сильно из-за цементирующей роли этнической идентичности[98]. Некоторое исключение составляют диаспоры, не имеющие государства происхождения («Родина» входит в состав нескольких или одного инокультурного государства). Точнее, диаспоры,

---

[96] Sheffer G. Diaspora Politics: At Home Abroad. – New York: Cambridge University Press, 2003. pp. 50-51
[97] Ibid. pp. 65-71
[98] Ibid. pp. 75-83

не имеющие собственной нации, в большей степени, нежели другие, поддаются социальному конструированию и менее других привязаны к одному из основных атрибутов этничности — территории[99]. В итоге, компромисс между позицией У. Сафрана и Г. Шеффера состоит в следующем: диаспоры – это онтологически заданные субъекты, но из-за меняющихся условий их ассимиляция необязательна.

Таким образом, в рамках категориального подхода исследователи вели дискуссии относительно признаков диаспор, роли и механизмах мифа о возвращении, о длительности существования отдельного сообщества и о соотношении влияний территорий происхождения и «принимающего» общества. Особенно отметим внимание исследователей к территории происхождения («Родине»), что составляет важный шаг в исследовании диаспор[100]. Важно, что диаспора понималась преимущественно как этническая общность, причем у Г. Шеффера эссенциалистская точка зрения проступает отчетливо.

Основная критика категориального подхода сводится к следующему. Во-первых, у большинства эталонной диаспоры (еврейской) не наблюдается даже стремления к возвращению на территорию происхождения – даже в символической форме. А, значит, не столь актуальны последующие рассуждения о том, кто и каким образом поддерживает миф о возвращении. Во-вторых, да и содержание самого мифа туманно: вряд ли в представлениях еврейской диаспоры территория происхождения – это современный Израиль, скорее это идеальное воспоминание об Израиле библейских времен. Таким образом, «телеология возвращения» не слишком способствует пониманию рассматриваемого феномена[101]. То есть, категориальный подход, несмотря на определенные ожидания, не привносит ясности в отношении предмета в исследования диаспор, но говоря уже о методологической составляющей.

«Открытый» подход основан во многом на критике работ У. Сафрана – в первую очередь, со стороны британского исследователя Р. Коэна. Коэн одним из первых поставил под сомнение эталонность еврейской диаспоры и

---

[99] Ibid. pp. 152-153
[100] Shuval J.T. Diaspora Migration: Definitional Ambiguities. p. 44
[101] Clifford J. Diasporas // Cultural Anthropology. – 1994. – Vol. 9, №3. pp. 305-306

предложил рассматривать в качестве архетипа древнегреческую диаспору. Дело в том, что у еврейской диаспоры преобладает негативный исторический опыт, связанный с насильственным переселением (в Вавилон) и последующими страданиями. В результате, в понятие диаспоры просачивается «опыт жертвы»: подразумевается, что переселение и сохранение общности возможно только через болезненные воспоминания. Р. Коэн предложил обратиться к опыту «торговой» диаспоры, которая сформировалась в результате добровольного освоения новых территорий. Поэтому к признакам диаспоры по У. Сафрану можно добавить следующие:

- миграция в поисках материальных возможностей (занятость, торговля, колониализм);

- возможность взаимного обогащения культур коренного населения и мигрантов на основе плюрализма;

- стремление обеспечить не только безопасность страны происхождения, но и ее экономическое благополучие;

- поддержание взаимопонимания с сообществами сходного происхождения в других «принимающих» государствах[102].

Позднее, Р. Коэн еще сильнее подорвал эталонность еврейского «рассеяния», сформулировав полноценную типологию диаспор по признаку социального опыта: границы рассматриваемого понятия расширились, так как «эталонов» стало значительно больше. В первую разновидность диаспор – сообщества-жертвы –еврейская диаспора вошла наряду с армянской, ирландской и палестинской (в США). Остальные виды, по Коэну, таковы: торговые, трудовые, имперские и не имеющие четкой территории происхождения[103]. Отметим, что социальный опыт в понимании ученого оказался слишком размытым понятием, а критерий классификации диаспор, в результате, – очень нечетким.

Однако достоинства работ Р. Коэна и открытого подхода оказываются одновременно и слабостями. Ф. Антиас отмечает в качестве таковых описа-

---

[102] Cohen R. Diasporas and the Nation-State. pp. 507-508, 513-516

[103] Cohen R. Global Diasporas: An Introduction. 2nd ed. – London&New York: Routledge, 2008. p. 18

тельность типологии, сложность ее применения в исследовании и, в конечном счете, низкую эвристическая ценность. Более того, Р. Коэн совершенно бездоказательно выдвигает причины миграции в качестве одного из критериев классификации, хотя зависимость особенностей формирования мигрантских сообществ от причин миграции не доказана[104].

Дальнейшие попытки управлять расширением понятия предприняла, в частности, американская исследовательница К.Д. Батлер. По ее мнению, исследования диаспор находятся на начальном этапе становления собственной методологии: необходимы эмпирические исследования, перед тем, как сравнивать диаспоры и формулировать критерии их классификации. Более того, исследовательница отмечала необходимость различать микро- и макроуровни анализа – по ее мнению, ими должны стать диаспоры и их локальные общины. Обращение не только к «макро-диаспорам», но и к «микро-диаспорам» ослабляет позиции методологического национализма, излишнего внимания к роли наций-государств[105]. Однако, в продолжение рассуждений Р. Коэна о важности самосознания (идентичности) диаспор, К.Д. Батлер ввела еще один критерий понятия – существование в течение двух поколений[106].

Подобные попытки продолжил Д. Науджокс, отмечавший большое разнообразие форм участия индивидов в диаспоре. По его мнению, критериями диаспоры не могут выступать миф о возвращении и болезненные воспоминания о причинах миграции. Более того, конечный вывод о принадлежности того или иного индивида к диаспоре можно делать лишь на основе эмпирических исследований, иначе велика вероятно теоретических, а не «реальных» несоответствий[107].

В целом, «открытый» подход встречает, вероятно, наименьшее сопротивление со стороны сторонников других подходов. В этом проявляется гибкость предлагаемых аналитических рамок. Более того, если сторонники

---

[104] Anthias F. Evaluating ‘Diaspora’: Beyond Ethnicity? // Sociology. – 1998. – Vol. 32, №3. pp. 562-563

[105] Butler K.D. Defining Diaspora, Refining a Discourse // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 2001. – Vol. 10, №2. pp. 196, 212-214

[106] Ibid. p. 192

[107] Naujoks D. Diasporic Identities – Reflections on Transnational Belonging // Diaspora Studies. – 2010. – Vol. 3, №1. pp. 2-6, 14-15

остальных подходов ведут дискуссии о содержании таких характеристик диаспоры, как «Родина», миф о возвращении и роль «принимающего» общества, то «открытый» подход в большей степени сосредоточен на типологизации и, шире, на поиске методологических оснований в исследованиях (пусть не бесспорных).

Последний подход – «парадоксальный» – связан с популярностью постмодернизма в социальных науках. Если предыдущие подходы уделяют пристальное внимание не столько проблемам поддержания идентичности и истокам миграции, то постмодернисты скорее обращаются к проблемам гибридности, сложности и противоречивости в идентичности диаспор[108]. Исследователей причисляют к данному подходу весьма условно, поскольку их концепции нередко имеют больше различий, чем сходств.

Одним из основоположников постмодернистского («парадоксального») считается британский ученый П. Гилрой. В середине 80-х гг. XX века Гилрой при изучении британцев африканского происхождения пришел к выводу: большая их часть составляет сообщество, которое вполне можно считать диаспорой. Действительно, африканская и еврейская диаспора имеют немало общего, то есть сравнение с эталоном дало положительный результат. У афро-британцев есть опыт насильственного вывоза с территории происхождения, а расизм в его бытовой форме сохраняет дистанцию между чернокожими и белыми, как и антисемитизм. Кроме того, Гилрой выявил тесные социальные связи между британцами африканского происхождения и чернокожими жителями стран Мексиканского залива. Наконец, в результате неудачной политики М. Тэтчер, афро-британцы оказались невостребованными на рынке труда, что стало дополнительным стимулом к их самоорганизации, к формированию «трансатлантической черной культуры». В то же время, общность сформировалась не столько на расовой основе, сколько на основе антирасистской, в результате протеста против фактического невключения афро-британцев в британскую нацию. Но это состоялось только благодаря наличию общей культуры и ее постоянного переосмысления, что и составляет

[108] Dufoix S. Diasporas. pp.23-24

суть диаспоры[109]. То есть основой идентичности африканской диаспоры выступает не этничность, а общие истоки, сходность повседневных практик и условное «приписывание» границ извне. Впоследствии П. Гилрой развил эту мысль, рассматривая идентичность выходцев из Африки как контр-культуру, Хотя эта культура делает многочисленные отсылки к традиции, эта традиция, скорее всего, изобретена заново и в совершенно других условиях. Таким образом, в африканской диаспоре воплощаются пространственные формы, возникшие в результате использования рабского труда, и временные формы, то есть контр-культура. Выходит, что рассмотренная Гилроем диаспора заключает в себе немало противоречий: между статичным пространством и социальной динамикой, между отсылками к историко-культурному опыту (традиции) и современностью[110].

Рассмотрение идентичности диаспор продолжил С. Холл, сделавший акцент на связи диаспор с территорией (хотя бы географическими регионами, если не государствами-нациями). По мнению Холла, в идентичности чернокожего населения Мексиканского залива четко просматриваются не два (по П. Гилрою), а три уровня – африканский (прошлое), европейский (расизм, актуализирующий прошлое) и американский (непрерывно конструируемое настоящее). Связь с территорией проживания важна не только потому, что именно там локализованы повседневность и конструирование идентичности, но и потому, что в качестве «Родины» может выступать не столько конкретная территория, сколько идеализированный образ, а значит возвращение на «Родину» принципиально невозможно. Таким образом, диаспора – это скорее процесс конструирования идентичности, запущенный стремлением вернуться к корням и изначально обреченный на формирование новых смыслов. Смысл понятия диаспора как раз в обозначении этого процесса и этого конфликта (различия, по С. Холлу)[111].

---

[109] Gilroy P. 'There Ain't no Black in the Union Jack': the Cultural Politics of ‘Race’ and Nation. – London: Hutchinson, 1987. pp. 153-154, 217-219

[110] Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. – London: Verso, 1993. pp. 190-193

[111] Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Identity: Community, Culture, Difference. Ed. by J.Rutherford. – London: Lawrence and Wishart, 1990. pp, 232-235

Определенный компромисс с категориальным подходом предложил Дж. Клиффорд, предложивший выделить не параметры (черты, критерии) понятия, а его границы. При этом, есть принципиальная разница между диаспорой и самим понятием границы. В частности, граница определяется во многом политическим путем, предполагается, что границу периодически пересекают, и главное – граница соединяет близлежащие территории. Напротив, диаспора формируется, в большой мере, благодаря культурным факторам, подразумевает удаленность от «Родины» и возвращение на территорию происхождения через большой промежуток времени (возможно, больше, чем срок жизни одного поколения)[112]. Таким образом, диаспора – это отчасти противоположность границам.

Другая граница понятия диаспора – это имманентный антинационализм. По мнению Дж. Клиффорда, диаспора по своей культуре противостоит нации-государству, так как привязанность к «принимающему» государству не может вытеснить опыт болезненного перемещения. Более того, национализм проводит границу между «пришлым» и «коренным» населением, хотя абсолютная автохтонность практически недостижима. Наконец, в основе диаспор лежат многочисленные связи между членами диаспор, существующие вне зависимости от существующих политических границ. Подобное неприятие национализма (при сохраняющейся возможности проявления собственно диаспоральных его форм) способствует, а не препятствует взаимоотношениям «принимающего» общества и «пришлых». Дж. Клиффорд отмечает, что «солидарность диаспор существует вне национального поля и пространства, чтобы оказаться внутри его»[113].

Из антинационализма вытекает и третья граница понятия – культура посредничества. Дж. Клиффорд обращает внимание на такие особенности диаспор, как «чувство причастности» их членов к сети (нередко сети глобального масштаба) и опыт разделения и проживания на новом месте (связь пространств «там» и «здесь»). Развивая этот тезис, исследователь отмечает, что из-за подобной гибридности диаспора «не может стать основной метафо-

[112] Clifford J. Diasporas. pp. 304-305
[113] Ibid. pp. 306-308

рой или образом современных, сложных и расположенных относительно друг друга идентичностей, также как и определенным срезом и смешением рас, гендеров, классов или культур»[114].

Дискурсивную природу роста числа диаспор отмечал Х. Тололян, редактор журнала «Diaspora». По его мнению, старое понимание термина сменяется новым и более широким толкованием не случайно: вслед за сменой государств, меняются и возможности по репрезентации отдельных групп и индивидов. Если ранее под понятие диаспоры подпадали закрытые общины вынужденных переселенцев, то с учетом новых тенденций термин стал охватывать такие сообщества, которые осознают и отстаивают перед другими свою диаспоральную природу. Поэтому многие этнические группы по всему миру из «рассеяний» становятся диаспорами, находят новые дискурсивные возможности для подобной репрезентации[115].

Более эвристичный вариант постмодернистского прочтения понятия диаспор предложил Р. Брубейкер, который, как и Р. Коэн, приветствовал расширение смысла рассматриваемого понятия. В терминах Брубейкера, само понятие диаспоры диаспоризируется. Например, в рамках расширительного толкования понятия можно причислить к диаспорам религиозные или лингвистические транскультурные общности (индуисты, франкофоны). Но экспансия понятия – это не симптом болезни, а сама суть явления. Из этого наблюдения Брубейкер сделал вывод, что диаспора – это не столько некий коллектив, сколько процесс (нечто может диаспоризироваться или дедиаспоризироваться), состояние (степень диаспоризации) и атрибут более широких понятий (идентичность диаспор, культура диаспор)[116].

Понятие диаспоры не столько описывает окружающий мир, сколько стремится изменить его. Поэтому диаспора – это категория социальной практики, именно в таком ключе ее стоит анализировать. Например, выступаю-

---

[114] Ibid. pp. 311-312, 319

[115] Tölölyan K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1996. – Vol.5, № 1.pp. 3-5, 12-16; Diasporas. Concepts, Intersections, Identities. Ed. by K. Knott, S. McLoughlin. – London-New York, 2010. pp. 9-11

[116] Brubaker R. The ‘Diaspora’ Diaspora // Ethnic and Racial Studies. – 2005. – №28 (1). pp. 2-4

щие от лица армянской диаспоры в США составляют весьма небольшую группу от общего количества армян в стране. Если исходить из умеренно примордиалистских позиций, эту активную часть армян следует признать диаспорой, а неактивную часть – потенциальными участниками этого сообщества. Но тогда выходит, что из-за меньшинства наличие некой общности приписывается большинству. Это первая проблема. При наличии некоего сообщества можно было бы зафиксировать признаки членства в нем, а затем математически просчитать коллективную память. Но в реальности люди, в том числе мигранты, ежедневно переживают и переосмысливают свой опыт, так что уловить и затем квантифицировать такие вещи невозможно. Это вторая проблема. Единственный способ избавиться от этих проблем – это представить деятельность выступающих от лица армянской (и любой другой) диаспоры как политический проект, как способ осуществлять прикладные задачи, а не как некую сущность[117].

В итоге, диаспора как процесс – это длительное осуществление проектов под неким «брендом», диаспора как состояние – это некоторое социальное и политическое само-маркирование, соотнесенное с остальными явлениями в обществе, а диаспора как атрибут – это сам механизм артикуляции проекта, способ, которым он описывается. При этом, для Р. Брубейкера (в отличие от У. Сафрана и Р. Коэна) абсолютно неважно, какова сила взаимосвязей диаспоры с территорией происхождения или каково содержание коллективной памяти (социального опыта). Приоритет исследователя не в том, что такое диаспора, а в том, как ее «объявление» или «провозглашение» (англ. claim) используется. В этом смысле, участие индивида в диаспоре обусловлено успешной маркетинговой стратегией сообщества, соображениями престижности (а не сохранения традиций) и, в целом, очень близко по содержанию к процессу покупки (а не дружбы, привязанности, родственности)[118].

Р. Брубейкер открыл еще одно направление критики предшественников и подорвал универсальность миграции как критерия диаспорных сообществ.

---

[117] Ibid. pp. 10-13

[118] Chodubski A. Polacy a tendencje migracyjne świata // Przegląd Polsko-Polonijny. – 2011. – № 1. S. 34-36

Если для П. Гилроя или Дж. Клиффорда была неоспоримой необходимость перемещения («путешествия», «поселения») из одного социального и политического пространства в другое, то Брубейкер обосновал наличие еще одного типа диаспор – так называемых «новых» диаспор. Эти категории населения возникли внезапно, в результате распада единого многонационального государства (например, русские в Эстонии, Латвии или на Украине)[119].

Таким образом, в рамках «парадоксального» (постмодернистского) подхода выработано оригинальное видение диаспор. Во-первых, делается акцент на их уникальности. Это радикальный разрыв с работами Дж. Армстронга, Г. Шеффера и У. Сафрана, пытавшихся объяснить закономерности развития диаспор с помощью теорий этничности и национализма. Во-вторых, большое внимание уделяется процессу становления идентичности диаспор (например, в рамках формулы «не идентичность, а идентификация»). В-третьих, этот процесс в значительной степени связывается с теми импульсами, которые дает территория (если не общество) проживания. При этом, эта территория воспринимается как современность или даже пост-современность (у С. Холла), в то время как представления о Родине связываются с традицией, прошлым. Тем самым, у этих импульсов, вероятно, имеются не только пространственные, но и временные характеристики.

Критические замечания относительно «парадоксального» подхода сформулированы самими постмодернистами. В отличие от других исследовательских парадигм, постмодернисты невысоко оценивают роль территории происхождения в процессах становления диаспор. Механизмом передачи и сохранения исторической память, опыта переселения и нередко дискриминации, в больше степени оказывается «генеалогия» или идея общего происхождения. В прошлом (особенно это касается выходцев из Африки) мигрировали

[119] Если миграция самих представителей и происходила, то в рамках одного государства диаспоризации как таковой не происходило. Этот процесс был отложен и произошел практически моментально после исчезновения единого политического пространства. Поскольку сами представители «новых» (или, по Брубейкеру, «случайных») диаспор не участвовали напрямую в демонтаже единого многонационального государства, их обращение к диаспоре во многом вынужденное. Подробнее см.: Brubaker R. Accidental Diasporas and External ‘Homelands’ in Central and Eastern Europe: Past and Present // Transnationalism: Diasporas and the Advent of a New (Dis)order. Ed. by Ben-Rafael E. and Sternberg Y. – Leiden and Boston: Brill, 2009. pp. 461-464

в основном мужчины, так что концепция «генеалогии» подразумевает гендерный дисбаланс, то есть некую ошибку в деконструировании феномена диаспор[120]. Также распространена критика «парадоксального» подхода с позиций постколониализма: классические теоретические установки в исследованиях диаспор сформулированы в странах «глобального Севера», что подразумевает сохранение колониализма в интеллектуальном пространстве. Соответственно, необходим поиск теоретических подходов к понятию диаспор (и, шире, для всех форм социального и политического разнообразия) на «глобальном Юге»[121].

Предпринято немало попыток найти компромисс между различными подходами в изучении диаспор. Одна из наиболее перспективных попыток предпринята британским социальным антропологом С. Вертовецом. По его мнению, под диаспорой подразумевают социальную форму (сплоченность на основе исторического опыта), форму сознания (представление о связи с транснациональным и полицентричным сообществом) и форму производства культуры (некую разновидность «новой» или гибридной этничности)[122]. При этом, С. Вертовец призывал не останавливаться на изучении диаспор, а вписать это направление исследований в более широкий контекст анализа транснациональной миграции. По его мнению, что сравнение различных типов транснациональных социальных (и политических) форм может принести большую пользу, способствовать взаимообогащению существующих теоретических подходов, в том числе к понятию диаспоры[123]. Таким образом, С. Вертовец признал все поле транснациональных взаимодействий гибридным, что снижает степень уникальности диаспор, но предоставляет исследователям новый методологический инструментарий.

---

[120] Heimreich S. Kinship, Nation and Paul Gilroy's Concept of Diaspora // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1992. – Vol. 2, №2. pp. 246-247

[121] Ndhlovu F. A decolonial critique of diaspora identity theories and the notion of superdiversity // Diaspora Studies. – 2016. – Vol. 9, №1. pp. 35-38

[122] Vertovec S. Three Meanings of Diaspora: Exemplified Among South Asian Religions // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1997. – Vol. 6, №3. pp. 278-290

[123] Vertovec S. Migration and Other Sides of Transnationalism: Towards Conceptual Cross-Fertilization // International Migration Review. – 2003. – Vol. 37, №3. pp. 644-645

По мнению Х. Тололяна на современном этапе дискуссии в рамках различных подходов к понятию диаспоры ведутся по следующим пунктам. Во-первых, методологическая борьба между синхронным и диахронным анализом. В рамках первого исследователи анализируют и сравнивают существующие на данный момент сообщества, а в рамках второго необходимо выделить определенные стадии развития диаспор и сравнение проводить между сообществами на близком уровне развития. Во-вторых, конкурируют концепции мобильности и оседлости (детерриториальности и территориальности). Либо диаспоры – это отражение масштабного перемещения лиц и даже «траектории» миграции, либо это сообщества, значительная часть активности которых сводится к попыткам освоиться на новом месте проживания. В-третьих, далеким от разрешения остается вопрос о факторах формирования идентичности диаспор. В качестве таковых называют внутренние институты сообществ, индивидуальный выбор мигрантов и их потомков, влияние «принимающего» общества и территории происхождения, культурное наследие и воспроизводство, экономические и социальные условиях проживания. В-четвертых, остаются разногласия насчет этнической и неэтнической (расовой, лингвистической) природы диаспор[124]. В этой связи А. Делано и А. Гэмлен рекомендуют изменить методологическую стратегию: сравнивать не сами диаспоры, а то, в каком соотношении на них влияют государства происхождения и пребывания, как определяется членство в таких сообществах и как различаются социальное, политическое и экономическое положение мигрантов и основного населения страны их происхождения. Такой подход, вероятно, позволит не только уточнить расхожее мнение о «детерриториализации» наций, но и детально соотнести процессы пространственного распределения властных функций и формирования идентичности и принадлежности к определенным группам[125].

Основные работы по изучению диаспор ведутся по нескольким направлениям (моделям), подразумевающим акцент на следующих аспектах: консо-

[124] Tölölyan K. The American Model of Diasporic Discourse. pp. 54-55
[125] Delano A., Gamlen A. Comparing and theorizing state-diaspora relations // Political Geography. – 2014. – №41.pp. 48-49

лидация сообществ на основе опыта миграции, сопротивление ассимиляции в ее различных формах, образование трансграничных связей между родственными группами и политическая мобилизация в интересах достижения целей в государстве происхождения или стране пребывания. Такой исследовательский фокус оставляет без внимания проблематику различий между различными поколениями в рамках диаспор, их склонности к ассимиляции, гибридности и многосоставности идентичностей, идеологического оформления борьбы за политические цели[126].

В целом, по сравнению с предыдущим этапом исследования и трактовки рассматриваемого понятия необходимо отметить следующие изменения. Во-первых, произошел отход от исключительно этнологического восприятия диаспор. У диаспор сложносоставная и нестатичная идентичность, нередко обозначаемая различными прилагательными с приставкой «транс» (транснациональная, транскультурная). Во-вторых, вместо понятия, описывавшего страдания еврейского народа или христиан, «диаспора» стала единицей анализа. Это позволило частично отойти от еврейской диаспоры как исследовательского эталона, что приводит к выводу о наличии нескольких типов диаспор, различных путей и механизмов их возникновения и воспроизводства. В-третьих, появилось понимание методологических проблем в исследовании диаспор – наличия различных уровней анализа, хронологических рамок и учета опыта социальных дисциплин. Именно этим обусловлен интерес исследователей к активности диаспор и их представителей в основных сферах деятельности общества (особенно, в политической). В-четвертых, в восприятии исследователей выравнивается баланс внутренних и внешних факторов, влияющих на формирование идентичности диаспор: связей внутри сообщества, между диаспорой и территорией происхождения, а также между диаспорой и «принимающим» государством.

---

[126] Bauböck R. Cold constellations and hot identities: Political theory questions about transnationalism and diaspora (Chapter 15) // Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods / Edited by R. Bauböck and Th. Faist. – Amsterdam, 2010. pp. 314-316; Laguerre M.S. Diaspora, politics, and globalization. – New York, 2006. pp. 49-52

1.3. Современный этап эволюции понятия «диаспора» в отечественной научной литературе

Повышенное внимание к феномену диаспор в зарубежном академическом сообществе обусловило интерес к затронутым выше темам и у отечественных исследователей. Появление профильного журнала «Диаспоры» (1999 год) и дискуссия на страницах журнала «Этнографическое обозрение» (2000 год) оказали большое влияние на развитие изучения диаспор в России и способствовали распространению западных подходов к рассматриваемым проблемам. Все же, несмотря на активное заимствование у зарубежных коллег, российские (и шире – постсоветские) специалисты по диаспорам склонны отстаивать этническую природу диаспор, пусть и с некоторыми оговорками. Приведем наиболее распространенные дефиниции:

- «устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа)» (О.Д. Волкогонова, Ю.И. Дин, О.С. Козлова),

- «сети формальных и неформальных связей, основанных на общей этничности» (И.Э. Захарян),

- «этнокультурные сообщества, сумевшие самоорганизоваться в новых условиях своего существования» (Д.Д. Квициани, С.Я. Сущий),

- «особая форма этничности, возникающая на стыке адаптационных и этнокультурных стратегий поведения индивидов» (А.С. Ким),

- «этнические сообщества мигрантов, у которых существуют национально-культурные, религиозные и прочие организации» (Л.С. Курносова),

- «этническое меньшинство, проживающее в иноэтничном окружении» (А.В. Лопарев, И.А. Яценко),

- «коммуникационный центр» и «путь развития этнических сетей» (А.В. Назарчук),

- выходцы из других стран, образующие сетевые сообщества, то есть экстерриториальные единицы, возникающие на основе видимых и невидимых связей (Д.М. Бондаренко),

- «этническая общность» и «наиболее устойчивый и организованный вид транснационального пространства» (А.К. Осепян)[127].

Четкая привязка природы диаспор к этничности не позволила разрешить ряд проблем, в том числе методологического характера. В частности, это касается оптимального масштаба исследовательского фокуса при анализе диаспор, процессов внутри и вовне их. В.Д. Попков отмечая наличие коллективного и индивидуального уровней анализа, утверждал, что неделимой единицей анализа должна быть «диаспорная община». Тем не менее, даже в рамках данной концепции нашлось место менее крупным объектам анализа, таким как «группы влияния внутри рассеяния»[128]. Напротив, М.А. Фадеичева раскритиковала подобный коммунитарный подход, обращая внимание на то, что понятие диаспора необязательно подразумевает «рассеяния кучами». Поэтому уместнее говорить о диаспоре не как о целостном явлении, а как об отсутствии целостности, то есть о некой совокупности различных «этнических состояний» индивидов[129].

Аналогично, отождествление диаспор с отдельной частью этноса (этнической сети, общности или сообщества) не привело к однозначному прорыву в рамках категориального подхода, поскольку параметры рассматрива-

---

[127] Бондаренко Д.М. Глобальное управление и диаспоры: пример мигрантов из стран Африки и США // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 4. С. 38; Волкогонова О.Д. Русские в Крыму: диаспора, анклав или этническая периферия? (Разговор о терминах) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2009. – №4. С. 53; Дин Ю.И. Термин «диаспора» в российской науке и корейская община Сахалина // Ученые записки Сахалинского государственного университета. – 2013. – Вып. X. С. 164; Захарян И.Э. Современная этнокультурная диаспора: социальный капитал и этничность // Поволжский торгово-экономический журнал. – 2013. – №3. С. 128; Квициани Д.Д., Сущий С.Я. Диаспоры как фактор взаимоадаптации в полиэтнокультурном регионе (материалах Юга России) // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – 2009. – №2 (8). С. 75; Ким А.С. Этномаргинальность диаспор: социологические и культурологические основания политического исследования // Вестник ТОГУ. – 2008. – №3 (10). С. 154; Козлова О.С. Понятие и роль этнической диаспоры в адаптации мигрантов // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. – 2011. – №4. С. 215; Курносова Л.С. Указ. соч. С. 238; Лопарев А.В., Яценко И.А. Этнополитические процессы в России и проблема глобальной диаспоризации мира // Власть. – 2011. – №3. С. 120; Назарчук А.В. Этнические сети в глобальном обществе // Личность. Культура. Общество. – 2011. – Том XIII, Вып. 3 (№№65-66). С. 168-169; Осепян А.К. Указ. соч. С. 75

[128] Попков, В. Д. Диаспорная община – модель отношений этнических мигрантов с принимающим обществом // Диаспоры. – 2003. – № 3. – С. 126–131

[129] Фадеичева М.А. Диаспора и состояние этнического индивида // Диаспоры. – 2004. – № 2. – С. 144-147

емого понятия остались размытыми. Например, В.А. Шнирельман в качестве основной черты диаспоры выделял «диаспорический синдром», то есть психологическое состояние, вызванное вынужденной миграцией. При этом, консолидирующим фактором таких сообществ могут быть не только мифы о возвращении на исходную территорию, но и мифы об изначальном пребывании на новом месте проживания, о незаконченном поиске оптимального места проживания или о политической (геополитической) обусловленности истории сообщества[130].

Одна из важнейших дискуссий коснулась определения понятия «Родина», на основе которого выстраиваются рассуждения о наличии общности, стремлении в отдаленной (или ближайшей) перспективе вернуться на исходную территорию. Это обсуждение также касалось концептуального осмысления русского и русскоязычного населения на постсоветском пространстве, так называемых «новых диаспор»[131].

По мнению В.А. Тишкова, в выбор и конструирование «Родины» – это, прежде всего, направленный политический процесс, а не некая инерция от миграции. Тем самым, диаспора представляет собой «стиль жизненного поведения», определяемый на индивидуальном уровне. Соответственно, диаспора и этнос – частично пересекающиеся понятия, поскольку диаспоры включают в себя лишь тех, кто согласен с определенной интерпретацией территории происхождения, а не всех представителей некоренной этнической группы в стране. Более того, диаспоры вполне могут быть полиэтническими по своему составу[132]. В такой логике диаспоры могут частично пересекаться по этническим, религиозным, лингвистическим признакам[133]. Напротив, Ю.И. Семенов ввел понятие этнической территории для характеристики «Родин» диаспор. По его мнению, диаспоры – это совокупность индивидов,

---

[130] Шнирельман В.А. Мифы диаспоры // Диаспоры. – 1999. – №2-3. С. 6-25

[131] См. например: Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Новые варяги (российская диаспора в странах Балтии) // Вопросы экономики. 2003. № 2. С. 78-86; Симонян Р.Х. Российская диаспора в странах Балтии //Свободная мысль. 2002. № 10. С. 35-48.

[132] Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. – 2000. – №2. С. 46-52

[133] Бондаренко Д.М. Глобальное управление и диаспоры: пример мигрантов из стран Африки и США. С. 39

проживающих дисперсно вне этнической территории. При этом, в концепции Семенова проводится различие между пространством, где проходило историко-культурное созревание этноса, и его нынешним местом проживания. В зависимости от уровня политического развития этноса (наличие государства, сформированность нации) под «Родиной» могут пониматься как этническая территория, так и пространство первоначального становления[134]. В итоге, если для В.А. Тишкова представляется неверным рассуждать о диаспорах внутри государства, то для Ю.И. Семенова постановка такого вопроса оправданна. И, наоборот, В.А. Тишков склонен считать постсоветские транснациональные общности диаспорами, так как диаспоры – это во многом «порождение деления мира на государственные образования с охраняемыми границами и фиксируемым членством»[135]. Напротив, Ю.И. Семенов вводит для таких случаев понятие этнической периферии[136].

Отечественные исследователи выдвинули еще один параметр диаспор в дополнение к критериям У. Сафран и Р. Коэна – наличие институтов внутри сообщества. Поскольку эмпирически сложно выявить устойчивость того или иного сообщества, это можно сделать путем исследования деятельности конкретных организаций, причисляющих себя к диаспоре. По мнению Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой, диаспоры образуют только этносы, устойчивые к ассимиляции, а эта устойчивость как раз и обеспечивается деятельностью соответствующих институтов[137]. Неясно, правда, насколько оправданным с методологический точки зрения выглядит отождествление функционирования всей диаспоры с деятельностью ее отдельных институтов.

В рамках отождествления диаспор с этническими общностями определенным достижением можно считать «процессуальное» прочтение рассматриваемого понятия. В частности, Т.В. Полоскова отмечала, что идентичность диаспоры – это скорее идентичность части народа, а не целого народа. По

---

[134] Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. – 2000. – №2. С. 65-67

[135] Тишков В.А. Указ. соч. С. 60

[136] Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 65

[137] Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 1996. – № 12. С. 36-37

мере адаптации мигрантов в «принимающем» обществе прежняя этническая идентичность сменяется подобной «дробной» идентичностью. Большую роль в этом изменении играет деятельность организаций и институтов диаспоры, формирование собственной стратегии по отношению к «Родине» и стране проживания[138]. В зависимости от политических, экономических и культурных факторов (например, накопленного опыта взаимодействия с «принимающим» обществом, режимов натурализации, культурно-языковой близости) процессы развития диаспор могут привести к различным результатам. В общем виде процессуальное понимание рассматриваемого понятия сформулировал С.А. Арутюнов: «диаспора – это процесс развития от «еще недиаспоры» через «собственно диаспору» к «уже недиаспоре»[139]. Таким образом, наметилась группа исследователей, не готовых согласиться с толкованием диаспоры в качестве статичного социального и политического явления.

Тезис о динамичности развития диаспор – это определенная революция в отечественном осмыслении феномена. Поэтому были предприняты попытки легитимизировать данный тезис, в том числе с помощью обращения к классическим научным авторитетам. В частности, А.С. Ким предложил обратиться к наследию Р. Парка и его тезису о «маргинальном человеке». По мнению А.С. Кима, богатство социального опыта и внутренняя двойственность присущи любой диаспоре в целом. Члены диаспор постепенно утрачивают нормы и ценности прежней этнической культуры, однако осознание этого нередко приводит к воспроизведению внешних признаков этничности. Таким образом, этническая маргинальность также может считаться одним из важнейших признаков диаспор, причиной их динамичности[140].

Нечеткость признаков понятия диаспоры вынудила часть исследователей обратить внимание на такие группы диаспор, чьи характеристики можно сформулировать точнее. В.Д. Попков противопоставил расширительным

---

[138] Полоскова Т.В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. – М.: Научная книга, 1999. С. 21

[139] Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 77

[140] Ким А.С. Этномаргинальность диаспор: социологические и культурологические основания политического исследования // Вестник ТОГУ. – 2008. – №3 (10). С. 152-155

трактовкам понятия термин «классическая диаспора». Таким образом, «старое» употребление этого слова выводилось из совокупности всех подходов к понятию диаспоры[141]. Т.В. Полоскова также проводила различие между «мировыми» и «новыми» диаспорами, хотя и не противопоставляла их[142]. Помимо выделения наиболее очевидных примеров диаспор (армянской, еврейской, китайской), появилась тенденция к сужению масштаба исследования, о чем свидетельствует появление понятий «внутренней» и даже «профессиональной» диаспор[143]. Представляется, что выделение диаспор по принципу рода занятий и региональной принадлежности, а также разделение диаспор на «простые» и «сложные» не имеет широких методологических перспектив. Хотя, возможно, компромисс заключается в определении иноэтнического и инокультурного окружения в качестве одного из важнейших факторов формирования диаспор. Иными словами, при всей важности внутренних характеристик диаспор (мифа о Родине, институтов самоорганизации, сложносоставной идентичности), ключевую роль играют внешние факторы формирования соответствующих общностей[144].

В этой связи необходимо отметить появление субъективистских (и точнее – конструктивистских) подходов к рассматриваемому понятию. Помимо В.А. Тишкова и А.С. Кима, интересную гипотезу о причинах роста количества диаспор и внимания к ним предложили Э.А. Паин и И.С. Семененко. По их мнению, популярность этнических и «квазиэтнических» традиций обусловлена внешними факторами, в том числе структурными циклами глобализации (волна и «откат» унификации). Таким образом, диаспоры можно считать не только реальной общностью, а элементом конструирования традиций, отражением внеэтнического противостояния (политического, эконо-

---

[141] Попков В.Д. «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. – 2002. – №1. С. 9-10

[142] Полоскова Т.В. Современные диаспоры. С. 71-72

[143] Подробнее см.: Авдашкин А.А. «Внутренние» диаспоры как феномен отечественной исторической науки: 1989-2003 гг. // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2013. – № 4.С. 82-84

[144] Канукова З.В. Диаспора: функциональный анализ термина в российском историографическом контексте // Вестник Владикавказского научного центра. – 2011. – Т. II, № 4. С. 26

мического)[145]. Но, вероятно, существуют и внутренние факторы, оказывающие положительное влияние на стабильность внутри диаспор и рост их числа. Вслед за С. Холлом и П. Гилроем, А.Н. Соловьева отмечает, что диаспора обозначает скорее культуру формирования новых смыслов и изменчивости уже существующих. То есть гибридность, возможность выйти за пределы устоявшихся нарративов, – это не только характеристика диаспор, но и механизм их постоянного обновления[146].

По мнению А.С. Кима, основными элементами дальнейшей дискуссии о рассматриваемом понятии можно считать такие. Во-первых, разграничение и применимость понятий «классической» и «новой» диаспоры. Во-вторых, выявление психологических и социально-психологических элементов идентичности диаспор и их отдельных участников (соображения престижа, посреднические роли), а также заложенных в них имплицитно конфликтогенных факторов. В-третьих, определение роли и места сформировавшихся и формирующихся пространств диаспор и инфраструктуры их внутренней коммуникации. В-четвертых, выявление политического потенциала диаспор (влияние государств на сообщества и обратное воздействие, проблемы национально-культурной автономии)[147]. Другую позицию занял А.А. Авдашкин, отмечающий важность иных аспектов изучения диаспор. Во-первых, необходимо исследовать не диаспоры в целом, а опуститься на уровень анализа отдельных институтов и индивидов. Во-вторых, предстоит выявить механизмы конструирования и сами конструкты диаспорной идентичности, с учетом ее многоуровневости, адаптивности и тенденции к ее постепенной унификации. В-третьих, важно уделить внимание различным уровням связей внутри и

---

[145] Паин Э. А. О природе процесса этнического и религиозного возрождения // Ценности и смыслы. – 2010. – № 5 (8). С. 42-45; Семененко И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – Т. 59, № 11. С. 92, 97

[146] Соловьева А.Н. Культура «своя» и «чужая»: проблемы объективизации в научном и политическом дискурсах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – №3. С. 68-69

[147] Ким А.С. Транснациональность диаспор: междисциплинарный анализ. С. 107

между диаспорами, включенность их в более широкие транснациональные взаимодействия[148].

В целом, следует отметить, что подавляющее число исследований диаспор проводится в рамках категориального подхода, попыток выделить наиболее отчетливые черты диаспор. При этом, этническая природа диаспор практически не подвергается сомнению, хотя все более активно признается многоуровневость и нестатичная природа таких сообществ.

***

Сложности, связанные с поиском дефиниции понятия «диаспора» носят скорее объективный, чем субъективный характер. С 60-70-х гг. XX в. подробно изучены различные аспекты диаспор: механизмы их формирования и развития, модели и стратегии их отношений с «принимающим» обществом и территорией (государством) происхождения, внешние и внутренние факторы укрепления солидарности участников подобных сообществ. Исследователям не удалось охватить все многообразие диаспор и их отдельных структурных единиц (общин, институтов), что нисколько не умаляет полученных результатов. Однако изучению диаспор присущи общие для социальных и гуманитарных наук недостатки: разрыв между макро- и микроуровнями анализа, преобладание в качественных исследованиях условно «герменевтического» метода (объяснение через понимание, постижение).

Понятие «диаспора» проделало длинный путь от библейской аллегории до относительно нейтрального научного понятия. В зависимости от академической среды, в которую оно попадало, понятие приобретало различные очертания. В США, где групповая принадлежность рассматривается скорее как нечто преходящее и, в значительной степени, формирующееся извне, диаспора стало обозначением не только отдельных религиозных и этнических общин, но и расовых меньшинств. Вероятно, такое широкое понимание рассматриваемого понятия (как и этничности в целом) не характерно для «Старого Света». Тем не менее, масштабные миграционные процессы вто-

[148] Авдашкин А.А. Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования. С. 134

рой половины XX века приблизили западноевропейское понимание диаспоры к североамериканскому, поскольку, в условиях роста благосостояния отдельных стран и деколонизации, Европа также начала движение по пути расового многообразия. Несмотря на активное заимствование западных теоретических наработок по проблематике диаспор, отечественные социальные и политические дисциплины остаются на позициях примордиализма и умеренного конструктивизма, что, в определенной степени, обусловлено внешними факторами (особенности развития расовых и этнических отношений в России, более сильные традиции коллективизма). Кроме того, можно предположить, что российская научная среда (во всяком случае, в гуманитарных науках) усваивает мировые теоретические разработки с некоторым опозданием, что сказывается на выборе приоритетных подходов к рассматриваемому понятию.

При всех различиях в понимании феномена диаспоры в зарубежном и отечественном академическом сообществе, можно выделить следующие элементы понятия, относительно которых сложился консенсус:

- сложная и динамично развивающаяся групповая и индивидуальная идентичность;

- смена государства проживания как основание групповой идентичности;

- определенная отчужденность по отношению к основной части населения (поселившегося значительно раньше или претендующего на статус автохтонов) и вызванная этим необходимость постоянного выбора между ассимиляцией и сохранением традиционных или квазитрадиционных норм поведения и форм сознания;

- различные формы участия в сообществе и его институтах;

- наличие ясного или не слишком ясного (но определенно фиксируемого) представления о территории происхождения («Родине»);

- стремление участвовать в социальных и, реже, политических процессах на территории происхождения (от материальной поддержки родственников до формирования правительства в изгнании).

Представляется, что диаспоры могут формироваться не только на основе этнических общностей, но и расовых и, возможно, даже культурно-политических (но все-таки не региональных или профессиональных). Это обусловлено тем, что сущностной характеристикой понятия является «рассеяние», то поддержание контактов между удаленными друг от друга участниками сообщества. Несмотря на то, что само понятие постепенно сужается в функциональном смысле (диаспорой, чаще всего, считают только часть «рассеяния» в отдельно взятой стране), необходимо выделять различные типы диаспор (например, классификация Р. Коэна). Одной из таких разновидностей (вероятно, наиболее заметной) можно считать сообщества, возникшие в результате миграции представителей одного этноса (этнические диаспоры). Парадоксально, но такие диаспоры могут быть частью более крупных диаспор (например, пенджабцы в составе индийской диаспоры), что свидетельствует о большом разнообразии феномена диаспор и о сложности выработки некоего единого перечня критериев рассматриваемого понятия.

С учетом вышеприведенных доводов, оптимальным (но не окончательным) можно считать такое определение: диаспора – это сообщество с гибридной идентичностью, формирующееся в результате изменения места проживания его членов и поддерживающее транснациональные связи с территорией происхождения. Внутри такого сообщества происходит постепенная адаптация его участников к социальным и политическим условиям на новом месте, что, в зависимости от иных внешних факторов, либо усиливает, либо ослабляет интерес участников диаспоры к процессам на «Родине».

Глава 2. Мирополитическая роль диаспор в теории международных отношений

2.1. Освещение роли диаспор в либеральной и конструктивистской парадигмах ТМО

Проблематика деятельности диаспор в рамках мировой политики и международных отношений разработана в недостаточной мере. Отчасти это вызвано тем, что исследователи нечетко представляют, что такое диаспора и шире – транснациональные сообщества. Эти явления нередко отождествляют с социальными движениями, негосударственными организациями или транснациональными сетями коммуникации. По сути, существование этих социальных и политических общностей нередко считается аксиомой, а исследователей заботит более масштабный вопрос о формах и принципах взаимодействия этих общностей с государствами[149]. Пристальное внимание к государствам и их активности на мировой арене подводит к еще одной эпистемологической проблеме: относятся ли диаспоры в принципе к предметному полю теории международных отношений.

Различие между условными международным и внутриполитическим уровнями анализа составляет главную сложность при рассмотрении мирополитических аспектов функционирования диаспор. С одной стороны, диаспоры находятся в рамках определенного поля политических взаимодействий, регулируемого государством или государствами, а значит, необходимый уровень анализа – внутриполитический. С другой стороны, в ряде случаев несомненна самостоятельная роль диаспор, их влияние на глобальном уровне. Сразу оговоримся, что различные исследователи выделяют разное количество подобных уровней анализа. Чаще всего опираются на схему Д. Сингера, выделившего два уровня анализа: международная система и национальное государство[150]. При этом, существуют иные варианты разделения мирополи-

---

[149] Tarrow S. Transnational Politics: Contention and Institutions in International Politics // Annual Review of Political Science. – 2001. – Vol. 4. pp.1-2

[150] Singer J.D. ‘The level-of-analysis problem in international relations //World Politics. – 1961. – №14(1). pp. 80-89

тической действительности: К. Уолца (международная система, государство, индивид), М. Холлиса и С. Смита (международная система, государство, государственная бюрократия, индивид), Дж. Розенау (личные особенности индивидов, отношения индивидов и сообществ, уровень сообществ, ограничения распределения власти между и внутри сообществ, глобальные взаимодействия), Н. Юрдушева (всеобъемлющий, коллективный, индивидуальный), Н.А. Косолапова (локальный (межличностный и межорганизационный), международный (межгосударственный и межрегиональный), мировой, глобальный)[151]. В целом, не следует считать уровни анализа онтологически заданными: в зависимости от изучаемого объекта, уровни анализа заметно различаются, поскольку это, в немалой степени, вопрос удобства для ученого и влияния практических аспектов в исследовании[152]. Более того, определение «международности» нередко происходит интуитивно, что не позволяет однозначно определить предметные границы теории международных отношений и мировой политики[153]. Однако именно наличие одного или нескольких уровней анализа позволяет, либо включать явление диаспор в ТМО и мировую политику, либо не включать.

В существующих теоретических парадигмах можно выделить различные трактовки данной проблемы. В частности, представители неолиберальной парадигмы теории международных отношений отмечают, что рост количества и активности диаспор тесно связан с изменением структуры и содержания мировых политических процессов. Для Дж. Розенау одной из важнейших тенденций является доместификация мировой политики, то есть проникновение акторов с одного уровня на более высокий. Это касается, до

---

[151] Waltz K. Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. – N.Y.: Columbia University Press, 2001. pp. 3-13 ;.Hollis M., Smith S. Beware of Gurus: Structure and Action in International Relations // Review of International Studies. – 1991. – Vol. 17, No. 4, p. 395; Rosenau J. Turbulence In World Politics: A Theory of Change And Continuity. – Princeton: Princeton University Press, 1990. p. 10; Yurdusev N.“Level of analysis” and “unit of analysis”: a case for distinction // Millennium: Journal of International Studies. – 1993. – Vol. 22, №1, pp.87; Косолапов Н.А. Мировая политика как явление и предмет науки (к дискуссии на страницах «Полиса» и «Международных процессов») // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 6. С. 107-108

[152] Temby O. What are levels of analysis and what do they contribute to international relations theory? // Cambridge Review of International Affairs. – 2015. – Vol.28,№4. p. 728

[153] Косолапов Н.А. Мировая политика как явление. С. 107

определенной меры, и диаспор, которые являются отражением разнонаправленного развития мира, противоречий глобализации и локализации. Дж. Розенау причисляет диаспоры к локалистскому феномену субгруппизма – формирования новых и менее крупных общностей внутри национальных государств. Проще говоря, из-за быстрого изменения характеристик и условий современного мира индивиды испытывают психологический дискомфорт, а диаспоры оказываются пространством, в котором ищут убежища от этого дискомфорта. Но, в то же время, диаспоры можно назвать и проявлением глобализации, поскольку их идентичность носит глобальный характер, а их представители активно используют возможности, которые предоставляет глобализация. Но этого явно недостаточно для того, чтобы у диаспор была определенная самостоятельность в условиях глобальной турбулентности: их существование, скорее, является контекстом мировой политики[154]. Затем Дж. Розенау несколько пересмотрел свои взгляды, снизив ожидания от возможной роли диаспор. По его мнению, все социальные группы можно условно разделить на «сообщества-осколки» и «инклюзивные сообщества». Диаспоры относятся к первому типу, который характеризуется большей замкнутостью, привязанностью к конкретной территории и использованием, главным образом, материальных, а не социальных возможностей, которые открывает глобализация[155]. Тем самым, диаспоры все-таки ближе к формам локализации, а не глобализации.

Г. Шеффер развивает аргументацию Дж. Розенау, отмечая наличие взаимоотношений каждой диаспоры как минимум с двумя государствами – «принимающим» и страной происхождения. Формируются отношения взаимозависимости, в рамках которых не только диаспоры зависят от государств, но и наоборот. Такие отношения не обходятся без конфронтации, но в долгосрочной перспективе формируется институциональный треугольник «Родина-диаспора-принимающее государство», в рамках которого диаспора приобретает характеристики субъекта, а не объекта политических процессов. В то

[154] Rosenau J.N. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. pp. 109-112, 135-138
[155] Rosenau J.N. The Study of World Politics. Volume 2: Globilization and Governance. – London&New York: Routledge, 2006. pp. 58-59

же время, основная роль в провоцировании конфликтов с диаспорами, скорее, принадлежит государствам, так как у них больше ресурсов и более широкая политическая повестка[156].

Институциональный треугольник с участием диаспор не всегда возможен: есть случаи, когда на территории происхождения не существует государства, родство и связь с которым ощущают представители диаспоры. Иными словами, этническая, культурная или расовая группа[157], идентичность которой сохраняют диаспора, в силу внутренних или внешних причин не смогла сформировать государство. В таких случаях активность диаспор заметно выше: это нередко проявляется в поддержке сецессионистских движений, внутригосударственных конфликтов и террористических организаций. Но в долгосрочной перспективе активность будет снижаться, особенно по мере приближения к восстановлению или созданию «своего» государства на территории происхождения[158]. Таким образом, позиция Г. Шеффера заключается в том, что логика развития мировой политики «вытягивает» локалистские явления и социальные группы в мир отношений между государствами и, более того, формирует на этой основе устойчивые структуры и связи.

По мнению Ф. Керни, глобализация – не антипод гетерогенности, как это полагал Дж. Розенау, а совокупность процессов, которые придают импульс гетерогенности. Поэтому рост количества и активности диаспор не удивителен, ведь представляют собой одну из форм социальной организации, которая возникла раньше, чем национальное государство. Иными словами, глобализация высвобождает или восстанавливает некоторые социальные и политические структуры и практики пре-Модерна, в том числе диаспоральные. Рост количества и активности диаспор имеет важное последствие – возникновение «мягких» социальных и политических границ, что подразумевает размывание традиционных национальных идентичностей и интернационализацию внутренней политики государств. Однако цена вхождения в простран-

[156] Sheffer G. Op. cit. pp. 192-199
[157] Г. Шеффер ограничивает свое рассмотрение диаспор только этнонациональными группами. В данном случае его рассуждения применяются для более широкого круга политических сообществ, исходя из определения понятия диаспоры, данного в Главе 1.
[158] Sheffer G. Op. cit. pp. 154-160

ство гетерогенности велика: диаспоры и мигрантские сообщества все больше признают необходимость использования возможностей глобализации и, тем самым, вовлекаются в неолиберальный проект мироустройства[159]. Важно, что для Ф. Керни (в отличие от Дж. Розенау) граница между международным и внутриполитическим уровнями анализа не только становится менее четкой, но и сдвигается. Поэтому диаспоры вполне могут быть как деятельными участниками широких социальных и политический коалиций, в том числе, на глобальном уровне[160]. Однако «уплотнение» сети транснациональных взаимодействий формирует как основы для сотрудничества разных политических сил и субъектов (возникновение неделимой выгоды от сотрудничества), так и увеличивает риски и фрагментированность мировой политики[161]. Проще говоря, не ясно, как долго будет происходить увеличение политической значимости диаспор.

«Интеракционистскую» гипотезу выдвигает К. Сиккинк: происходит взаимодействие различных уровней мировой политики. Успех деятельности негосударственных акторов мировой политики напрямую связан с политической инфраструктурой (так называемые «структуры политических возможностей»). На глобальном уровне такой инфраструктурой является степень открытости международных организаций, транснациональных сетей и коалиций, а на внутриполитическом – степень открытости органов государственной и местной власти, формальных и неформальных механизмов управления. При этом, негосударственные акторы в зависимости от своих интересов способствуют либо повышению открытости внутриполитической инфраструктуры, либо ее замкнутости[162]. Правда, понятие открытости сложно операциона-

---

[159] Cerny P.G. Rethinking world politics: a theory of transnational neopluralism. – Oxford: Oxford University Press, 2010. pp. 34-35, 53-55

[160] Ibid. pp. 108-110

[161] Дробот Г.А. Концепция неоплюрализма Филипа Керни // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. – 2015. – № 12 (311). С. 34-37.

[162] Sikkink K. Patterns of Dynamic Multilevel Governance and the Insider-Outsider Coalitions // Transnational Protest and Global Activism. Eds. D. della Porta, S. Tarrow. – New York: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2005. pp. 153-158

лизировать и оно не позволяет понять, почему одни акторы успешны, а другие – нет[163].

Близкую позицию в отношении расширения круга участников взаимодействия на глобальном уровне занимает М.М. Лебедева. По ее мнению, происходит расслоение основных ресурсов, которыми оперируют акторы мировой политики. Поэтому те социетальные и политические структуры, которые ранее не могли использовать крупные «порции» ресурсов, получили такую возможность, когда эти «порции» стали значительно меньше[164]. Сама логика неолиберализма (его нормативная составляющая) – это распределение ресурсов (а, значит, и силы в ее реалистском понимании) между как можно большим количеством участников для создания сдержек и противовесов, причем не только по принципу сферы деятельности, но и между политическими единицами на различных уровнях взаимодействий[165]. Структурная и функциональная перестройка мира ведет, с одной стороны, к формированию множества уровней взаимодействия (не сводимых к двум основным), а, с другой стороны, – к возникновению глобальной целостности, для которой характерно тесное переплетение различных уровней взаимодействия (анализа)[166]. То есть, одной из предметных рамок ТМО и мировой политики является не столько граница между международным и внутриполитическим уровнями анализа, сколько структурное единство ресурсной базы мирополитических взаимодействий. Такой подход вполне применим к диаспорам, хотя и требует дополнительного рассмотрения вопросов о механизмах использования ресурсов и ограничений, накладываемых характеристиками каждой отдельной диаспоры[167]. Более того, необходимо учитывать, что диаспоры являются не только проявлением, но и объектом сложных глобальных процес-

---

[163] Tarrow S. Transnational Politics.pp. 7-8

[164] Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 1. С. 106-107

[165] Harmes A. Neoliberalism and Multilevel Governance // Review of International Political Economy. – 2006. – Vol. 13, №3. pp. 726-727, 743-745

[166] Лебедева М. М. Мировая политика: тенденции развития // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 4. С. 80-82

[167] Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. М.: Аспект пресс, 2018. С. 192-194; Лошкарёв И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – №2 (41). С. 121

сов, а это влияет не только на рост соответствующих сообществ, но и на их фрагментацию[168].

Последний подход получил заметную поддержку среди исследователей транснациональной миграции, подчеркивающих значимость активности диаспор и того факта, что эта активность нередко ускользает от государственного регулирования. В частности, В.-Ю. Лин, Х. Сон и С. Болл-Рокейч отмечают, что члены диаспор в большей степени доверяют «этническим СМИ» и их подаче новостей национального и глобального масштаба, стремятся быть в курсе событий на «Родине», общаются со своими родственниками и друзьями с помощью телефона, электронной и обыкновенной почты, что формирует транснациональные сети коммуникации. Например, многие выходцы из Китая в Австралии отсчитывают время по местному и пекинскому часовым поясам. То есть, через повседневные практики воспроизводятся и закрепляются социальные границы, что и представляет собой локализацию глобального процесса миграции и диаспоризации. С другой стороны, этнические СМИ, кухня, традиции получают все большее распространение, как и их потребители (носители): вместо одного четко очерченного географического ареала, их можно встретить в самых неожиданных местах[169]. С точки зрения политической деятельности, два взаимообусловленных процесса проявляются в новых формах активности, мобилизации сторонников, взаимодействия элит местного и общегосударственного значения. В итоге, избирательные компании и их результаты определяются не только в четко очерченных границах государства, но и весьма удаленных от происходящего местностях – посредством средств коммуникации и формирования транснациональных общностей. В конце концов, разделительная линия между внутренней и

[168] Боришполец К.П. Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами // Ежегодник ИМИ-2012. – М.: МГИМО МИД РФ, 2012. С. 80

[169] Lin W.-Y., Song H., & Ball-Rokeach, S.J.. Localizing the Global: Exploring the Transnational Ties That Bind in New Immigrant Communities // Journal of Communication. – 2010. – №60 (2). pp. 207-209, 222-224

внешней политикой, фактически разграничивающая предмет исследования ряда научных дисциплин, исчезает[170].

В то же время, исследователи транснациональной миграции отмечают, что влияние государств на формирование диаспор и мигрантских сообществ по-прежнему велико. А. Портес подчеркивает, что существует «реактивный» тип идентичности, связанный с насильственными действиями государств (дискриминация, вооруженные конфликты в стране происхождения). В таких случаях консолидация соответствующих сообществ носит вынужденный характер. В случае же «линейной» идентичности нередки случай открытой поддержки со стороны государств происхождения, например, с помощью поощрения двойного гражданства. В итоге, вовлечение государств в процесс формирования диаспор может приводить не только к обособленности, но и способствовать постепенной адаптации и даже ассимиляции в «принимающем» обществе[171]. А с учетом того, что и государства способны вести транснациональную деятельность (например, субсидии неправительственным организациям или заключение соглашений, затрагивающих третьи стороны) получается, что роль государства по-прежнему слишком велика по сравнению с транснациональными акторами[172]. Более того, существуют своего рода аксиологические ограничения активности диаспор, которые также задаются государствами: например, успехи диаспор США в мирополитических взаимодействиях обусловлены использованием (если не принятием) либеральной идеологии, а американская демократия до определенной степени «подталкивает» диаспоры к распространению либерализма и демократии по миру[173]. Также исследователи обращают внимание на тот факт, что диаспоры нередко стремятся воспроизвести механизмы общественного управления, сходные с государственными, то есть заимствуют некоторые ключевые политические

---

[170] Lyons T., Mandaville P. Think Locally, Act Globally: Toward a Transnational Comparative Politics // International Political Sociology. – 2010. – № 4. pp. 127-131 124–141

[171] Portes A. Conclusion: Towards a new world – the origins and effects of transnational activities // Ethnic and Racial Studies. – 1999. – Vol. 22, №2. pp.464-467, 472

[172] Tarrow S. Transnational Politics. p.3

[173] Shain Y. Marketing the Democratic Creed Abroad: US Diasporic Politics in the Era of Multiculturalism // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1994. – Vol. 3, №1. pp. 94-95, 108

институты[174]. Также, изменение структуры миграционных потоков (длительность миграции, гендерный и возрастной баланс, доля высококвалифицированных кадров) не способствует формированию устойчивых сообществ в долгосрочной перспективе[175]. В конце концов, рост взаимозависимости различных политических и социальных общностей, возникновение нового качества мирополитической целостности, может и не означать отказ от применения уровней анализа в ТМО и мировой политике, от разделения политических агентов на международных и внутригосударственных.

К этому подходу примыкает еще одна теоретическая проблема: рассмотрение вопроса о диаспорах как о негосударственных акторах мировой политики. Теория транснациональной миграции и акторный подход уходят корнями к работам Р. Кохейна и Дж. Ная- младшего. С их именами связана простая идея, выдвинутая в начале 70-х гг. XX в.: не только государства являются акторами в мировой политике, растет количество негосударственных акторов. Это ведет к усилению взаимозависимости государств и увеличения возможностей напрямую влиять на внешнюю политику государств. В итоге, государства обеспечивают деятельность негосударственных акторов, но не в состоянии их контролировать[176].

Представляется, что признание диаспор негосударственными акторами (или потенциальными акторами с учетом специфики каждого отдельного сообщества) не до конца проясняет проблему, поскольку одно многозначное понятие определяется с помощью другого. Пока не сложилось единого мнения относительно критериев акторности в мировой политике. Некоторая ясность существует в вопросе акторности государств, при всем разнообразии их размеров, политических режимов, экономической состоятельности и темпоральных ритмов[177]. А по поводу негосударственных акторов М. Кек и К.

---

[174] Боришполец К.П. Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами. С. 81

[175] Алешковский И.А., Ионцев В.А. Тенденции международной миграции в современном мире // Век глобализации. – 2008. – №2. С. 80-81

[176] Nye J.S., Keohane R.O. Transnational Relations and World Politics: An Introduction // International Organization. – 1971. – Vol. 25, No. 3. pp. 332-336

[177] См. в частности: Ильин М.В. Пределы государственной состоятельности стран мира // Сравнительная политика. – 2011. – Том 2, №3(5). С. 39-45; Харкевич М.В. Государство и

Сиккинк отмечают, что критериями таковых можно считать креативный подход к использованию средств коммуникации, настойчивость в продвижении перемен, сложность используемых стратегий[178]. Д. Джосселин и У. Уоллас дополняют этот перечень следующими характеристиками: значительная степень автономности, наличие политических последствий от действий актора хотя бы в одном из государств, а также участие в транснациональных сетях взаимодействия, пересекающих границы двух и более государств[179]. Также, значению имеют наличие определенной мотивации к отстаиванию собственных интересов, информированность по узким вопросам (затрагивающим интересы актора), доступ к процессу принятия решений на государственном уровне и социальный капитал (моральный авторитет, образ жертвы)[180]. Наконец, Н.А. Косолапов и М.М. Лебедева подчеркивают, что важнейшими характеристиками акторов мировой политики являются влиятельность и наличие определенной внутренней организации[181]. Все перечисленные критерии несколько проясняют понятие актора, но оставляет открытыми вопросы о взаимоотношении акторов и нормативного регулирования в различных сферах деятельности, о наличии или отсутствии у них коммерческого интереса[182].

Несмотря на то, что дискуссия по данному вопросу далека от завершения, можно выделить следующие характеристики негосударственного актора мировой политики:

формы политического управления в современной мировой экономике // Метаморфозы мировой политики: коллект. Монография / Под общ. ред. М.М. Лебедевой. – М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 211-216; Sassen S. Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization. – New York: Columbia University Press, 1996. pp. 21-26

[178] Keck M.E., Sikkink K. Activist beyond borders: Advocacy Networks in International Politics. Cornell University Press, 1998. p. 2

[179] Josselin D., Wallace W. Non-State Actors in World Politics: A Framework. Non-State Actors in World Politics // Ed. by D. Josselin and W. Wallace. New York: Palgrave, 2001. pp.3-4

[180] Risse Th. Transnational Actors and World Politics. Handbook of International Relations / Ed. W. Carlsnaes, T.Risse and B. Simmons. London: Sage, 2002. pp. 266-270

[181] Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. - 2013. - № 1. С. 39-40; Косолапов Н.А. Субъекты мировой политики и международных отношений: явления, критерии, основы типологии // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 12. С. 123-128

[182] Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики // Обозреватель-Observer. – 2013. – №9. С. 6-9

– относительная внутренняя самостоятельность (что не подразумевает отрицания нарастающей взаимозависимости акторов, переплетения их интересов и нахождения отдельных индивидов одновременно в составе нескольких акторных единиц);

– влияние на процесс принятия решений в сферах, регулируемых государствами и (или) международными (межправительственных) организациями;

– формирование транснационального социально-политического и (или) экономического пространства, в значительной степени выпадающего из-под регулирования на уровне государств и (или) международных (межправительственных) организаций;

– возможность использования в собственных целях общественного мнения, в том числе на долгосрочной основе.

Таким образом, в рамках акторного подхода в ТМО и, шире, в мировой политике включение диаспор в предметное поле зависит от сопоставления критериев акторности и характеристик конкретного сообщества. То есть, речь идет не о «вертикальном» анализе мировой политики, а о «горизонтальном»: исследуются не уровни взаимодействий, а субъекты (по А. Вендту, не структура, а агенты). Одно из преимуществ подобной смены исследовательского фокуса заключается в возможности теоретически охватить проблемы эмоциональных аспектов идентичности, неформальных связей и потенциала адаптивности политических акторов, в том числе диаспор и мигрантских сообществ[183]. Признание же диаспор акторами мировой политики означает не только констатацию масштабных трансформаций, но и подтверждает успехи неолиберальной и частично сетевой модели управления, то есть подкрепляет теоретическую значимость (нео)либеральной парадигмы ТМО[184].

Попытку выявить потенциал акторности диаспор предпринял Й. Шейн. По его мнению, диаспоры в мировой политике способны играть активную или пассивную роль. В случае пассивной роли речь идет о том, что диаспоры

[183] Cohen R. Diasporas and the Nation-State. pp. 517-518
[184] Kunz R. The Discovery of the Diaspora//International Political Sociology. – 2012. – №6 (1). pp. 104-106

участвуют во взаимодействиях помимо собственного желания. Такое может произойти в трех случаях, не исключающих друг друга. Во-первых, неравное положение и возможная дискриминация диаспоры в «принимающем» государстве может служить основой для вмешательства извне (то есть «Родины»). Во-вторых, страна происхождения часто стремится оформить институционально и политически тот факт, что она представляет «своих людей», вне зависимости от их гражданства и мнения. Такая стратегия может быть взята на вооружение как для поддержания идентичности диаспоры (а, значит, и собственной идентичности), так и для получения возможности оказывать воздействие на внутреннюю и внешнюю политику других государств. Иными словами, если диаспора позитивно относится к правящему режиму в стране происхождения, то данный режим в известной мере задает иерархию политических целей диаспоры. В-третьих, действия в отношении диаспоры в конкретной стране могут отразиться на взаимоотношениях двух других государств, одно из которых представляет собой «Родину» для данной диаспоры. Таким образом, при пассивной роли диаспоры субъектами взаимодействий выступают государства и иногда движения, борющиеся за независимость или автономный статус некоторой территории[185].

Диаспоры проявляют себя как самостоятельные игроки в ряде случаев. Во-первых, диаспоры стремятся влиять (определять, корректировать) внешнюю политику «принимающего» государства. Такое возможно как в демократических странах западного образца (плюралистическая этническая система), так и в «слабых» государствах, где власть, цели и методы управления оспариваются различными группами населения. Во-вторых, диаспоры могут влиять на внешнюю политику «Родины», в особенности, когда последняя представляет собой общепризнанное государство[186]. Безусловно, часто стремление диаспор воздействовать на внешнюю политику «принимающего» государства нельзя признать решающим фактором. Более того, в демократических странах решения на государственном уровне принимаются в рамках

[185] Shain Y., Barth A. Diasporas and International Relations Theory. p. 453; Laguerre M.S. Diaspora, politics, and globalization. pp. 69-70
[186] Shain Y., Barth A. Op. cit. p. 453-454

компромиссов, достигаемых между несколькими (многими) социальными группами, нередко на ситуативной основе[187]. Однако, в ряде случаев одни группы более эффективно и утонченно использовали свои возможности, что увеличивало их влияние на принятие решений. В частности, хрестоматийной стала деятельность еврейской диаспоры США и одной из ее организационных структур – АИКОД (Американо-израильский комитет общественных дел). Данная организация неоднократно «отменяла» инициативы Белого Дома по урегулированию палестинского вопроса, основанные на необходимости освобождения израильскими войсками части занимаемых территорий: в 1969 году – «план Роджерса», в 1975 году – идею Г. Киссинджера о «переоценке» американской политики на Ближнем Востоке, в 1989-1990 гг. – намерение Дж. Буша-старшего прекратить строительство поселений на спорных территориях, в 2003-2005 гг. – «Дорожную карту» Дж. Буша-младшего. Более того, в 1998-1999 гг. официальные лица США настоятельно советовали своим иорданским коллегам на переговорах о поставках оружия Иордании предварительно заручиться согласием АИКОД. Вдобавок, АИКОД многократно лоббировала санкции – например, против СССР или Ирана[188].

Перечисление ситуаций, в которых проявляется акторность диаспор, продолжил известный исследователь этнополитических конфликтов М.Дж. Эсман. По его мнению, часть пассивных ролей диаспор при некоторых условиях может превратиться в активные: это и защита диаспор государством происхождения от дискриминации в стране проживания, и поддержание связей с государством происхождения. Кроме того, не стоит недооценивать вовлеченность диаспор в преступные сети (например, наркоторговцев) или их вклад в политическое, экономическое и культурной развитие «Родины»[189].

Недостатки анализа диаспор с позиций (нео)либеральной парадигмы заключаются в следующем. Констатация глобальных перемен у неолибералов сводится скорее к пересмотру роли государства, что не позволяет в достаточной мере продемонстрировать, как меняются другие акторы (в том

---

[187] Боришполец К.П. Национальное измерение глобального мира. – М.: Navona, 2009. С. 91
[188] Лозанский Э.Д. Этносы и лоббизм в США. С. 116-122
[189] Esman M.J. Diasporas In the Contemporary World. – Cambridge&Malden: Polity Press, 2009. pp. 121-131

числе, как транснациональная активность меняет диаспоры)[190]. Это подводит к проблеме индивидуального членства: непонятно, как учитывать участие людей в деятельности тех или иных акторов. В то же время, для государств эта проблема решается с помощью понятия гражданства как политико-правовой связи индивида с государством. А, во-вторых, неолиберализм не позволяет полноценно ответить на вопрос, почему люди обращаются к тем или иным транснациональным практикам, почему отдельным категориям индивидов «интересна» диаспора. Это означает игнорирование перформативного аспекта функционирования диаспор (диаспора как политический проект у Р. Брубейкера)[191]. Разрешение этих проблем требует анализа дискурсивных оснований диаспоральной практики, то есть привлечения конструктивистских концепций.

С точки зрения конструктивистской парадигмы проблема включения или невключения диаспор в предметное поле ТМО и мировой политики заключается не в том, как диаспоры взаимосвязаны со структурными изменениями глобального масштаба. Основным понятием, которое вводит феномен диаспор в конструктивистскую версию ТМО и мировой политики, является идентичность. Хотя и понятие уровней анализа нередко (пусть и имплицитно) используется конструктивистами. Различают два основные течения в конструктивизме: североамериканское и европейское. Первое ориентировано, главным образом, на исследование норм и процесса формирования глобальных структур, а второе – сосредоточено на изучении отдельных практик, лингвистических особенностей и дискурсивных оснований мирополитической реальности[192]. Европейское течение конструктивизма, вероятно, предоставляет больше возможностей для анализа роли диаспор[193].

---

[190] Например, С. Сассен определяет политическую деятельность мигрантов как антипод практик повседневного укрепления («национализации») национального государства. Подробнее см.: Sassen S. Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization. pp. 63-65

[191] Bauböck R. Cold constellations and hot identities: Political theory questions about transnationalism and diaspora (Chapter 15) // Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods / Edited by R. Bauböck and Th. Faist. – Amsterdam, 2010. pp. 297-299, 314-317

[192] Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. – 2014. – №1(14). С. 5

[193] Лидер североамериканского конструктивизма А. Вендт следующим образом обосновал свою приверженность государство-центричному подходу (англ. statism): “Значение госу-

В целом, конструктивизм позволяет найти теоретическую рамку для динамичных явлений, связанных с социально-культурными процессами в мире, учитывает внутренние и внешние факторы их конструирования. В то же время, существуют определенные ограничения для включения диаспор в исследовательские программы конструктивистов. Главное из них – конструктивизм (во всяком случае, в А. Вендта) рассматривает любого социального агента сквозь призму отношений «свой-чужой», а диаспоры вынуждены находиться в некоем промежуточном пространстве – между собственно диаспорой, «принимающим» обществом и территорией происхождения. Конструктивизм откровенно не способен обосновать, что является своим и чужим для диаспор. Более того, «чужими» по отношению к государствам являются другие государства, что оставляет открытым вопрос о роли транснациональной активности диаспор. Единственный выход из этой теоретической ловушки – рассматривать в качестве «чужого» диаспор систему государственных суверенитетов, национальные и другие политические границы[194]. Но тогда вновь возникает определенная иерархия уровней анализа («чужие» государств – государства, «чужие» функциональной части государства, то есть государственных границ – диаспоры).

Умеренный вариант включения проблематики диаспор в предметное поле ТМО и мировой политики предложил М. Хеслер. По его мнению, в результате миграции меняется одна из основ обществ – связность, восприятие собственного единства. Появление культурно отличающихся индивидов приводит к формированию политики признания множественности идентичностей, к исчезновению даже возможности сформулировать некие единые для

дарств определенно сокращается в сравнении со значением транснациональных корпораций, новых социальных движений, […] межправительственных организаций, и постмодернистские формы мировой политики заслуживают большего внимания исследователей. Но я также убежден, что в среднесрочной перспективе суверенные государства останутся преобладающими политическими акторами в международной системе. Переход к новым структурам глобального управления и глобальных идентичностей, к «постмеждународным» отношениям, будет осуществляться через определенный институциональный механизм уравновешивания единства и разнообразия, частного и общего, а это и есть государство». Подробнее см.: Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. – 1992. – Vol. 46, № 2. p. 424

[194] Ogden C. Diaspora Meets IR's Constructivism: An Appraisal // Politics. – 2008. – Vol. 28, №1. pp. 5-6

всего населения ценности. Это, конечно, становится частью повседневного дискурса, вызывает политические разногласия. Но процесс перемен двусторонний – меняется и сама миграция. В частности, вместо «переселения» мигрантов происходит «полу-переселение», то есть такое социальное и политическое состояние, которое позволяет поддерживать тесные и многообразные связи с территорией происхождения. Это, в свою очередь, приводит к формированию у мигрантов сложных и многоуровневых идентичностей. Увеличивающаяся множественность идентичностей (как у мигрантов, так и условных коренных жителей принимающего государства) – это тенденция глобального масштаба, а, значит, напрямую входит в предметное поле ТМО[195]. Таким образом, в умеренно конструктивистской трактовке, диаспоры – это часть большого процесса трансформации идентичностей. До некоторой степени, подход М. Хейслера сходен с подходом Дж. Розенау: внутриполитическое развитие отдельных стран в значительной степени меняет содержание глобальных явлений.

Более сложная модель предложена Дж. Рагги, который рассматривает взаимосвязь территории и идентичности государств. По его мнению, коллективы могут формироваться не только на территориальной основе (например, профсоюзы), а системы управления озабочены не только регулированием вопросов территории, но и проблем передвижения (индивидов, капиталов). Более того, коллективные идентичности могут пересекаться, иметь общие компоненты. А это значит, что любая базовая структура управления, признаваемая коллективно, не полностью территориальна, не полностью связана с территорией и не подразумевает однозначного исключения отдельных элементов из взаимодействий на определенной территории. Хотя государства стремятся управлять территорией с помощью максимальной консолидации идентичности, это не всегда получается. Таким образом, в исследованиях международных отношений и мировой политики есть место частично внетерриториальным практикам, а значит и соответствующему дискурсу и политиче-

[195] Heisler M.O. Now and Then, Here and There: Migration and the Transformation of Identities, Borders, and Orders // Identities, borders, orders: rethinking international relations theory / Ed. by M. Albert, D. Jacobson, Y. Lapid. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001. pp. 225-231

ским формам. Более того, сама суть «международного» смещается в это внетерриториальное социально-политическое пространство[196]. А это, в свою очередь, повышает важность не только различных типов идентичности, но и многочисленных форм перемещения (в том числе, миграции). В отечественной науке о международных отношениях и мировой политике сходные «топологические» тезисы выдвигали Н.А. Косолапов и И.Л. Прохоренко[197].

Идеи Дж. Рагги применительно к роли диаспор в конструировании национальных идентичностей использовали Ф. Адамсон и М. Деметреу. По мнению Адамсон, ключевая проблема в современных исследованиях международных отношений и мировой политики – это стремление рассматривать государство как единое целое. Важным допущением, в этой связи, является отождествление национальной идентичности и идентичности государства, а также некоторое пренебрежение к понятию территории государства[198]. Безусловно, государство осваивает территорию с помощью отдельной идентичности, но эта идентичность становится все более разнообразной. Поэтому возникает определенный «отрыв» идентичности и государств от территории. В свою очередь, диаспоры представляют собой связующее звено между государствами и детерриториализованными идентичностями, поскольку в процесс их формирования вовлечены как транснациональные элиты, так и, отчасти, элиты государств происхождения и пребывания[199].

Поскольку диаспора становится звеном в цепи «идентичность-государство», возникают последствия в сфере обеспечения национальной безопасности государств. Национальный интерес конструируется исходя из

---

[196] Ruggie J.G. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // International Organization. – 1993. – Vol. 47, № 1. pp. 148-151, 168-172

[197] Косолапов Н.А. От территории к пространствам: политико-исторический экскурс // Транснациональные политические пространства: явление и практика / Отв. ред. М.С. Стрежнева. – М., 2011. С. 20-25; Прохоренко И.Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 48-58

[198] Дж. Рагги и Ф. Адамсон рассуждают о «территориальности», процессуальном понимании территории, что для данного исследования представляется не столь существенным. Подробный комментарий о взаимосвязи «идей» и «территориальности» см.: Евтушенко С.А. Теория трансформации территориальной структуры Дж.Дж. Рагги // Политическая наука. – 2009. – №1. С. 168-177

[199] Adamson F.B., Demetriou M. Remapping the Boundaries of "State" and "National Identity": Incorporating Diasporas into IR Theorizing // European Journal of International Relations. – 2007. – № 13 (4). pp.491-503

существующей национальной идентичности и имеющихся у государства ресурсов. Изменение идентичности «принимающего» общества диаспорами затрагивает область социетальной безопасности: как формируются представления о внешней угрозе, о степени ее значимости. Но миграция и формирование диаспор затрагивают и процесс аккумулирования и проецирования силы: финансовые перечисления (а также перемещение товаров, услуг) на территорию происхождения меняют соотношение имеющегося у стран экономического потенциала, а сам процесс миграции означает изменение количества демографических ресурсов (в том, числе высококвалифицированной рабочей силы). Очевидно, что традиционные модели национальной безопасности не позволяют адекватно реагировать на перечисленные вызовы, а это подрывает если не суверенитет государства, то его организационный ресурс (англ. state's capacity). Кроме того, опасные последствия несет вовлечение диаспор в международные конфликты и деятельность транснациональных преступных (в том числе, террористических) сетей[200]. Н. Абелл соглашается с такой трактовой, но видит основную угрозу в том, что развивающие государства (глобальный Юг) фактически неспособны эффективно реагировать на всплеск миграции, а развитые государства (глобальный Север) не имеют никакой долгосрочной стратегии в отношении вышеуказанных последствий[201].

Несколько иную позицию в отношении роли диаспор занял Л. Вараданаян. По его мнению, диаспоры – это не промежуточное звено между государством и виртуальными социальными пространствами, а социальные группы, каждая из которых формируют новое дискурсивное пространство – «внутреннее зарубежье». В рамках «внутреннего зарубежья» происходит процесс переосмысления и нового прочтения роли государства в мировой политике – сфер его ответственности, позиций среди других государств, природы властных отношений. Это дискурсивное пространство не враждебно

---

[200] Adamson F.B. Crossing Borders: International Migration and National Security // International Security. – 2006. – Vol. 31, № 1. pp. 175-188, 191-196; 14; Троицкая О.В. Управление миграцией и безопасность: опыт развитых стран // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № N4. С. 98-101, 110

[201] Abell N.A. The impact of international migration on security and stability // Canadian Foreign Policy Journal. – 1996. – Vol. 4, №1. pp. 83-85,108-109

государству, поскольку многие государства взаимодействуют с диаспорами. Хотя связь наций и государств с территорией ослабевает, «внутреннее зарубежье» не означает угрозу существующему глобальному политическому порядку, это, скорее, форма взаимной адаптации старых и «новых» акторов мировой политики[202].

Более последовательную (и радикальную) позицию по трактовке идей Дж. Рагги занял Ш. Бисвас. По его мнению, диаспоры представляют собой альтернативу по отношению к национальному государству, прежде всего, в сфере формирования целостной идентичности. В итоге, идентичности не столько становятся разнообразными, сколько расширяются, вбирают в себя новые измерения. Поскольку разрыв территориальных и социальных пространств становится все заметнее, важнейшей проблемой для исследователей становится следующая: смогут ли расширяющиеся идентичности «вместиться» в существующий институциональный дизайн мировой политики[203].

В целом, различные течения неолиберальной и конструктивистской парадигм теории международных отношений сходятся в том, что диаспоры могут «преодолевать» привычную структуру мировых политических процессов и вовлечены в отношения с «принимающим» государством (или обществом). Представители неолиберализма отмечают, что масштабные перемены, вызванные глобализацией и (или) технологическим прогрессом, создают стимулы для повышения политической значимости диаспор. Являются ли конкретные диаспоры акторами (относительно равноправными участниками) мировой политики – зависит от характеристик каждого сообщества в отдельности. В свою очередь, представители конструктивизма делают акцент на возникновении интерсубъективных факторов в отношениях между диаспорами и «принимающими» обществами, на формировании новых (в том числе, внетерриториальных) типов политических связей. Установление альтернатив-

---

[202] Varadarajan L. The Domestic Abroad: Diasporas in International Relations. - New York&Oxford: Oxford University Press, 2010. pp. 5-7, 22-26

[203] Biswas S. Globalization and the Nation Beyond: The Indian-American Diaspora and the Rethinking of Territory, Citizenship and Democracy // New Political Science. – 2005. – Vol.27, №1. pp. 45-47, 66-67

ных моделей политического взаимодействия и их усложнение объективно способствуют повышению значимости диаспор.

2.2. Характеристика роли диаспор в реалистской и марксистской парадигмах ТМО

Перемены в международно-политической реальности не остаются незамеченным в других теоретических парадигмах. Для современных течений реализма основное внимание приковано к государству как ключевому субъекту мировой политики, однако реалисты признают сложность существующих политических процессов и вовлеченность в них третьих сторон. По мнению С. Краснера, реализм и неореализм не стремятся дать объяснение всем процессам и феноменам, что оставляет возможность для компромисса между исследователями. Более того, если признавать приоритет международной анархии как ключевой категории реализма, то любые акторы с негосударственной природой являются неотъемлемым элементом такой анархии. Но, при этом, у государств остаются ресурсы, недоступные остальным участникам взаимодействий, что позволяет государствам играть решающую роль в формировании институциональной среды, в которой оперируют все акторы. Правда, такое понимание роли государств требует признать его не единой аналитической единицей, а совокупностью определенных акторов и центров принятия решений[204].

При этом, С. Краснер предлагает весьма сдержанно отнестись к тезисам о возможном размывании или подрыве государственного суверенитета, поскольку под таковым понимают не менее четырех различных характеристик государства. Если транснациональное движение капиталов и индивидов ослабляет, например, контроль государства над мобильностью факторов производства, это далеко не равносильно снижению суверенности государств в других сферах. Более того, государства вполне могут не располагать всеми

[204] Krasner S.D. Power Politics, Institutions, and Transnational Relations // Bringing Transnational Relations Back In. Non-State Actors, Domestic Structures and International Institutions. Ed. by T. Risse-Kappen. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. pp. 257-271

четырьмя типами суверенитета, то есть некорректно утверждать о размывании того, что государство не имеет. Тем не менее, пересмотр суверенитета государств происходит – главным образом, в области невмешательства внешних сил во внутреннюю политику государств. Это касается, например, меньшинств – то есть групп лиц, обязанности государства по отношению к которым возникают именно в силу их принадлежности к группам. Подобные взаимоотношения меньшинств и государств могут оказывать существенное влияние на мировую политику[205].

Подобное широкое определение меньшинств может включать и диаспоры, однако представители реализма практически не обращались к проблемам взаимоотношения диаспор и государств, последствий таких взаимодействий. Близка к реалистской парадигме работа участника «Оксфордской программы по диаспорам»[206] А. Гамлена, рассматривающая политику государств происхождения в отношении диаспор. В 1994-2014 гг. количество государственных институтов в области отношений с диаспорами (правительственные агентства, межведомственные и парламентские комиссии) выросло почти в 3 раза, так что почти 40% членов ООН имеют хотя бы одно подобное учреждение. Это позволяет утверждать, что отношения с диаспорами становятся важной частью государственной политики. Цель такой деятельности состоит не только в привлечении ресурсов диаспор и в попытках сохранить своих граждан, но и в стремлении отреагировать на существующие проблемы глобальной миграции[207]. Более того, Ф. Рагацци фактически возражает конструктивистам и утверждает, что развитие государственных диаспоральных ведомств знаменует новый этап в политическом управлении индивидами, то есть механизм преодоления детерриториализации политических пространств[208]. Кроме того, Б. Оустен отмечает возможность вовлечения диаспор

---

[205] Krasner S. D. Sovereignty. Organized Hypocrisy. – Princeton NJ: Princeton University Press, 1999. pp. 3-14, 20-25, 73-75

[206] Совместный проект 3 исследовательских центров Оксфорда по проблемам миграции и заинтересованных кафедр этого университета, который реализовывался в 2011-2015 гг.

[207] Gamlen A. Diaspora Institutions and Diaspora Governance // International Migration Review. – 2014. – Vol. 48, № S1. pp. 182-183, 186-192

[208] Ragazzi F. A comparative analysis of diaspora policies // Political Geography. – 2014. – №41. p. 87

в военную и разведывательную деятельность: сбор информации, формирование парамилитарных подразделений, контрпропаганда[209]. Таким образом, диаспоры рассматриваются в рамках «огосударствленного» транснационализма, без учета специфики мигрантских сообществ в различных странах проживания.

Опосредованное включение диаспор в неореалистский дискурс получило дальнейшее развитие в рамках неоклассического реализма, в частности, в исследованиях по тематике так называемого этнического лоббизма[210]. В рамках самого неоклассического реализма нет единодушия относительно соотношения структурных (системных, международно-политических) и неструктурных (внутриполитических) факторов, есть только осознание того, что неструктурные факторы – это промежуточная переменная, своеобразный механизм искажения структурного давления на государство[211]. Более того, в рамках самого неоклассического реализма происходит постепенный отход от признания безусловного авторитета структурных факторов, сближение с конструктивистским пониманием конструирования государственного интереса[212]. Тем не менее, диаспоры и этнические лобби, вне всякого сомнения, находятся для реалистов на внутриполитическом уровне анализа.

Тематика этнических лобби и их «искажающего» влияния во внешнеполитической деятельности государств привлекла внимание многих исследователей (особенно, американских). В частности, С. Хантингтон отмечал, что продвижение повестки дня этнических лобби ведет к перераспределению ресурсов государств, к приватизации отдельных направлений государственной политики, к размыванию ориентиров внешней политики[213]. Признавая факт, что внешнеполитическая активность страны может быть не совсем рациональной («пойти не в том направлении»), С. Уолт внес важное дополнение в

---

[209] Auten B.J. Political Diasporas and Exiles as Instruments of Statecraft, Comparative Strategy. – 2006. – Vol. 25, №4. pp. 331-337

[210] Эта тематика, безусловно, привлекает и представителей других парадигм.

[211] Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. – 1998. – Vol. 51, № 1., pp. 146-154;

[212] Onea T. Putting the 'Classical' in Neoclassical Realism: Neoclassical Realist Theories and US Expansion in the Post-Cold War // International Relations. – 2012. – №26(2). pp. 142-147

[213] Huntington S. P. The Erosion of American National Interests // Foreign Affairs. – 1997. – №76(5). p. 47

этот тезис: влияние этнических лобби заметно выше при условии, если у США дружественные отношения с государством, интересы которого представляет этническое лобби[214]. Еще один структуралистский тезис по поводу американских реалий заключается в том, что роль этнических лобби существенно выросла в постбиполярный период, когда исчез консенсус внутри элиты в Вашингтоне по поводу врагов и друзей США в мире[215].

Поскольку при рассмотрении любых отраслей лоббизма приходится обращать внимание на закрытые и даже нелегальные его формы, исследователи сосредоточились, главным образом, на анализе ресурсов и результатов деятельности этнических лобби. Дж. Мершаймер и Ст. Уолт перечисляют следующие ресурсы этнического лобби: структурный (отсутствие оппонентов), дискурсивный (благоприятное освещение в СМИ, в научной и аналитической литературе), организационный, электоральный (численность сочувствующих избирателей), финансовый, персональный (наличие «своих людей» во органах власти, так называемых «встроенных» лоббистов). Эти ресурсы используются не только для осуществления определенных политических действий, но и для работы на перспективу – продвижение по карьерной лестнице лояльных бюрократов, установление полезных контактов, воздействия на общественное восприятие усилий лобби[216]. В свою очередь, Д. Хаглунд и Т. Макнейл-Хей подняли вопрос о возможном соотношении полученных политических результатов и имеющихся у этнических лобби ресурсов. Важнейшими ресурсами, по их мнению, являются финансовый, организационный и статусный (структурно-дискурсивный), которые обеспечивают максимальное достижение поставленных задач[217]. Наконец, Д. Мистри обосновал идею о взаимозаменяемости ресурсов этнических лобби ресурса: если не хватает электорального или организационного ресурса (незначительная

---

[214] Walt S.M. Taming American Power // Foreign Affairs. – 2005. – №84(5). pp. 111-112

[215] Oświecimski K. Lobby etniczne a polityka zagraniczna USA – wybrane przykłady. – Kraków: Akademia Ignatianum, 2014. S. 255-260

[216] Mearsheimer J.J., Walt S.M. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007. pp. 151-153, 163-168

[217] Haglund D.G., McNeil-Hay T. The ‘Germany Lobby’ and US Foreign Policy: What, if Anything, Does It Tell Us about the Debate over the ‘Israel Lobby’? // Ethnopolitics: Formerly Global Review of Ethnopolitics. – 2011. – Vol. 10, № 3-4. pp. 326-328

концентрация в избирательных округах, разногласия в среде соответствующих организаций, небольшой опыт их взаимодействия с органами управления), это можно компенсировать вступлением в широкую коалицию. Д. Мистри на примере индийского лобби в США показал, что даже при слабой развитости трех типов ресурсов (электорального, организационного и структурного) этническое лобби способно добиться результатов при умелом использовании механизмов компенсации[218]. В целом, акцент авторов, близких к реализму, на ресурсах и результатах деятельности лобби оттесняет на второй план проблемы самих механизмов влияния – каким образом оно происходит, обусловлен ли результат влияния только деятельностью лобби. Такой исследовательский фокус придает объекту исследования ореол таинственности, побуждает делать акцент на скрытых аспектах воздействия этнических лобби на внешнюю политику государств[219].

В этой связи, Н.М. Рипсман отмечает, что неоклассический реализм пока не способен дать ответ на ряд принципиальных вопросов, а именно – какие внутриполитические акторы наиболее значимы, какие внутренние и внешние факторы усиливают то или иное их влияние, для каких государств наиболее характерна вовлеченность внутриполитические акторов и как это влияние проявляется. Вероятно, такие ответы потребуют обратить внимание на характеристики политического режима государства, развитость бюрократии, поиск политическими деятелями и государственными служащими баланса между личными и общественными интересами[220].

В дополнение, отметим, что в реалистских работах практически отсутствует термин «диаспора» (или же он воспринимается как синонимичный этническому лобби или группе, что, вероятно, может быть приемлемым для американских реалий). Между тем, понятия этнического лобби (этнической группы интересов) и диаспоры далеко не тождественны, хотя и во многом

---

[218] Mistry D. The India Lobby and the Nuclear Agreement with India // Political Science Quarterly. – 2013. – Vol.128, № 4. pp.718-722, 744-745

[219] Боришполец К.П. Национальное измерение глобального мира. С. 90-91

[220] Ripsman N.M. Neoclassical realism and domestic interest groups // Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy. Ed. by S.E. LobeII, N.M. Ripsman and J.W. Taliaferro. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. pp. 170-174

близки по смыслу: этническое лобби – это совокупность политических сил, которые могут выступать от имени диаспоры, но такое лобби не включает всех участников диаспоры.

Даже по сравнению с реализмом и неореализмом современные марксистские подходы к проблематике миграций и диаспор отличаются негибкостью. Такая ситуация вполне объяснима: марксизм оформился в самостоятельное течение научной мысли во второй половине XIX века, а изучение миграции и диаспор даже на уровне повседневной рефлексии в лучшем случае относится к первой половине XX века (см. Глава 1). Поэтому в трудах классиков марксизма практически не обсуждается миграция, как и понятие «диаспора». Неудивительно, что в СССР, где марксизм (пусть и в модифицированном виде) составлял теоретическую базу практически любого научного исследования, изучение проблем миграции и мигрантских сообществ оформилось только в 60-е гг. XX века, причем преимущественно в рамках экономических дисциплин[221].

В неомарксизме, в работах школы мир-системного анализа движение людей через границы государств (наряду с движением товаров и капиталов) принципиально не отрицается. Более того, И. Валлерстайн отмечал, что миграция оставляет «отпечаток» на социальной структуре обществ, способствует формированию политических отношений «включения-невключения»[222]. В рамках «геокультуры», которая стала результатом развития глобального «мира-экономики», сформировались новые противоречия, например, между дискриминируемыми и элитами внутри отдельных обществ. Часть дискриминируемых групп обращается к националистическим и близким по духу идеологиям, стремится оспорить свой статус[223]. Проблема подобных «антисистемных» (антикапиталистических) движений заключается в том, что они выступают против действующей глобальной системы по тактическим

[221] Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. Изучение миграции населения // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 3-4. С. 72-73

[222] Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. Н.Тюкиной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 125-126, 160-162

[223] Wallerstein I. Geopolitics and geoculture: essays on the changing world-system. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. pp. 140-146, 168-176

соображениям, а не по стратегическим: при удовлетворении части их требований большинство готово смириться с существующими экономическими и политическими условиями[224]. Более того, их успех изначально ограничен из-за их подверженности манипуляциям, классовой разнородности и включенности такой борьбы за права человека в либеральную (прокапиталитическую) идеологию[225]. Хотя существует вероятность, что происходит не только включение периферийных культур в глобальную, но и формирование неких «полу»-глобальных культур, которые могут добиться большей самостоятельности[226]. Таким образом, диаспоры и мигрантские сообщества, если и затрагиваются неомарксистами, то, главным образом, в связи с «антисистемными» процессами и движениями.

Несколько иначе явление диаспор проанализировал Дж. Арриги. По его мнению, до становления капиталистической мир-экономики в Европе диаспоры были важным элементом движения капитала, участвовали в создании нетерриториальных сетей торговли. Вдобавок, так называемые классические диаспоры (евреи, армяне) также были вовлечены в общеевропейскую конкуренцию на заре становления капитализма и лишь затем уступили национальным государствам, способным на большую концентрацию ресурсов. Однако, их роль на этом не завершилась, поскольку капитализм – это постоянное соперничество государственного («венецианского») и неформального («генуэзского») вариантов движения капитала, а второй вариант сегодня представлен, в том числе, диаспорами[227]. Такое понимание близко к либеральной теории транснационализации, хотя и с некоторыми оговорками, поскольку представляется не проявлением более свободного положения индивида в мире, а дополнительным механизмом закрепления неравноценного обмена в рамках мир-системы.

---

[224] Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. С. 164-165

[225] Amin S. Ending the Crisis of Capitalism Or Ending Capitalism? Translated by V. Bawtree. – Cape Town, Dakar, Nairobi and Oxford: Pambazuka Press, 2011. pp. 134-135

[226] Simi M. Hybridity, Co-Optation, Subversion Theorizing Diaspora in the Context of Postmodernism and Globalization // Diaspora Studies. 2007. – №1(1). pp. 2-13

[227] Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 130-132, 206-207, 415.

Сторонник критической теории в исследованиях МО Р. Кокс отмечает, что источником глобальных трансформаций могут быть не только изменения материального характера (средств производства по К. Марксу), но и перемены в области ключевых социальных институтов и идей об организации общества. Институты устанавливаются при участии определенных социальных сил и лежат в основе, как существующего мирового порядка, так и устройства отдельных государств. Конечно, данный исследователь не видит диаспоры среди тех социальных сил, которые могут стать носителями перемен (то есть значимы). В то же время, ряд диаспор и сообществ трудовых мигрантов в принципе подпадают под используемое Р. Коксом понятие «необустроенных рабочих из третьего мира», которые способны эти перемены инициировать[228]. Если Р. Кокс следует грамшианской традиции в критической теории, то британский ученый А. Линклейтер опирается на структурную традицию, восходящую к Л. Альтюссеру и Ю. Хабермасу. Любая социальная связь – это отношение включения и исключения. В частности, любое сообщество каким-либо образом включает или исключает своих участников из других общностей, например, наций-государства. Таким образом, меньшинства (в том числе, диаспоры) бросают вызов дискурсам доминирующего сообщества (в основном, нации-государства). Соответственно, изучение диаспор может быть полезно при исследовании степени гомогенности, закрытости и взаимообусловленности, сообществ, а также принципов диалога между сообществами[229].

Именно в таком ключе рассматривает проблематику миграции А. МакНевин. По ее мнению, потоки миграции обусловлены нуждами рынка труда и направлены в те страны, которые так или иначе поощряют развитие этого рынка. География мира миграции – это география потоков людей и отражение неолиберальной экономической политики. Но эти потоки не просто находятся в движении, а еще и пытаются определить свое место в мире. Фактически мигранты борются за право на принадлежность, за право быть ис-

[228] Cox R.W. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Millennium - Journal of International Studies. – 1981. – Vol. 10, №2. pp. 129-150

[229] Linklater A. Critical international relations theory: citizenship, state and humanity. – New York: Routledge, 2007. pp. 45-54

ключенными из «принимающего» общества[230]. Таким образом, неолиберальная политика порождает недовольных ею и, вероятно, всем глобальным политико-экономическим устройством.

В целом, внимание неомарксистов к глобальном распределению капитала снижает их заинтересованность в анализе распределения и перераспределения других факторов производства, в том числе труда (работников). Некоторое внимание неомарксистов привлекло вовлечение диаспор в «антисистемные» политические движения и их влияние на формирование глобальных и полупериферийных социально-политических культур. В то же время, современные реалисты больше внимания обращают на конкретные политические аспекты такого влияния, отмечают обусловленность таких явлений международной анархией. При этом, это не означает отказа от использования метафоры уровней анализа, от разделения явлений на «структурные» (международные) и неструктурные (внутриполитические). Но признание того, что политическая активность на внутриполитическом уровне может иметь значительные последствия, упор на изучение результатов деятельности диаспор (пусть и без прямого упоминания термина), – несомненно, представляют собой один из пунктов сближения позиций теоретиков реализма и либерализма.

[230] McNevin A. Irregular migrants, neoliberal geographies and spatial frontiers of ‘the political’ // Review of International Studies. – 2007. – Vol. 33, №4. pp. 657, 662-668

2.3. Теории мирополитической роли диаспор

Кроме общих подходов к проблематике существования и функционирования диаспор в рамках теории изучения международных отношений и мировой политики необходимо выделить несколько отдельных теорий, которые также стремятся описать те или иные политические эффекты, связанные с диаспорами. Эти теории условно можно отнести к внутриполитическому уровню анализа, исходя из вышеизложенной критики самого понятия уровней анализа (см. раздел 2.1.). Несмотря на то, что описываемые данными теориями эффекты возникают внутри конкретных государств, сам механизм их появления и некоторые последствия носят отчетливо международно-политический характер.

Первая группа теорий касается этнического лоббизма. В разделе 2.2. отмечается, что понятие этнического лоббизма нередко используется неореалистами для описания некоторых «аномальных» (по их мнению) процессов. Однако стоит отметить, что тематика этнического лоббизма активно поднимается и специалистами, работающими в других исследовательских парадигмах, – прежде всего, неолибералами. Прежде всего, это связано с исследованием многообразия и многоуровневости политических взаимодействий, что отождествляется с прогрессом политических режимов и их движением к идеалу – демократии[231].

Изучение лоббизма имеет давнюю традицию, которая опирается, в первую очередь, на политическую практику США. Выделяют три основных подхода, отвечающих на разные исследовательские вопросы. Инструментальный подход уделяет внимание субъектам взаимодействия, нередко сводя сферу лоббизма к законодательно регулируемой деятельности. Институциональный подход рассматривает лоббизм как устойчивую практику, механизм взаимодействия власти и групп интересов. Наконец, функциональный подход

[231] Что, в целом, соответствует идеям «отца-основателя» США Дж. Меддисона: чем больше противостоящих друг другу групп (англ. faction) – тем лучше, они сдержат аппетиты оппонентов и отдалят саму возможность тирании. Подробнее см.: The Union as a Safeguard Against Domestic Faction and Insurrection From the New York Packet. Friday, November 23, 1787. URL: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/fed10.asp

обращает внимание на то, как та или иная политическая цель проводит в действие политического актора и при каких условиях в достижение цели вовлекаются лица, принимающие решения[232].

Среди исследователей нет единого мнения, какие именно факторы оказывают решающее влияние на успех лоббирующих групп интересов. Среди основных факторов успеха выделяют наличие эксклюзивной информации и доброжелателей в органах управления, убедительность аргументации, фактический подкуп (ресурсная модель), а также то, что лоббизм оказывается абсолютно легитимным каналом коммуникации граждан и власти[233].

Гораздо подробнее изучены ограничения для деятельности лоббирующих структур, предопределяемые особенностями политического режима и правовой системы государства, в частности, в США. Во-первых, до 80% рынка лоббизма в США приходятся на нелегальный сегмент, что не только повышает эффективность коммуникации групп интересов и лиц, принимающих решения, но и стимулирует расширение законодательного регулирования данной отрасли[234]. Во-вторых, лоббируемые решения почти неизбежно являются отражением общественного мнения (хотя бы его значительного сегмента). Согласно Р. Бернхагену, политики в США, только в 20% случаев готовы действовать вопреки общественному мнению[235]. В-третьих, группы интересов и лоббистская активность наиболее эффективны в период между избирательными кампаниями, поскольку во время выборов действуют более прямые каналы коммуникации власти и граждан[236]. В-четвертых, осуществление лоббистской деятельности требует от группы интересов значительной

---

[232] Васильева В.М. Лоббизм: проблемы теоретической интерпретации // Мир и политика. – 2012. – №1 (64). С. 56-58

[233] Графов Д.Б. Политический лоббизм иностранных интересов в США. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук. М.: Дипломатическая Академия МИД России, 2015. С. 14-24; Графов Д.Б. Анализ и сравнение эффективности лоббирования в США израильских и китайских групп интересов // Вестник МГИМО Университета. 2015. – № 5 (44). – С. 84-98

[234] Байков А.А., Сушенцов А.А. Страновые особенности лоббизма в США и в Японии // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. №2 (23). С. 101-105

[235] Bernhagen P. When Do Politicians Listen to Lobbyists (and Who Benefits When They Do)? European Journal of Political Research. 2013. № 52. pp. 22, 33-34

[236] Kersh R. State Autonomy & Civil Society: The Lobbyist Connection. Critical Review. A Journal of Politics and Society. 2000. Vol.14, № 2-3. p. 238

степени организованности. То есть, далеко не всякий имеющийся в обществе интерес получает представительство[237]. Наконец, в-пятых, решимость участников лобби отстаивать свою позицию определяется их политическим и социальным статусом (например, уровнем благосостояния), а также неизбежным расслоением внутри каждой группы интересов[238].

Безусловно, этнический лоббизм во внешнеполитической сфере имеет ряд особенностей, обусловленных как спецификой соответствующих групп интересов, так и самой сферой, где продвигаются интересы. Во-первых, большинство этнических групп располагает ограниченным ресурсным потенциалом, подразумевающим, в первую очередь, финансовые и электоральные инструменты. Это приводит к тому, что такие группы интересов чаще обращаются к непрямым формам продвижения интересов, таким как массовые акции, обращения граждан к органам власти (коллективные петиции)[239]. Во-вторых, этнические группы интересов вынуждены чаще обращаться к медийным инструментам, использовать манипулятивные техники. Например, для американских реалий экспансионистские устремления в принципе нарушают свободу объекта экспансии, однако толкование свободы исключительно как свободы торговли и предпринимательства позволяет в известной мере обойти противоречия[240]. Наконец, в-третьих, публичный лоббизм во внешнеполитической сфере, видимо, менее масштабен в финансовом отношении. По данным Центра ответственной политики, в США в 2014-2015 гг. объем услуг по разделу «внешняя политика» (без учета лоббизма по проблемам Израиля) колебался в пределах 4-6 миллионов долларов. Для сравнения, с 2004 года взносы по категории «некрепкие алкогольные напитки» колеб-

---

[237] Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. Пер. с англ. М.: ФЭИ, 1995. С. 6-14

[238] Smith T. Foreign Attachments: The Power of Ethnic Groups in the Making of American Foreign Policy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. pp. 130-133

[239] Goldstein K.M. Interest groups, lobbying, and participation in America. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. pp. 14-26

[240] Davidson L. Foreign Policy, Inc.: Privatizing America's National Interest. Lexington: University Press of Kentucky, 2008. pp. 51-52

лются в пределах 15-20 миллионов долларов, по категории «строительные материалы и оборудование» – 12-15 миллионов долларов[241].

Изучение лоббизма в целом и, в частности, во внешнеполитической сфере позволило выявить специфику американских институтов государственной власти, которая влияет на возможности этнических лобби. Во-первых, в американском обществе размываются привычные социальные и политические разделительные линии, усложняются задачи органов государственного управления. Более того, это влечет за собой расширение внешнеполитической повестки, а как следствие, возникновение новых институтов власти, что, в свою очередь, делает систему планирования и осуществления внешней политики США более доступной[242]. В то же время, «перенасыщенность плюрализмом» становится основой для все более глубоких противоречий, что, в конечном счете, снижает вероятность успеха групп интересов[243]. Более того, чтобы реагировать на усложнение институциональной базы системы принятия внешнеполитических решений, этническим лобби приходится «играть в пятиуровневые шахматы», искать поддержку и противостоять соперникам на уровне Республиканской и Демократической партии, админи-

---

[241] The Center for Responsive Politics (2015). Annual Lobbying on Foreign Policy. Available at: http://www.opensecrets.org/lobby/indusclient.php?id=Q04 (accessed 20 August 2015); The Center for Responsive Politics (2015). Annual Lobbying on Beer, Wine & Liquor. Available at: http://www.opensecrets.org/lobby/indusclient.php?id=N02&year=2015 (accessed 20 August 2015); The Center for Responsive Politics (2015). Annual Lobbying on Building Materials & Equipment (The Center for Responsive Politics). Available at: http://www.opensecrets.org/lobby/indusclient.php?id=C05&year=2015 (accessed 20 August 2015)

[242] McCormick J.M. Ethnic Interest Group in American Foreign Policy. In: The Domestic Sources of American Foreign Policy: Insights and Evidence. Ed. by J.M. McCormick. 6th ed. New York: Rowman&Littlefield Publishers, INC, 2012. pp. 68; Павроз А.В. Группы интересов в системе политического представительства: современные тенденции. ПОЛИТЭКС. 2013. Т.9, №3. С. 268-269; Самуйлов С.М., Графов Д.Б. Конгресс, лоббисты, группы интересов и проблемы коррупции // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – № 9 (537). С. 21-36

[243] Зяблюк Н.Г. Политический плюрализм: контуры американской модели // США- Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – №5. С. 3-5; Зяблюк Н.Г. Политический плюрализм в дискурсе американской политической науки // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 1. С. 47-69

страции президента, Конгресса и ведомственной бюрократии[244]. Таким образом, усложнение социальной структуры в США повышает планку для этнических лобби, требует от них действовать достаточно изощренно.

Во-вторых, внешняя политика объективно меньше интересует среднестатистического американского избирателя, что дает большее пространство для маневра этнических лобби – особенно, в совокупности с широко распространенными в США идеями исключительности и относительной географической удаленностью страны от «остального» мира. Более того, американский электорат склонен поддерживать те группы или отдельных лиц, кого непосредственно затрагивают проблемы в другом государстве. Например, изоляция Кубы долгое время сохранялась из-за решительной позиции кубинской диаспоры по этому вопросу[245].

Теории этнического лоббизма раскрывают многие особенности политической деятельности диаспор. Но необходимо понимать и различие этих понятий: лоббированием занимаются, в основном, диаспорные элиты, а не все участники диаспоры. Кроме того, этнические лобби представляют не только сообщества, чувствующие некую отчужденность от большинства населения и сохраняющие определенные представления о территории происхождения (подробнее, см. Главу 1), но и коренные народы, полиэтнические и поликультурные политические коалиции[246]. Наконец, для американских реалий важно понимать, насколько условной является этничность того или иного лобби, поскольку этничность в США нередко становится индивидуальным выбором и не обусловлена исторической и культурной преемственностью[247].

Несмотря на данные различия, теории этнического лоббизма показывают, как именно осуществляется влияние диаспор на конкретных предста-

---

[244] Newhouse J. Diplomacy, Inc.: The Influence of Lobbies on U.S. Foreign Policy // Foreign Affairs. – 2009. – Vol. 88, № 3. pp. 74-75

[245] Davidson L. Foreign Policy. pp. 6-11, 21-22

[246] Подробнее см.: Лошкарёв И.Д. К вопросу об агентах этнического лоббизма во внешней политике США // Право и управление. XXI век. – 2015. – №3 (36). С. 148-152; Каневский П.С., Шариков П.А. Трансформация института лоббизма в США в XXI веке и вызовы для России // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2017. – № 5 (569). С. 43-54.

[247] Perez A.D., Hirschman C. The Changing Racial and Ethnic Composition of the US Population: Emerging American Identities // Population and Development Review. – 2009. – Vol. 35, №1, pp. 1–4

вителей органов власти, какие стратегии для этого используются и какие ресурсы в таких случаях необходимы. Кроме того, изучение этнического лоббизма позволяет оценить именно политическую сторону деятельности диаспор и их институтов, задает фокус для исследований диаспор. Акценты, связанные с инструменталистским и институциональным подходами к лоббизму, а также модели лоббизма, рассматривающие информацию как один из важнейших элементов продвижения интересов, добавляют сбалансированность в изучение диаспор, где много внимания уделяется политической мобилизации и замкнутости общин.

Другая группа теорий рассматривает диаспоры как возможную третью сторону в международном конфликте. Изучение конфликтов вне бинарных схем анализа – это относительно новое направление исследований. Включение диаспор в конфликтологические исследования произошло и вовсе недавно – в начале XXI века. Дж. Берцович предложил рассматривать участие диаспор в конфликтах в зависимости от стадии самого конфликта, проанализировал возможные варианты действий диаспор от возникновения противостояния до пост-конфликтного урегулирования. С нормативной точки зрения, участие диаспор должно сглаживать противоречия, ведь участники диаспоры заинтересованы в сохранении и благополучии страны происхождения. На практике, диаспоры могут поощрять эскалацию напряженности, предоставлять материальную помощь и политическую поддержку конфликтующим сторонам[248]. Доклад корпорации RAND, посвященный повстанческим движениям в мире (2001), отмечает, что участие диаспор в конфликтах отчасти замещает вовлеченность сверхдержав в локальные противостояния в период холодной войны. Вероятность того, что диаспора станет третьей стороной конфликта, повышается, если диаспора состоит из замкнутых общин, а «родственная» диаспоре сторона конфликта добивается некоторых успехов. В то же время, помимо политического давления на власти страны пребывания и финансовой поддержки сторон конфликта, диаспоры редко могут служить

[248] Bercovitch J. A neglected relationship: Diasporas and conflict resolution // Diasporas in conflict: peace-makers or peace-wreckers? / Ed. by H. Smith and P. Stares. – Tokyo, New York, Paris: United Nations University Press, 2007. pp. 30-37

источником собственной военной помощи[249]. Поэтому если одной стороне конфликта помогает диаспора, а другой – государство, то у второй стороны возникают дополнительные возможности, связанные с возможностью развертывать тренировочные базы, получать дипломатическую поддержку и современные образцы вооружений[250].

Рассмотрение диаспор как «третьей стороны» конфликта подразумевает обращение к проблеме удаленности. Если участники диаспоры проживают на относительно большом расстоянии от Родины, то формы участия в возможных конфликтах будут тяготеть к косвенной поддержке. Напротив, при концентрации диаспоры в соседнем со страной происхождения государстве велика вероятность сецессионистских конфликтов. Определенные символические события (провозглашение независимости, силовые акции) дают основания для политической мобилизации, но причины обычно кроются в систематическом нарушении прав «родичей» диаспоры или в том, что местная элита не находит способов добиваться своих целей иными (менее радикальными) методами[251].

Участие диаспор в конфликтах заставляет исследователей задуматься над целями, временем и значимостью такого участия. В этой связи, К.С. Гледитч предлагает использовать рационалистическую модель, согласно которой диаспоры стремятся добиться преимуществ экономического и политического характера и активно подключаются к конфликтам на стадии эскалации. В то же время, рационалистическая модель скорее не позволяет оценить параметр значимости. Тем не менее, по косвенным данным, можно предположить следующее: государства реже включаются в конфликты в качестве тре-

---

[249] Пожалуй, наиболее известный пример диаспоры с собственной армией – это Секретная армия генерала Ванг Пао, принимавшая участие в Гражданской войне в Лаосе в 1960-1975 гг. и состоявшая, главным образом, из хмонгов, которые мигрировали в страну за полтора столетия до этих событий.

[250] Byman D., Chalk P., Hoffman B., Rosenau W., Brannan D. Trends in Outside Support for Insurgent Movements. – RAND, 2001. pp. 41, 55-60

[251] Koinova M. Diasporas and secessionist conflicts: the mobilization of the Armenian, Albanian and Chechen diasporas // Ethnic and Racial Studies. – 2011. – Vol. 34, № 2. pp. 351-353

тьей стороны, чем диаспоры, значит, транснациональный фактор обладает как минимум сопоставимой конфликтогенностью[252].

Роль диаспор в конфликтах на современном этапе повышается, так как появляются новые типы конфликтов (более локализованные или, наоборот, сетевые), резко растет число беженцев, увеличивается масштаб и скорость коммуникации и мобильности людей, а также ускоряется проявление различных культурных и исторических различий. М. Кэлдор отмечает: «Почти во всех новых национализмах, благодаря возросшей интенсивности средств сообщения, диаспоры играют гораздо более важную роль, чем раньше. Эмигрантские националистические группы, замышлявшие в парижских или лондонских кафе планы освобождения своей страны, были всегда. Однако ... такие группы стали гораздо крупнее и гораздо значительнее»[253]. Конфликтность заложена в самом направлении развития общества Пост-Модерна, что включает и формирование более локализованных и фрагментарных идеологий и идентичностей[254]. Этому посвящена значительная часть научной литературы, охватывающая явление так называемых «новых войн»[255].

С. Фейр подчеркивает, что конфликт также влияет на диаспору. По ее мнению, следует различать случаи, при которых диаспора перенаправила ресурсы на поддержание одной из противоборствующих сторон, и такие ситуации, когда конфликт подстегнул консолидацию диаспор, фактически дал стимул для их самоорганизации. Кроме того, С. Фейр отмечает, что различным остается масштаб участия в конфликтах: например, тамильская диаспора вовлечена в борьбу с официальными властями Шри-Ланки по всем фронтам, а сикхская община ограничивается поддержкой религиозных центров и

---

[252] Gleditsch K.S. Transnational Dimensions of Civil War // Journal of Peace Research. – 2007. – Vol. 44, № 3. pp. 295-296? 304-306

[253] Кэлдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. Пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского. – М.: Институт Гайдара, 2015. С. 184

[254] Demmers J. Diaspora and Conflict: Locality, Long-Distance Nationalism, and Delocalisation of Conflict Dynamics // The Public. – 2002. – № 9(1). pp. 86-90, 94-96

[255] Об ассиметричных формах организованного насилия, помимо работ М. Кэлдор, см. например: Duffield M. War as a Network Enterprise: The New Security Terrain and its Implications // Cultural Values. – 2002. – №6 (1-2). pp.153-165

предпочитает простейшие стратегии действия, в основном, на индивидуальном уровне[256].

По мнению Дж. Блинкерхофф, участие диаспор в конфликтах и их урегулировании изучено недостаточно. Диаспоры чаще всего вовлечены в конфликты в государствах происхождения, а. значит, существенного роста конфликтов с их участием не предвидится. Тем не менее, зафиксировано достаточно случаев неформальной передачи финансовой помощи одной из сторон конфликта, создания благоприятного информационного фона, набора добровольцев для участия в конфликте. Это может вносить еще больший раскол между противоборствующими сторонами и снижает их политическую ответственность. И даже после окончания вооруженного конфликта наличие крупной диаспоры у страны увеличивает вероятность возобновления противостояния приблизительно в 6 раз[257].

Среди исследователей растет спрос на поиск позитивных, а не негативных форм участия диаспор в конфликте, что становится одной из важнейших тенденций в изучении диаспор. Участие диаспор в установлении устойчивого мира в странах включает возвращение некоторых членов диаспор для участия в работе органов управления и крупных предприятий, содействие переговорам о примирении между враждующими группировками (даже внутри одной из противоборствующих сторон), продвижение сотрудничества страны происхождения и «принимающего» государства[258]. По сути, известны случаи, в которых диаспоры поддерживали материально конструктивные силы и помогали им установить необходимые контакты за рубежом. Наиболее часто приводят пример посредничества американцев ирландского происхождения в заключении Белфастского соглашения по Северной Ирландии (1998 г.), которое положило конец противостоянию ИРА, Ирландии и Великобритании. Все

---

[256] Fair C.C. Diaspora Involvement in insurgencies: Insights from the Khalistan and the Tamil Eelam Movements // Nationalism and Ethnic Politics. – 2005. – № 11 (1). pp. 147-149

[257] Brinkerhoff J.M. Diasporas and conflict societies: conflict entrepreneurs, competing interests or contributors to stability and development? // Conflict, Security & Development. – 2011. – №11 (2). pp. 117, 119-128

[258] Cochrane F., Baser B., Swain A. Home Thoughts from Abroad: Diasporas and Peace-Building in Northern Ireland and Sri Lanka // Studies in Conflict & Terrorism. – 2009. – № 32(8). pp. 683-684, 698-700

же у позитивной роли в конфликте есть свои ограничения: любой посредник обладает определенной предубежденностью, что в особенности свойственно диаспорам, чьи участники вынужденно покинули страну происхождения. Кроме того, возможности диаспоры напрямую связаны с политическим режимом страны пребывания: ряд государств не поощряет объединения по принципу происхождения и вовлеченность в конфликты в других странах[259].

Таким образом, рассмотрение диаспор в рамках небинарных теорий международных конфликтов существенно обогащает самого феномена диаспор, а также позволяет продемонстрировать новые грани взаимоотношения диаспор и территорий происхождения. При этом, на разных этапах вооруженного конфликта диаспоры способны играть конструктивную роль, хотя, видимо, преимущественно это касается этапа урегулирования и так называния «миростроительства» (англ. peace-building).

Еще одна группа теорий, рассматривающая в широком контексте роль диаспор, опирается на понятия финансовых и так называемых «социальных» перечислений. По мнению П. Левитт, которая ввела это понятие, социальные перечисления обозначают переток идей, ценностей, поведенческих моделей, производственных новаций, особенностей восприятия и социального капитала из государства проживания в страну происхождения. Трансформация жизни участников диаспор в «принимающем» обществе обуславливает появление новых практик в их жизни, с которыми участники диаспоры знакомят своих соотечественников с помощью средств коммуникации или во время визитов на Родину. Социальные перечисления передаются бессистемно, ненамеренно и на персональном уровне, что не позволяет полноценно их учитывать[260]. Хотя есть и опыт направленного использования социальных перечислений: Международная организация по миграции запустила программу «Миграция и развитие в Африке», в рамках которой представители диаспор направляются на короткое время в страны происхождения в качестве экспертов по различным отраслям. Кроме того, некоторые страны (например,

[259] Baser B., Swain A. Diasporas as peacemakers: third party mediation in homeland conflicts // International Journal on World Peace. – 2008. – Vol. 25, No. 3. pp. 16-19, 23-24

[260] Levitt P. Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion // International Migration Review. – 1998. – Vol. 32, № 4. pp. 927, 930-937

КНР) поощряют появление так называемых «сетей знания», в рамках которых, например, бизнесмены могут получить от представителей диаспоры информацию о рынках, а также некоторые услуги, надежность которых обеспечивается чувством общности происхождения и наличием родственных связей. Вдобавок, такие «сети знания» отчасти компенсируют утечку мозгов, в случаях, когда включают в себя высококвалифицированных специалистов (ученых, инженеров)[261].

Роль финансовых перечислений от диаспор традиционно подчеркивается для стран глобального Юга. Диаспоры все больше получают признание как ресурс развития государств, именно поэтому в Сальвадоре диаспору называют не иначе как «дальние братья», а в Филлипинах – «новые герои». Однако связку «миграция-развитие» реже рассматривают в контексте миграции внутри глобального Юга, не говоря уже о миграции «Север-Север». Еще один перекос в изучении этой связки заключается в том, что исследователей, главным образом, волнует, как эффективно использовать эти перечисления. С макроэкономической точки зрения, по некоторым подсчетам, увеличение финансовых перечислений мигрантов на 10% может сократить на 3,5% количество лиц, живущих за чертой бедности. А в рамках микроэкономики финансовые перечисления из-за рубежа рассматриваются как инвестиции для малого бизнеса и фактор повышения спроса домохозяйств на рынках[262]. Между тем, вопросы социальной ответственности государств перед участниками диаспор фактически выведены из рассмотрения при анализе взаимосвязи миграций, мигрантских сообществ и социально-экономического и политического развития[263].

Значение финансовых перечислений позволяют оценить ежегодные доклады Всемирного Банка. По данным за 2015 год, объем переводов мигрантов составил почти 432 миллиарда долларов, что почти втрое больше офици-

---

[261] Faist T. Migrants as Transnational Development Agents: An Inquiry into the Newest Round of the Migration–Development Nexus // Population, Space and Place. – 2008. – №14. pp. 27-29

[262] Datta K. Transforming South–North Relations? International Migration and Development // Geography Compass. – 2009. – № 3/1. pp. 109-114

[263] Мартыненко В.В., Мартыненко С.В. Миграция и развитие: поиск общего знаменателя // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2014. – №8 (118). С. 23-24

альной помощи развитию, предоставляемой международными институтами и отдельными государствами[264]. Х. Пеллерин и Г. Муллингс обращают внимание на то, что в экономической политике государств появилась «опция диаспоры», когда донором развития становятся вовсе не международные финансовые институты. Более того, последствия от применения «опции диаспоры» носят глобальный характер, так как это в значительной степени подрывает Вашингтонский консенсус, подразумевающий либерализацию рынков для привлечения инвестиций. Необходимо отметить, что и международные финансовые институты не остаются в стороне и стараются снизить свою нагрузку за счет финансовых перечислений диаспор. В таких условиях диаспоры разделяют ответственность за развитие стран и берут часть финансовых рисков на себя, хотя, вероятно, диаспоры не слишком монолитны для подобных амбициозных задач: все-таки «опцию диаспоры» не стоит переоценивать, она явно подходит не для каждого государства[265]. Есть и противоположная точка зрения – продвижение международными организациями тематики вклада диаспор в развитие может оказаться не более чем умелым риторическим приемом, то есть способом заменить конфликты, которые порождает миграция, деполитизированными и компромиссными конструктами политического дискурса[266].

Многочисленные исследования перечислений диаспор пока не могут полноценно оценить необходимую регулярность денежных и социальных переводов, а также степень самостоятельности диаспор в этих взаимодействиях. Нередко государства поощряют рост перечислений, что означает, что внешняя политика стран (то, что традиционно включается в международные отношения) нацеливается на стимулирование транснациональных взаимодействий. Однако проведенный в начале XXI века в Принстонском универси-

---

[264] Migration and Remittances. Recent Developments and Outlook. Migration and Development Brief 26. // http://pubdocs.worldbank.org/en/661301460400427908/MigrationandDevelopmentBrief26.pdf

[265] Pellerin H., Mullings B. The ‘Diaspora option’, migration and the changing political economy of development // Review of International Political Economy. – 2013. – № 20 (1). pp. 94-96, 107-113

[266] Bréant H. What if diasporas didn't think about development?: a critical approach of the international discourse on migration and development // African and Black Diaspora: An International Journal. – 2013. – Vol. 6, №2. pp.105-108

тете исследовательский проект «Сравнение предпринимательства мигрантов» показал, что инициатива в области сотрудничества со страной происхождения традиционно исходит от представителей диаспоры. Причем, на формы сотрудничества сильно влияет социальное происхождение мигрантов: выходцы из городской местности предпочитают инициативы с политической и культурной составляющей, а выходцы из аграрных регионов – некоммерческие и аполитичные узкопрофильные проекты. Таким образом, масштаб и цели перечислений сильно зависят от институтов диаспор, которые, в большинстве случаев, обладают значительной степенью автономности, хотя и вступают в определенные отношения с органами власти стран происхождения[267].

Доклад Института миграционной политики («мозговой трест» в г. Вашингтон, США) суммировал результаты участия диаспор в развитии стран происхождения следующим образом:

- участники диаспор содействуют развитию предпринимательства, росту занятости и внедрению инноваций;

- участники диаспор предоставляют новые возможности для своих стран, поскольку являются элементами сетевых структур (в том числе, «сетей знания»);

- участники диаспор остаются более информированными и вдумчивыми инвесторами, видят возможности в неочевидных сферах деятельности;

- перечисления участников диаспор отражаются на макроэкономической стабильности в странах происхождения[268].

Также следует отметить политические эффекты от участия каждой диаспоры в жизни Родины. Во-первых, речь идет об «опции диаспоры» и создаваемой диаспорами частичной альтернативе международной финансовой архитектуре. Во-вторых, «социальные перечисления» включают в себя рас-

---

[267] Portes A., Escobar C., Radford A.W. Immigrant Transnational Organizations and Development: A Comparative Study // International Migration Review. – 2007. – Vol. 41, №1. pp. 252-255, 276-278

[268] Diasporas: new partners in global development policy. Ed. by K. Newland. – Washington, DC: Migration Policy Institute, 2010. p. 28 // http:/www.migrationpolicy.org/sites/publications/Diasporas-Partners.pdf

пространение ценностей и идеалов. Этот аспект деятельности диаспор может заключаться в содействии демократизации политического режима в стране происхождения или в продвижении националистической повестки дня. Например, сербская диаспора в Европе и США выступала против С. Милошевича не потому, что была согласна с позицией стран Запада, а поскольку считала Милошевича предателем после заключения Дейтонских соглашений по урегулированию конфликта в Боснии и Герцеговине. Но даже националистические силы вынуждены все больше использовать дискурс демократизации, то есть оправдывать свои действия наличием демократических процедур и институтов[269]. Таким образом, вклад диаспор в развитие стран происхождения осмысливается, главным образом, экономистами и социологами, хотя некоторые аспекты описанных выше взаимодействий носят выраженный политический характер.

Наконец, еще одна теоретическая наработка связана с именем Дж. Ная, который выдвинул концепцию «мягкой силы». По его мнению, «мягкой силой» могут обладать не только государства, но и негосударственные акторым, в том числе диаспоры. Проблема в том, что Дж. Най сводил всю «мягкую силу» диаспор к распространению ими информации через Интернет[270]. Безусловно, общение участников диаспоры в Интернете помогает сохранять и развивать чувство общности, снижает эффективность ассимиляционных усилий государств. Хотя не все мигранты имеют доступ ко «всемирной паутине», а те, кто все-таки имеют доступ, получают дополнительные возможности в сфере получения и распространения информации: «онлайн капитал» нередко обеспечивает «оффлайн капитал»[271]. Но общение друг с другом еще не означает распространения информации о диаспоре или сведений, которые представляют интерес для диаспоры. Например, анализ активности индийской диаспоры в Интернете показал, что участники диаспоры большую часть

---

[269] Koinova M. Diasporas and democratization in the post-communist world // Communist and Post-Communist Studies. – 2009. – № 42. pp. 59-61

[270] Nye J.S. Soft power: the means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004. pp. 92-93

[271] Hiller H.H. New ties, old ties and lost ties: the use of the Internet in diaspora // New Media&Society. – 2004. – №6(6). pp. 733-735, 748-749

времени пользуются системой закрытых чатов, а диаспоральные сайты содержат в основном исламофобские по содержанию данные, то есть дают немного информации для сторонних пользователей о самой диаспоре[272].

Напомним, что, согласно Дж. Наю, источником «мягкой силы» могут ценности и культурные характеристики, который являются привлекательными для остальных (хотя бы некоторых) участников мирополитических взаимодействий. Привлекательность (аттрактивность) основана как на рациональном, так и субъективном (эмоциональном) отклике тех, на кого воздействует «мягкая сила»[273]. Важно отметить, что концепция «мягкой силы» несколько изменилась в результате широкой научной дискуссии: если ранее «мягкая сила» была скорее ресурсом акторов мировой политики (тем, что можно иметь), то в настоящее время «мягкая сила» рассматривается скорее с технологической точки зрения (то, что можно приумножать и использовать)[274].

С точки зрения социальной психологии, привлекательные образы – это усредненные и деперсонализированные характеристики объекта (например, социальной группы или государства). Эти характеристики отчасти подвержены влиянию социально-политического контекста (в широком смысле), зависят от субъекта, который воспринимает эти характеристики, отражают (хоть и в неполной мере) динамику отношений внутри самого объекта. Поэтому привлекательность – это, по сути, распространение подобных усредненных характеристик («идеальных прототипов»), постоянная коммуникация привлекательного объекта с внешними субъектами[275]. С одной стороны, в таких условиях важно в процессе коммуникации не утратить основу для вы-

---

[272] Therwath I. Cyber-hindutva: Hindu nationalism, the diaspora and the Web // Social Science Information. – 2002. – №51(4). pp. 569-573

[273] Nye J.S. Soft power: the means to success in world politics. pp. 2-7

[274] Паршин П.Б. Приключения мягкой силы в мире коммуникативных технологий (прекраснодушные заметки) // Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография / Сост. и ред. Е.Г. Борисова. – М.: ФЛИНТА, 2015. С.

[275] Hogg M.A, Smith. J.R. Attitudes in social context: A social identity perspective // European Review of Social Psychology. 2007. № 18 (1). pp. 93-96; Rothman S.B. Revising the soft power concept: what are the means and mechanisms of soft power? // Journal of Political Power. 2011. №4 (1). pp. 52-60

страивания привлекательных образов (социолингвистическую матрицу)[276]. С другой стороны, далеко не все социетальные единицы открыты для такой коммуникации: во многих странах и регионах мира сильны конформистские настроения, большие группы населения остаются идеологически устойчивыми или невосприимчивыми к «чужому»[277].

Диаспоры тоже могут быть привлекательными, поскольку их участников объединяет, прежде всего, общность культуры, исторического опыта, а также определенные мифы (часто о территории происхождения). Хотя сложился огромный массив публикаций по проблематике «мягкой силы» и того, как она используется отдельными странами, вопросы привлекательности диаспор остаются практически неисследованными. Немногочисленные попытки разобраться в существующем положении связаны с миграционным кризисом в ЕС, что позволяет увязывать проблематику диаспор с религиозными противоречиями (христиане versus мусульмане) и политикой мультикультурализма[278]. Отдавая должное этим попыткам, необходимо констатировать их недостаточность. Представляется, что «мягкая сила» диаспор в технологическом смысле включает в себя:

- использованию существующих «больших» идеологий и политико-правых доктрин для продвижения собственных интересов;

- популяризация и переосмысление в рамках массовой культуры отдельных особенностей и характеристик соответствующих сообществ (национальная кухня, литературная традиция, исторические персонажи);

- формирование определенных массовых стереотипов и социальных статусов в «принимающем» обществе (диаспоры-«жертвы», «бедные», «трудолюбивые»).

Таким образом, концепция «мягкой силы» применительно к проблематике диаспор дополняет существующие представления о диаспорах. Если

---

[276] Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – №4 (13).С. 92

[277] Kroenig M., McAdam M., Weber S. Taking Soft Power Seriously // Comparative Strategy. – 2010. – № 29 (5). pp. 425-426

[278] Касаткин П.И., Хрусталев И.М., Аватков В.А. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI в. // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 6. С. 82

теории этнического лоббизма и небинарных (сложносоставных) конфликтов, раскрывают политические аспекты возможной роли диаспор, а исследование финансовых и «социальных» перечислений позволяет оценить социально-экономический вклад диаспор в мировое хозяйство и экономику стран происхождения, то «мягкая сила» диаспор добавляет культурно-политическое измерение в изучение диаспор, которое во многом близко к антропологическому взгляду на диаспоры, но фокусируется на взаимосвязи культуры и влияния (продвижения интересов).

***

Существующие теоретические подходы в исследования международных отношений и мировой политики трактуют диаспоры следующим образом:

- как негосударственного участника мировой политики, относительно самостоятельную политическую единицу;

- как участника политических процессов внутри государств, чье влияние нередко «прорывается» на региональный и глобальный уровни взаимодействия;

- как объект государственной политики, в том числе инструмент сближения со страной проживания;

- как политическое сообщество, один из способов решения «проблемы человека и гражданина», то есть множественности политических лояльностей индивида;

- как масштабное дискурсивное пространство, возникшее в результате повседневных практик удаленности, исключения, путешествия (переселения);

- как новый тип политической организации, как проявление или даже агента крупных изменений в мировой политике.

Эти характеристики не являются взаимоисключающими, наоборот, скорее описывают разные стороны деятельности диаспор. Если обобщить вышеперечисленные основные теоретические подходы, то анализ роли диаспоры в мировой политике должен включать в себя такие элементы:

- рассмотрение ресурсов политического влияния диаспор, в том числе их способности влиять на внешнюю политику государства пребывания с помощью демографических, организационных, финансовых, культурно-политических возможностей;

- определение основных механизмов влияния диаспоры на внешнюю политику страны пребывания, в том числе непрямых механизмов – практики продвижения позитивного имиджа диаспоры (как ресурсы влияния используются и преумножаются);

- выявление особенностей взаимоотношений диаспоры со страной происхождения и других акторов мировой политики, в том числе форм экономического сотрудничества и ограничений для тесного взаимодействия на современном этапе;

- оценка степени вовлеченности диаспоры в конфликты в стране происхождения или в непосредственной близости от нее (при наличии).

Анализ политической активности по четырем отмеченным направлениям позволит не только определить значимость диаспоры в рамках треугольника «страна происхождения-диаспора-государство проживания», но и в значительной степени прояснить их участие в различных транснациональных взаимодействиях, которые слабо поддаются государственному регулированию.

Глава 3. Основные параметры влияния польской диаспоры США в мировых политических процессах

3.1. Ресурсы влияния польской диаспоры на внешнюю политику США

Исходя из вышеприведенного определения понятия «диаспора» и тех критериев, на основании которых можно анализировать роль диаспор в мировой политике, представляется интересным посмотреть на конкретном примере, как соотносится теоретическое «общее» с «частным». Это позволит, с одной стороны, показать специфику польской диаспоры в США, а, с другой стороны, – может дать импульс для дальнейшего поиска универсального подхода к роли диаспор в мировой политике.

В главе 2 отмечено, что анализ роли диаспор подразумевает, в частности, общение к проблематике политических ресурсов. Это осложняется тем, что ресурсы влияния остаются одним из малоисследованных феноменов в мировой политике[279]. Тем не менее, в практических целях вполне адекватной остается типология С. Уолта и Дж. Мершаймера, подробно изложенная в разделе 2.2. Несколько упрощая схему названных авторов, для анализа диаспор можно рассматривать следующие ресурсы их влияния, в основном, на внешнюю политику стран проживания:

- организационные (наличие определенные институтов, осуществляющих продвижение необходимой повестки дня, а также «встроенных» лоббистов);

- структурные (отсутствие или сравнительная слабость потенциала политических оппонентов);

- электоральные (возможность мобилизировать избирателей в поддержку того или иного кандидата на выборах в органы исполнительной и законодательной власти, концентрация участников соответствующего сообщества в отдельных штатах или избирательных округах);

- финансовые (способность обеспечивать взносы в избирательные кампании, пожертвования в пользу политических организаций);

[279] Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике. С. 99

- дискурсивные (позитивный имидж группы интересов в обществе или образ, вызывающий определенное сочувствие, а также некоторая степень ассимилированности).

В отношении институтов польской диаспоры необходимо отметить следующее. По данным Центральной статистической службы Польши, в США существует около 800 полонийных[280] организаций, в том числе: 135 религиозных сообществ (включая приходы канонических и неканонических церквей), 22 архива и библиотеки, 56 издательств, 42 благотворительных фонда, 7 музеев, 8 молодежных (харцерских) структур, 32 спортивно-туристических объединения, 44 объединения ветеранов, 138 образовательных учреждений (в том числе, частные, приходские и субботние школы), 33 зонтичных организации[281]. В большинстве штатов доступны печатные и электронные средства массовой информации, а также телевидение и радио на польском языке. Причем, представители диаспоры предпочитают именно полонийные СМИ, а не польские (например, специальный канал для диаспоры TV Polonia)[282].

С 1944 года подавляющее большинство объединений и организаций польской диаспоры в США стали членами зонтичной структуры – Конгресса Американской Полонии (КАП). КАП выработал разнообразные правовые формы вовлечения представителей диаспоры – коллективное, индивидуальное, ассоциированное членство. Поэтому некоторые организации входят в 30 территориальных отделений Конгресса, а часть имеют статус общенациональных организаций при Конгрессе (например, Всемирный конгресс польских врачей). Ряд организаций, являющихся коллективными членами территориальных отделений КАП, не относятся напрямую к диаспоральным организациям. Например, отделение Конгресса в г. Вашингтон координирует ра-

---

[280] В польскоязычной литературе польская диаспора традиционно обозначается отдельным словом – «Полония».

[281] Baza organizacji i instytucji polskich i polonijnych za granicą. URL: http://stat.gov.pl/download/gfx/portalinformacyjny/pl/defaultaktualnosci/5735/2/1/3/polonia_inorg_1.4_2016.xlsx

[282] Malendowicz P. Misja polonijnych katolickich środków komunikowania Stanach Zjednoczonych w dobie globalizacji i unifikującego się świata // Studia Polonijne. – 2010. – T. 31. S. 127-138; Walewander E. Kościół a Polonia i Polacy w świecie // Studia Polonijne. – 2008. – T. 29. S. 35-44.

боту местного отделения Фонда друзей Иоанна Павла II, который учрежден Римской католической церковью[283]. Подобное сотрудничество объяснимо, поскольку католические иерархи, руководящие данным Фондом, – все выходцы из Польши или лица польского происхождения. Еще один пример такого тесного сотрудничества церкви и диаспоры – коллективное членство Ассоциации американских священников польского происхождения в территориальном подразделении КАП в штате Огайо[284].

На сегодняшний день Конгресс Американской Полонии объединяет подавляющее большинство организаций польской диаспоры. Долгое время внутри диаспоры боролись два течение – светское и религиозное. С конца XIX века каждое из течений было представлено собственной организацией (Польский Национальный Союз и Польское римско-католическое объединение соответственно). Период 1890-1930 гг. известен в историографии польской диаспоры в США как период «дробления» Полонии. Только печальная судьба Польши в период Второй Мировой войны дала толчок для консолидации диаспоры[285]. Многочисленность, активность и, в известной степени, гибкость организаций Полонии в США способствовала сохранению Полонии как сообщества, существенно сдержала ассимиляцию в условиях американского социума[286]. Безусловно, обособленности (и даже отчуждению) способствовало и преимущественно католическое вероисповедание польских мигрантов, в отличие от преобладающего протестантизма в американском обществе[287].

Но даже после полувекового организационного единства остаются большие проблемы, связанные с межличностным соперничеством, конкуренцией организаций внутри зонтичной структуры польских диаспоральных институтов. Например, оппозицию официальному руководству КАП в 2015 го-

---

[283] PAC structure. URL: http://www.pac1944.org/org/structure.pdf

[284] Polish American Congress. Ohio Division Inc. URL: http://www.polishamericancongress-ohio.com/about.html#officers

[285] Pula J.S. Polish Americans: An Ethnic Community. – New York: Twayne Publishers, 1995. pp. 22, 69-72, 80-91

[286] Заринов И.Ю. Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии. – М.: ИЭА РАН, 2010. С. 155-157

[287] Walewander E. Kościół a Polonia i Polacy w świecie // Studia Polonijne. – 2008. – T. 29. S. 35-44.

ду возглавил заслуженный функционер организации, глава отделения в штате Мичиган и вице-президент Польского национального альянса П.К. Одробина. Хотя оппозиции не удалось сместить Спулу, вице-президентами КАП стали его оппоненты, что заметно снижает степень слаженности работы данной зонтичной структуры[288]. В этой связи, глава КАП Ф. Спула в своем интервью в 2015 году прямо отмечал: «С точки зрения политики, только единство нашей этнической группы даст шанс для эффективного продвижения наших интересов. Возьмем, к примеру, афро-американцев или выходцев из Латинской Америки, которые имеют общие потребности и говорят в один голос. Если бы поляки в Чикаго смогли объединиться, у нас были бы представители в Конгрессе [Палате представителей. – И.Л.] и Сенате. К сожалению, в Полонии господствуют споры и зависть, которые парализуют большинство инициатив»[289]. Предпосылками для такой оценки ситуации может служить виктимизированность сознания поляков и американцев польского происхождения, обусловленная историческим опытом, а также высокая степени индивидуализма политической культуры поляков и польской диаспоры (вплоть до знаменитого принципа liberum veto[290]). В этой связи, склонность деятелей диаспоры к выяснению отношений характеризует следующий случай: из-за непримиримой вражды сенатора штата С. Розицки и бывшего сенатора штата А.Дж. Вилковски в 50-60 гг. XX в. пришлось дважды вносить изменения в конституцию штата Мичиган[291].

Роль лидеров диаспоральных организаций и общин, особенно, в случае польской диаспоры, имеет большое значение. По мнению, польского истори-

---

[288] Правда, это только 2 из 7 вице-президентов КАП – по связям с общественностью и по отношениям с Польшей. Подробнее см.: Kongres Polonii Amerykańskiej krytykuje politykę władz w Warszawie. URL: http://wiadomosci.wp.pl/kat,1025897,title,Kongres-Polonii-Amerykanskiej-krytykuje-polityke-wladz-w-Warszawie,wid,16996484,wiadomosc.html

[289] Frank Spula – trzecia kadencja. Będą zmiany. URL: http://dziennikzwiazkowy.com/polonia/frank-spula-trzecia-kadencja-beda-zmiany/

[290] Принцип «свободного вето» означал, что на заседаниях сейма и региональных сеймиков, все решения принимаются консенсусом. То есть любое решение зависело от каждого участника сейма или сеймика. История Речи Посполитой знает немало случаев, когда малоизвестные шляхтичи фактически срывали проведение важных реформ или сами заседания парламентских структур.

[291] Binkowski D. The Untold Story of Senator Wilkowski // Polish American Studies. 1995, Vol. 52, № 1., pp. 85-88

ка и политолога А. Чодубского, нередко отношения между властями страны происхождения и диаспорой определяли характер и личные предпочтения лидеров Полонии, их симпатии или антипатии. В среде польской диаспоры США отмечались лидеры двух типов – выходцы из интеллигенции (преимущественного, мигранты первого и «полуторного» поколения) и потомки крестьян-трудовых мигрантов, которые стали функционерами уже состоявшихся диаспоральных организаций. В последние десятилетия, вероятно, функционеры одерживают верх над более активными и инициативными интеллигентами[292]. В определенном смысле, в высших эшелонах диаспоры происходит «негативный отбор», поскольку уже с начала XX века многие достойные мигранты не участвуют в работе полонийных организаций, дистанцируются от них в момент или вскоре после приезда[293].

Локальные полонийные организации столкнулись с проблемами, которые обусловлены постепенной ассимиляцией участников польской диаспоры. Во-первых, сокращается вовлеченность в деятельность локальных структур, лица польского происхождения нередко сокращают время своего участия в важных событиях и мероприятиях. Во-вторых, отмечается определенная неясность, относительно перспектив развития общин Полонии, их приоритетов в среднесрочной и долгосрочной перспективе[294]. В то же время, отмечается определенный расцвет организаций Полонии в нетрадиционных для диаспоры штатах «солнечного пояса» (Калифорния, Аризона, Техас, Флорида), в которых важнейшую роль в консолидации лиц польского происхождения играет католическая церковь[295].

---

[292] Chodubski A. Rola elit w środowiskach polonijnych // Funkcje i zadania elit w środowiskach polonijnych. Pod. red. J. Knopka. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2006. S. 13-32.

[293] Polska diaspora. Red. nauk. A. Walaszek. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2001. S. 421-422

[294] Kubiak H., Wiatr J. Tendencje dominujące procesu formowania się i przeobrażeń Polonii amerykańskiej // Polonia amerykańska. Przeszłość i współczesność. Red. H. Kubiak, E. Kusielewicz, T. Gromada. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988. S. 757-809; Bromboszcz M. Polonia w Kolorado // Państwo i Społeczeństwo. – 2004. – №3. S. 69-71; Fiń A. Współczesna polska emigracja w Stanach Zjednoczonych: skala, rozmieszczenie przestrzenne, przyczyny wyjazdów // Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny. – 2014. – №2. S. 105-130

[295] Babiński G. Polonia w USA na tle przemian amerykańskiej etniczności. – Kraków: Oficyna Wydawnicza AFM, 2009. S. 332-333

Конгресс Американской Полонии координирует свою деятельность с зонтичными организациями других восточноевропейских диаспор в рамках Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов (англ. Central and East European Coalition, сокращенно – CEEC). Эта организация возникла в 1994 году с целью усиления давления на администрацию президента У. Клинтона по вопросу расширения НАТО. По инициативе КАП и тогдашнего лоббиста КАП М. Ленард, эта Коалиция участвовала в совместных встречах с представителями органов исполнительной власти и экспертного сообщества, организовывала политическую мобилизацию выходцев из Восточной Европы[296].

Помимо Конгресса Американской Полонии следует отдельно выделить благотворительные и финансовые учреждения, активно вовлеченные в различные культурно-просветительские и локальные политические проекты польской диаспоры в США. Данные организации нередко предоставляют финансовую помощь для проведения мероприятий КАП, обеспечивают каналы связи с потенциальными донорами:

- Фонд друзей Иоанна Павла II (основан в 1981 году, 5 из 8 отделений расположены в США)[297];

- Фонд Тадеуша Костюшко (основан в 1925 году в Нью-Йорке, 1 центральное и 7 региональных отделений)[298];

- Фонд Стефана Корбонски (основан в 1989 году, одно отделение в США, другое – в Польше);

- Польско-американский Фонд свободы (основан в 1989 году, региональная сеть отсутствует);

- Польско-американский предпринимательский фонд (основан в 1990 году, координирует деятельность с предыдущим фондом)[299];

---

[296] Review of the Role of the Polish American Congress in Bringing Poland into NATO [Electronic resource] / Polish American Congress's website. – Mode of access: http://www.pac1944.org/history/history-nato.htm

[297] The John Paul II Foundation. URL: http://www.fjp2.com/us/foundation/about

[298] The Kosciuszko Foundation. URL: http://proxie.thekf.org/kf/about/about_us/

[299] Polish-American Enterprise Fund. URL: http://www.en.pafw.pl/the_founder/

- Ассоциация имени генерала К. Пуласки (основана в 1959 году в Нью-Йорке)[300];

- Фонд имени Б. Новодворского (основан в 1999 году)[301];

- Американский институт польской культуры (основан в 1972 году в Майами, штат Флорида)[302].

Кроме финансовых организаций, связанных с польской диаспорой, необходимо отметить также «мозговые центры» Полонии, то есть политические институты, формулирующие повестку дня. Для многих организаций эта функция, вероятно, является вторичной, производной от исторических и просветительских задач (например, Институт Ю. Пилсудского и Польский научный институт в Нью-Йорке[303]). Однако две диаспоральные организации позиционируют себя исключительно как «мозговые центры»[304]. Во-первых, это Центр анализа европейской политики (штаб-квартира в г. Вашингтон), который позиционирует себя как «лидирующий голос в вопросах взаимоотношений США со странами Центральной и Восточной Европы». Этот центр, с одной стороны, укомплектован преимущественно работниками польского происхождения, а с другой стороны активно финансирует министерством обороны США и рядом авиационных компаний[305]. Во-вторых, необходимо отметить Институт Пяста или Национальный институт польских и польско-

---

[300] Pulaski Association of business and professional men. URL: of http://www.pulaskiassociation.com/about-us/

[301] Polskie organizacje w USA. URL: http://www.polonia.net/niezbednik-imigranta/polskie-organizacje-w-usa

[302] The American Institute of Polish Culture, Inc. URL: http://www.ampolinstitute.org/pdf/About%20Us%20and%20Board%20of%20Directors%20.pdf

[303] Misja i działalność. URL: http://www.pilsudski.org/portal/pl/o-nas/misja-i-dzialalnosc; Mission And Activities. URL: http://www.piasa.org/mission.html

[304] Хотя в англоязычной литературе нередко содержатся указания о Джеймстаунском Фонде, как об организации, близкой к американской Полонии, прямых доказательств этого найти не удалось. Эта организация имеет репутацию консервативного исследовательского центра по проблемам Евразии, а причастность к польской диаспоре косвенно подтверждается участием Зб. Бжезинского в совете директоров Фонда, а также самим названием, указывающим на колонию Джеймстаун, где в начале XVII столетия отмечено присутствие поляков-мигрантов – первое в истории США. В то же время, сам Зб. Бжезинский тесно связан с полонийными кругами и является одним из немногих отставных чиновников, с которыми регулярно встречаются высокопоставленные представители Польши (включая, президента и премьер-министра).

[305] About CEPA. URL: http://cepa.org/about-cepa

американских отношений (г. Хемтрэк, штат Мичиган). Данный институт занимается исключительно внутриамериканской повесткой дня, изучением и выработкой рекомендаций по существующим проблемам диаспоры[306]. С момента основания, эту организацию возглавляет историк Т. Радзиловски, представитель отделения КАП штата Мичиган в национальном совете директоров КАП[307].

Условно связанным с польской диаспорой является Институт мировой политики (ИМП) – учебное и аналитическое учреждение в г. Вашингтон. Институт был основан в 1990 году советником Р. Рейгана по вопросам отношений с СССР Дж. Ленцзоуски (Ленчовски), чей отец был выходцем из Польши. В обмен на щедрое пожертвование со стороны Американского института польской культуры ИМП учредил кафедру имени Т. Костюшко в 2008 году. Это подразделение нацелено не только на изучение культуры, экономики и истории Польши, но и на анализ ситуации с безопасностью в Евразии, взаимодействия Польши и США[308].

Безусловно, вышеперечисленные фонды и организации редко отстаивают свою повестку напрямую. В последнее десятилетие в США весьма заметным стало увеличение влияния так называемых комитетов общественного действия (англ. PACs, super PACs)[309]. Исходя из данных Центра ответственной политики, как минимум несколько таких комитетов были связаны с организациями или видными представителями польской диаспоры. Еще в 2005 году возник комитет «Польско-американская Федерация», связанный с переизбранием в Палату представителей Д. Липински, конгрессмена-демократа от штата Иллинойс[310]. Позднее в 2012 году Д. Липински удалось консолидировать польскую общину в г. Чикаго и его окрестностях, что позволило сформировать беспартийный комитет «Польско-американское лидерство»

---

[306] The Mission and History of Piast Institute. URL: http://www.piastinstitute.org/about.html

[307] List of National Directors. URL: http://www.pacmi.org/goals-and-objectives/national-directors/

[308] The Kosciuszko Chair of Polish Studies. URL: http://www.iwp.edu/programs/page/the-kosciuszko-chair-of-polish-studies

[309] Согрин В.В. Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. С. 276-278

[310] Federation of Polish Americans PAC. PAC to PAC/Party, 2006 cycle. URL: https://www.opensecrets.org/pacs/pac2pac.php?cycle=2006&cmte=C00317461

(англ. PAL PAC). Это объединение тесно связано с профсоюзами, польскими культурными объединениями и мелким бизнесом[311]. Другой крупный комитет общественного действия с «польскими корнями» сформирован в штате Мэриленд и связан с сенатором-демократом Б. Микульски. Комитет «Формируя большинство» пока продолжает работу, несмотря на отказ Микульски баллотироваться на новый срок в 2016 году[312]. В частности, данная организация поддерживала бывшего губернатора Мэриленда (в 2007-2015 гг.) М. О'Мэлли на предварительных выборах кандидата от Демократической партии[313].

Последний компонент организационного ресурса польской диаспоры – это так называемые «встроенные лоббисты», прежде всего, в органах законодательной власти США[314]. В частности, в 1958 году насчитывалось 12 конгрессменов и 1 сенатор польского происхождения, а в 2002 – всего 5 конгрессменов и 3 сенатора[315]. Аналогично, на начало 2016 года насчитывалось 5 конгрессменов и 3 сенатора польского происхождения (без учета представителя штата Коннектикут К. Мерфи, чья мать была полькой). Из них 2 конгрессмена представляли штат Индиана (Дж. Валорски и Т. Рокита) и по 1 законодателю – штаты Огайо, Иллинойс и Мичиган. Сенаторы польского про-

---

311 Polish American Leadership PAC. URL: https://www.opensecrets.org/pacs/lookup2.php?cycle=2016&strID=C00528760

312 Примечательно, что от Республиканской партии на место Микульски претендовала член Палаты делегатов штата Мэриленд К. Шелига, которая в интервью заявила: «Почему бы не отправить в Вашингтон польскую женщину помоложе и ростом повыше?». Подробнее см.: Kathy Szeliga, Republican everywoman, says she brings business experience, blue-collar background. URL: http://www.baltimoresun.com/news/maryland/politics/2016-senate-race/bs-md-kathy-szeliga-senate-profile-20160421-story.html

313 Building A Majority PAC. URL: https://www.opensecrets.org/pacs/pacgot.php?cycle=2016&cmte=C00412221

314 Хотя польские корни есть, например, у министра обороны США Ч. Хейгела и у заместителя генсека НАТО А. Вершбоу, данные политические деятели никогда не рассматривались польской диаспорой в США как «свои». За исключением заместителя госсекретаря США по вопросам демократии, прав человека и проблем труда Т. Малиновского, выходцев из польской диаспоры на постах исполнительной власти обнаружить не удалось. См. например: Statement for the record by Tom Malinowski. URL: http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/Malinowski.pdf

315 Pienkos D.E. Polish Americans in Congressional Politics: Assets and Constraints // The Polish Review. – 2003. – Vol. 48, № 2. pp. 185, 194-195

исхождения представляют Мэрилэнд (Б. Микульски), Иллинойс (Р. Дурбин) и Аляску (Л. Мурковски).

Все же, американцы польского происхождения потеряли немало ценных «встроенных лоббистов» в законодательной власти. По сравнению с 2002 годом, условное «польское лобби» в Палате представителей покинули такие тяжеловесы, как П. Канджорски (Пенсильвания, 1985-2011, специализировался на бюджетных вопросах), Дж. Клечка (Висконсин, 1984-2005) и У. Липински (Иллинойс, 1983-2005), известный своими связями в транспортной отрасли. Кроме того, нижнюю палату Конгресса покинул Дж. Дингелл-младший (Мичиган, 1965-2015), установивший рекорд по пребыванию в Конгрессе.

Неудивительно, что представители польской диаспоры в Конгрессе пытаются компенсировать свою малочисленность, перейти от чисто этнического восприятия «этнического лоббизма» к поиску ситуативных и идейных союзников в обеих палатах. Хотя это переход не дается Полонии легко, в Конгрессе существует возможность скорректировать эту тенденцию с помощью кокусов (объединений законодателей): в Палате представителей польский кокус возник в 2005 году, в Сенате – в 2013 году. О степени успешности переход к неэтническому принципу отбора «встроенных лоббистов» косвенно могут свидетельствовать упоминания о польской диаспоре в выступлениях конгрессменов. Согласно данным проекта “CapitalWords”, с 1996 по 2016 годы о диаспоре упоминали не только законодатели польского происхождения, но и демократы Р.Э. Нил (штат Массачусетс) и Р. Эммануэль (штат Иллинойс), республиканец Дж. Куинн (штат Нью-Йорк). Кроме того, Полония упоминается в выступлениях сенаторов – республиканца Р.Д. Санторума (1995-2007 гг., Пенсильвания) и демократа К. Левина (1979-2015, Мичиган)[316].

В целом, с точки зрения анализа ресурсов влияния можно отметить, что у организационный ресурс польской диаспоры на сегодняшний день развит в

---

[316] Polish American. Mentioned most often by. URL: http://capitolwords.org/term/polish_american; Polonia. Mentioned most often by URL: http://capitolwords.org/term/polonia/?search=1

достаточной мере, включает в себя не только дееспособную зонтичную структуру (КАП), но и сеть фондов и «фабрик мысли», а также определенное количество американских парламентариев.

Структурный ресурс влияния любой диаспоры на внешнюю политику США достаточно сильно зависит от ее политической повестки, поскольку те или иные цели могут, как соответствовать, так и противоречить интересам других групп населения. Наиболее подробно политическая позиция польской диаспоры, вероятно, отражена в сводках Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов. Осенняя сводка за 2011 год отмечала необходимость укрепления демократии в Центральной и Восточной Европе, в связи с чем предлагалось: во-первых, принять репрессивные меры в отношении России и Беларуси, во-вторых, расширить состав кокуса (неформального объединения законодателей) Конгресса по проблемам Центральной и Восточной Европы, и, в-третьих, признать на официальном уровне факт геноцида армян в Турции в период Первой Мировой войны[317].

Весенняя сводка Коалиции в 2013 году констатировала необходимость расширения НАТО для стабильности в Центральной и Восточной Европе, а также предлагала органам власти США обратить пристальное внимание правозащитной тематике в регионе. Кроме того, в сводке обращалось пристальное внимание на энергетическую зависимость восточноевропейских государств от России, а также на попытки России помешать дальнейшей демократизации в данных странах, в том числе, с помощью неправильного освещения исторических событий. В этой связи, помимо идей сводки 2011 года, Коалиция предлагала: во-первых, законодательно закрепить возможность дальнейшего расширения НАТО (как это было в 1997 году – резолюция Рота-Либермана) и предоставить планы действий по членству в Альянсе для Грузии и других подходящих под установленные критерии государств; во-вторых, обеспечить полную имплементацию Акта Магницкого и постоянный мониторинг коррупции в России; в-третьих, содействовать диверсификации поставок энергоресурсов в регион путем создания «Южного коридора» от

[317] Central and East European Coalition. Policy Brief. Fall 2011. URL: http://www.ceecoalition.us/CEEC%202011CEECPolicyPaperFallEd.pdf

Каспийского моря и обеспечения американских союзников сжиженным природным газом; в-четвертых, увеличить финансирование программ по содействию развитию гражданского общества в постсоветских странах, в том числе программ по культурному и образовательному обмену; наконец, в-пятых, признать 23 августа Днем жертв нацизма и сталинизма («Днем черной ленты»)[318].

Весенняя сводка Коалиции в 2016 году также отражает озабоченность как присутствием России, так и продвижением демократии в восточноевропейском регионе. Однако, в связи с политическими и военными событиями на Украине, в сводке очень много внимания уделяется именно этой стране. Во-первых, Коалиция предлагает поддержать ограничения в отношении российских СМИ, а также принять меры, подразумевающие мониторинг информационных потоков и «контрпропаганду», распространение американской версии происходящего в постсоветских и восточноевропейских странах. Во-вторых, в сводке отмечается необходимость финансовой и военной помощи Украине (в том числе, предоставление летальных вооружений), а также создания различных правовых механизмов, которые будут препятствовать любым контактам американских предприятий с «аннексированным» Крымом. В-третьих, Коалиция настаивает на увеличении финансирования НАТО и на создании постоянных баз Альянса в Польше и прибалтийских странах[319].

Таким образом, политическая повестка Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов, в которую входит крупнейшая и самая авторитетная организация польской диаспоры (Конгресс Американской Полонии), сводится к следующим сюжетам:

- финансовое и инфраструктурное укрепление НАТО, а также расширение Альянса, в том числе за счет Грузии и Украины;

- усиление санкционного давления на Россию, а также ограничение ее возможностей в энергетической сфере и в информационном пространстве;

---

[318] Central and East European Coalition. Policy Brief. Spring 2013. URL: http://www.ceecoalition.us/CEEC%202013%20Spring%20Policy%20Brief%20-%20FINAL.pdf

[319] Central and East European Coalition. Policy Brief. Spring 2016. URL: http://www.ceecoalition.us/CEEC%20Policy%20Paper,%20Spring%202016%20(May%2026).pdf

- увеличение финансирования программ, так или иначе связанных с «продвижением демократии»;

- повышенное внимание к отдельным трагическим событиям, которые актуальны для исторической памяти участников Коалиции (геноцид армян, пакт Молотова-Риббентропа).

Такая повестка дня делает Коалицию и политическое крыло польской диаспоры союзниками «ястребов» в американском истеблишменте, вне зависимости от их партийной принадлежности. Фактически, вместе с ультралиберальными экспансионистами и неоконсерваторами, политические объединения восточноевропейских диаспор составляют так называемое «русофобское лобби», которое пытается адаптировать к современной ситуации мифологию холодной войны и представить Россию в виде авторитарной, империалистической и антизападной державы[320]. В отсутствие сплоченной российской диаспоры в США, интересы РФ пытаются отстаивать государственные корпорации, а также крупные американские энергетические компании (например, «Эксон Мобил»). Но потенциал «российского лобби» в США слаборазвит, недостаточен для противодействия «русофобскому лобби»[321]. Таким образом, у политической повестки польской диаспоры есть оппоненты, однако их возможности сильно ограниченны. То есть, с точки зрения анализа ресурсов влияния, у польской диаспоры вполне выраженный структурный ресурс воздействия на внешнюю политику США.

В дополнение, необходимо отметить, что изменение модели интеграции мигрантских и диаспоральных сообществ в США с 60-х гг. XX гг. приводит к расширению их структурных возможностей, к повышению степени гибкости и гибридности механизмов их влияния[322]. То есть существует долгосрочная тенденция к усилению структурного ресурса диаспор в США.

---

[320] Tsygankov A.P. Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy. – New York: Palgrave Macmillan, 2009. pp. 21-23, 35-36

[321] Kostyaev S.S. Russian lobbying in the United States: stages of evolution // Journal of Public Affairs. – 2012. – Vol. 12, № 4. pp. 282-283

[322] Зайка К.В. Модели национальной интеграции в условиях возрастающих иммиграционных потоков // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. С. 66-67

Электоральный потенциал Полонии позволяют оценить следующие цифры. По оценкам Бюро переписи США, в 2009 году насчитывалось 10.091.056 американцев польского происхождения, из которых 70% проживало в северо-восточных штатах и на Среднем Западе[323]. При этом, промежуточные оценки Бюро (ежегодные и пятилетние обзоры) показывают несколько меньшее число. Например, годовой обзор за 2015 год насчитал всего 9.231.299 американцев польского происхождения[324]. Расхождение в 500-800 тысяч человек нельзя объяснить наличием нелегального сегмента польской диаспоры: по оценкам Института миграционной политики, численность нелегальных мигрантов из Польши составляет от 37 до 66 тысяч человек[325]. Так что данное расхождение возникает из-за различий в методиках подсчета, а также, отчасти, из-за демографической ситуации и постепенной ассимиляции современной Полонии. Тем не менее, на данный момент корректно утверждать о наличии около 10 миллионов потенциальных членов польской диаспоры в США.

Согласно оценкам Института Пяста, большая часть польской диаспоры сконцентрирована в 15 штатах. По доле американцев польского происхождения среди всего населения лидируют следующие штаты: Висконсин (9,8%), Мичиган (9,1%), Коннектикут (8,6%), Иллинойс (7,9%) и Пенсильвания (7,2%). Однако по численности американцев польского происхождения картина несколько иная: штаты Нью-Йорк (1,03 миллиона человек), Иллинойс (1,01 миллиона человек), Мичиган (913 тысяч человек), Пенсильвания (889 тысяч человек) и Нью-Джерси (567 тысяч человек)[326].

---

[323] Population by Selected Ancestry Group and Region: 2009. URL: http://www2.census.gov/library/publications/2011/compendia/statab/131ed/tables/12s0052.xls

[324] People Reporting Ancestry. 2015 American Community Survey 1-Year Estimates. URL: http://factfinder.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?pid=ACS_10_1YR_B04006&prodType=table

[325] Rosenblum M.R., Ruiz Soto A.G. An Analysis of Unauthorized Immigrants in the United States by Country and Region of Birth. Washington, DC: Migration Policy Institute, 2015. p. 23. URL: http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/Unauth-COB-Report-FINALWEB.pdf

[326] Radzilowski T.C., Stecula D. Polish Americans Today. – Piast Institute, 2010. pp. 5-6. URL: http://www.piastinstitute.org/assets/library/Polish%20Americans%20Today%20Survey%20Book%202012.pdf

Электоральный потенциал Полонии наиболее заметен в 65 округах по выборам в Палату представителей США, где доля американцев польского происхождения превышает 5%. 12 таких округов находится в штате Мичиган, по 9 – Нью-Йорке, Иллинойсе и Пенсильвании, по 7 – в Нью-Джерси и Висконсине, 4 – в Коннектикуте, 3 – в Огайо. При этом, насчитывается всего 6 округов, где американцы польского происхождения составляются свыше 10% населения: по 2 округа в штатах Нью-Йорк, Иллинойс и Мичиган[327]. Но демографическая значимость далеко не всегда конвертировалась для польской диаспоры в места в Конгрессе. Так, от 9-го и 10-го избирательных округов Мичигана, а также от 27-ого округа штата Нью-Йорк американцы польского происхождения в Палату представителей никогда не попадали. Напротив, 5-ый округ в штате Иллинойс – долгое время избирал У. Липински (в 1983-1993 гг.), а 27-ой округ – до сих представляет его сын Д. Липински. Помимо прочего, причина таких различий в избираемости кандидатов от польской диаспоры заключается в постоянном изменении границ избирательных округов (англ. gerrymandering) с целью усилить симпатии к одной из двух основных партий, что предполагает и определенные сделки между конгрессменами и партийным руководством. Именно изменение границ округа привело к переводу полонийного кандидата-демократа К. Хочул из 26-го в 27-ой избирательный округ и к ее проигрышу в 2012 году[328].

По сравнению с 90-ыми гг. XX в. электоральное значение американцев польского происхождения заметно снизилась. Так, к 1990 году насчитывалось три округа по выборам в Палату представителей США, где диаспора насчитывала свыше 20%, и 10 округов – с показателем более 10%[329]. Основными причинами можно считать высокие темпы роста населения, а также по-

---

[327] Stecula D., Pifczyk S. Polish Americans and the US Congress. URL: http://www.nihilnovijournal.org/post/96212145456/polish-americans-and-the-us-congress

[328] Кэтрин Хочул с 2015 года занимает пост вице-губернатора штата Нью-Йорк. Ее супруг Уильям Хочул-младший – поляк по происхождению, занимает пост прокурора западной части штата. Подробнее см.: As political winds change, supporters wait to see if Hochul gets appointment. URL: http://ampoleagle.com/as-political-winds-change-supporters-wait-to-see-if-hochul-gets-appointmen-p1519-97.htm

[329] Gory D. United States congressional Districts containing the largest concentrations of Polish Americans// The Polish Review. – 1996. – Vol. 41, No. 2. pp. 209-210

степенный переезд представителей Полонии из городов в пригороды, постепенный переход диаспоры к дисперсному проживанию.

Еще одна слабость электорального потенциала польской диаспоры заключается в ее партийно-идеологической поляризации. Уже в 80-х гг. XX в. в среде Полонии наблюдался рост так называемых «независимых», то есть граждан, не аффилированных ни с одной из двух основных политических партий. По данным Института Пяста, в 2010 году 36,5% американцев польского происхождения обозначили себя в качестве демократов, 25,1% – как республиканцев, 33,2% – в качестве «независимых» избирателей. При этом, 43,6% представителей диаспоры обозначили свои взгляды как консервативные (то есть близкие к повестке республиканцев) и лишь 33,2% – как либеральные (фактически, близкие к позиции демократов)[330]. Значительное различие между идеологическими и партийными симпатиями, а также неоднородность диаспоры (ни одна партия не имеет и половины участников диаспоры в качестве сторонников) значительно осложняет политическую мобилизацию[331].

Еще одна линия раскола в Полонии традиционна для большинства диаспор – разные политические стратегии поколений мигрантов. Например, социологическое исследование двадцатилетней давности в Чикаго пришло к выводу, что выходцы из Польши в третьем поколении и польские мигранты в первом поколении часто не находят общий язык. Польша как абстрактная Родина весьма различна для этих категорий жителей США: для старых эмигрантов Польша по-прежнему крупная восточноевропейская католическая держава, сдерживающая «красную» (российскую) угрозу, в то время как для

---

[330] Radzilowski T.C., Stecula D. Polish Americans Today. – Piast Institute, 2010. pp. 10-12. URL: http://www.piastinstitute.org/assets/library/Polish%20Americans%20Today%20Survey%20Book%202012.pdf

[331] Поляризация – это общая тенденция в США. По мнению, В.О. Печатнова, «розовые» штаты становятся «красными», а «голубые» – «синими». То есть отмечается тенденция одновременной географической и идеологической поляризации. В условиях дисперсного проживания участников диаспоры вполне естественно, что в одних штатах и графствах усиливается крен в сторону консервативных настроений, в других – в сторону либеральных. Подробнее см.: Печатнов В.О. Поляризованная Америка// Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – №2. С. 282-293

новых представителей диаспоры не слишком религиозны, имеют несколько иное представление об исторически важных персоналиях. Кроме того, новое поколение мигрантов из Польши скептически относится к сохранению «польскости», критикует низкий уровень владения польским языком у мигрантов второго и третьего поколений (или, наоборот, его архаичность и происхождение от сельских диалектов), ожидает от диаспоральных организаций прежде всего социальной помощи (мелкие кредиты, помощь с трудоустройством). И такая тенденция набирает обороты как минимум с 80-х гг. XX в.[332].

В целом, электоральный ресурс польской диаспоры за последние десятилетия скорее ослабевает, однако географический ареал проживания диаспоры отчасти компенсирует это, поскольку штаты Среднего Запада традиционно считаются важным в борьбе республиканцев и демократов, в том числе в ходе президентской гонки[333]. Справедливости ради, необходимо отметить, что бурный рост населения юго-западных штатов (Алабама, Аризона, Джорджия), в том числе за счет миграции из стран Латинской Америки, в долгосрочной перспективе означает снижение политического веса штатов Среднего Запада (прежде всего, с точки зрения распределения представительства штатов в Палате представителей Конгресса)[334].

Финансовый ресурс польской диаспоры также развит недостаточно. Представители Полонии традиционно осваивают рабочие специальности, значительно реже создают свои предприятия и входят в управленческое звено фирм[335]. По данным Института Пяста, только 68% представителей диаспоры не участвуют в политических кампаниях, в частности, не перечисляют добровольные пожертвования. Только 21% опрошенных перечисляли пожертвования, и лишь 7%, помимо пожертвований, также принимали участие

---

[332] Erdmans M.P. Immigrants and Ethnics: Conflict and Identity in Chicago Polonia // The Sociological Quarterly. 1995. Vol. 36, № 1. pp.180-189; Bukowczyk J.J. Polish American, Ethnicity and Otherness // The Polish Review. – 1998. – Vol. 43, № 3. pp. 303-306

[333] В частности, широко распространено мнение, что для кандидатов в президенты от Республиканской партии обязательно необходимо выигрывать выборы в штате Огайо.

[334] Никольская Г.К. Иммиграционная политика США в начале XXI века // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 5. С. 94-95

[335] Babiński G. Polonia w USA na tle przemian amerykańskiej etniczności. – Kraków: Oficyna Wydawnicza AFM, 2009. S. 340-343

в политических кампаниях в качестве волонтеров[336]. Масштабы пожертвований также невелики: например, комитет политического действия «Формируя большинство» собрал в 2016 году 305 тысяч долларов, комитет «Польско-американское лидерство» – почти 93 тысячи долларов[337]. Отчасти данный финансовый потенциал компенсируется за счет вовлечения среднего и мелкого бизнеса в саму структуру и в конкретные проекты диаспоральных организаций. В частности, в мае 2016 года президентом отделения КАП в штате Иллинойс стал Р. Поплавски, владелец компании по разработке возобновляемых источников энергии[338].

Наконец, дискурсивный ресурс влияния польской диаспоры в США нуждается в дополнительном развитии. На уровне повседневного общения американцев польского происхождения воспринимают скорее как грубых и не слишком образованных людей. В штатах Северо-Запада получили распространение так называемые «польские шутки» (англ. Polish jokes), в которых обыгрываются стереотипы об алкоголизме и низком интеллектуальном уровне и антисемитизме представителей польской диаспоры[339]. Подобное представление проникло и в массовую культуру. Историк Дж.Дж. Буковчик выделил как минимум нескольких персонажей широко известных произведений, в которых получили отражение стереотипы об американцах польского происхождения: Энди Сипович из сериала «Полиция Нью-Йорка» (1993-2005), Джеффри Лебовски из культового фильма «Большой Лебовски» (1998), основные герои комедии «Польская свадьба» (1998)[340]. Отдельного упоминания заслуживает профсоюз портовых грузчиков, укомплектованный

---

[336] Radzilowski T.C., Stecula D. Polonia: Today's Profile, Tomorrow's Future. – Piast Institute, 2013. p. 15. URL: http://www.piastinstitute.org/assets/library/Dekaban%202013%20Report.pdf

[337] Building A Majority PAC. 2016 PAC Summary Data. URL: https://www.opensecrets.org/pacs/lookup2.php?cycle=2016&strID=C00412221; Polish American Leadership PAC. 2016 PAC Summary Data. URL: https://www.opensecrets.org/pacs/lookup2.php?cycle=2016&strID=C00528760

[338] Romuald Popławski nowym prezesem KPA-IL. URL: http://dziennikzwiazkowy.com/polonia/romuald-poplawski-nowym-prezesem-kpa-il/

[339] Chodubski A. Wektory współczesnych przeobrażeń życia kulturowego Polonii amerykańskiej // Studia Gdańskie. Wizje i rzeczywistość. – t. VIII. S. 24-26

[340] Bulowczyk J.J. The Big Lebowski Goes To the Polish Wedding: Polish Americans – Hollywood Style // The Polish Review. – 2002. – Vol. 47, № 2. pp. 214-221

преимущественно потомками выходцев из Польши, в культовом сериале «Прослушка» (2002-2008).

Примечательно, что диаспоральные организации на каком-то этапе согласились с определением «польскости» в США (принадлежности к Полонии) как принадлежности к этническому меньшинству, основу которого составляют люди физического труда. Если до середины XX века львиную долю внутренней дискуссии в польской диаспоре составляли проблемы образования, сохранения культурных достижений, независимости Польши, то затем фокус обсуждения явно сместился к повседневным сюжетам. Частью этого стало широко распространенное в США 60-70 гг. XX в. неприятие среднего класса, людей с достатком[341]. То есть стереотипы о пролетарской грубости вызваны не только отношением «принимающего» общества, но и отчасти самовосприятием.

На современном этапе Конгресс Американской Полонии пытается противостоять распространению подобных стереотипов. В центральном офисе Конгресса появился Комитет по противодействию предубеждениям, который отслеживает появление оскорбительных для польской диаспоры сюжетов, что позволяет руководству Конгресса затем выступить с аргументированными требованиями по исправлению ситуации. Например, в октябре 2015 года лидеры КАП обратились к руководству канала NBC с настойчивой просьбой осудить исполнение шуточной песенки об А. Гитлере в одном из вечерних шоу[342]. Правда, руководству КАП не удалось заручиться активной поддержкой Антидиффамационной Лиги (АДЛ) – крупнейшей организации по противодействию предубеждениям в США. Это произошло во многом из-за того, что в рядах КАП также сохранилось немало предрассудков. Предыдущий президент Конгресса Э. Москаль был известен благодаря, как минимум, неосторожным высказываниям в отношении евреев[343]. Также АДЛ активно

[341] Cygan M.E. Inventing Polonia: Notions of Polish American Identity, 1870–1990 // Prospects. – 1998. – Vol. 23. pp 210-233

[342] Polish American ask NDC Prez to stop promoting old Hitler WWII theories. URL: http://www.pac1944.org/news/2015/hdc.151014.htm

[343] 'NO RETRACTION' on anti-Jewish remarks, American-Polish leader tells ADL. URL: http://archive.adl.org/presrele/asus_12/2736_12.html

препятствовала переименованию парка в честь покойного редактора польской газеты «Пост Игл» в г. Клифтон (штат Нью-Джерси) из-за его отношения к антисемитизму[344].

В связи с этим, заметно меньшим успехом пользуются попытки институтов польской диаспоры представить Полонию с позитивной стороны. Во-первых, страдает образ «диаспоры-жертвы», который активно стал создаваться после Второй Мировой войны. Этот образ заключался не только в доктрине «порабощенных народов», принятой на вооружение администрацией Д. Эйзенхауэра, но и мифом об «Ялтинском предательстве». Согласно такому подходу, не только СССР виноват в «оккупации» Польши, но и США, которые допустили это. Как бы то ни было, такая трактовка позволяла не только требовать от американских властей как-то компенсировать урон от своих ошибок, но и подчеркивала важность диаспоры, ее роль в сохранении и отстаивании подлинно польской идентичности («голос подавленной нации»)[345].

Второе измерение официально продвигаемого образа польской диаспоры – это демократичность Польши и выходцев из нее, их вклад в создание США. В этой связи подчеркиваются такие исторические события, как принятие второй в мире конституции в Польше в 1791 году, опыт антикоммунистического движения «Солидарность», участие некоторых поляков в Войне за Независимость (Т. Костюшко, К. Пуласки). Отдельно стоит упомянуть о поляках как участниках одного из первых в американской истории протестов (1608 год), а также легенду о Яне из Кольно, который якобы совершил открытие Америки до Х. Колумба[346].

---

[344] HJ ADL helps defeat Clifton proposal to re-name section of park. URL: http://newjersey.adl.org/nj-adl-helps-defeat-clifton-proposal-to-re-name-section-of-park/

[345] В 1944 г. в ходе предвыборной кампании и в личном общении с лидерами КАП президент Ф.Д. Рузвельт говорил о «свободной Польше», хотя в принципе уже согласился на переход Польши в зону ответственности СССР. Подробнее см.: Jaroszynska-Kirchmann A.D. The Exile Mission: The Polish Political Diaspora and Polish Americans, 1939-1956. – Ohio University Press, 2009. p. 208-209; Pula J.S. Polish Americans: An Ethnic Community. pp. 98-105,

[346] Rokicki J. National Symbols Restructured: The Polish Ethnic Group in the United States of America // Polish American Studies. – 1990. – Vol. 47, № 2. pp. 90-96

Наконец, третий аспект конструируемого образа Полонии в США связан с проведением массовых мероприятий, привлечением внимания (если не симпатий) индивидов не из числа диаспоры. В этом отношении польская диаспоры в США похожа на другие крупные сообщества: в ряде городов проводятся парады в честь генерала Пуласки, а также в День независимости Польши. Кроме того, приблизительно с 60-х гг. XX в. началось продвижение польки не только как танца, но и как субстиля фолк-музыки – в том числе, в рамках фестивалей, вечеров польки. Однако есть определенные репертуарные ограничения у продвижения польки, а, кроме того, польку в качестве своего наследия пытаются отстоять многие восточноевропейские диаспоры (прежде всего, чешская)[347]. Несмотря на это, польской диаспоре удалось добиться символического акта – принятия польки в качестве официального танца штата Висконсин[348].

В целом, дискурсивный ресурс польской диаспоры в США развит недостаточно, продвигаемый образ диаспоры наталкивается на сформировавшиеся в обществе стереотипы. Поэтому ни образ «диаспоры-жертвы», ни образ «демократической диаспоры» нельзя назвать преобладающими в США, хотя их нередко используют в официальных выступлениях представители органов законодательной и исполнительной власти. Помимо стереотипов, образ жертвы нередко не срабатывает из-за относительной зажиточности польской диаспоры[349].

Таким образом, у польской диаспоры преобладают организационный и структурный ресурсы, несколько меньше развит электоральный ресурс, а ситуация с дискурсивным и финансовым ресурсами складывается сложная. Подобного потенциала достаточно для оказания влияния на внешнюю политику США в вопросах, важных для американской Полонии, но вероятность такого исхода заметно повышается при благоприятных внешних условий. Кроме то-

---

[347] Jackson D. J. "Another Polka Rockin' Weekend": Polish American Polka Music, Identity, and Traditional Values // Polish American Studies. 2014. – Vol. 71, № 1. pp. 38-42

[348] Wisconsin State Symbols. URL: https://web.archive.org/web/20060629233635/http://www.wisconsin.gov/state/core/wisconsin_state_symbols.html

[349] Bukowczyk J.J. Making Polonia – From Many Ones? Or Many? Or None? Problematizing Polish-American Identity // The Polish Review. – 2011. – Vol. 56, No. 3. pp. 201-202

го, потенциал влияния польской диаспоры, вероятно, будет возрастать по мере дальнейшей интеграции (частичной ассимиляции) в американское общество, что позволит задействовать в значительно большей степени дискурсивный ресурс.

3.2. Отношения польской диаспоры США с Польшей и польскими общественными структурами

С момента провозглашения независимости Польши в 1918 году, польское руководство задумалось об использовании ресурсов польской диаспоры. Большую роль в политической мобилизации Полонии в США сыграл известный пианист и премьер-министр Польши (1919 г.) И. Падеревский. По мнению историка С. Блейваса: «именно Падеревский «сделал Полонию чем-то важным в Америке». Падеревский основал американскую Полонию, которая в течение полувека до этого момента укрепляла собственное национальное единство, объединил ее под своим руководством и под влиянием идеи независимости Польши, заставил Полонию работать в полную силу»[350].

В течение десятилетий отношения Польши и Полонии, с точки зрения лидеров Польши, базировались на двух идеях. Во-первых, существовал тезис о так называемой «статичной реэмиграции», то есть мигранты из Польши, конечно, должны возвращаться на Родину, но их реальное возвращение может привести к излишней безработице, так что необходимо «создавать Польшу» на местах проживания, что также будет актом возвращения[351]. Во-вторых, руководство страны разработало доктрину «заботы о Полонии» (поль. opieka nad Polonią): польское государство должно направлять активность диаспоры и использовать ее ресурсы в собственных целях.

Хотя институциализация отношений Польши и ее диаспоры началась уже в 1918 г., только в период режима «санации» (1926-1939 гг.) этот процесс получил заметную поддержку польского государства. Под патронажем министерства юстиции и парламентских структур прошли три съезда (1929, 1934, 1939) представителей Полонии, которые создали Всемирный Союз поляков зарубежья (поль. Światowy Związek Polaków z Zagranicy, сокр. Światpol)[352]. В этот же период возникла интересная традиция: работа с Полонией попала в

[350] Blejwas S. Polonia and politics // Polish Americans and their history: community, culture, and politics. Ed. by J.J. Bukowczyk. – Pittsburgh, 1996. pp. 129.
[351] Walaszek A. Wychodžcy, Emigrants or Poles? Fears and Hopes about Emigration in Poland, 1870-1918-1939 // AEMI Journal. – 2003. – Vol. 1. pp. 83-86.
[352] Historia zjazdów. IV Zjazd Polonii i Polaków z Zagranicy. URL: http://zjazdpolonii.wspolnotapolska.org.pl/historia_zjazdow.html

ведение верхней палаты, поскольку Всемирный Союз возглавил маршал Сената Польши В Рачкевич (затем президент в эмиграции в 1939-1947 гг.).

Польская диаспора в США в межвоенный период воспринимала доктрину «опеки» достаточно негативно, отчасти из-за раскола внутри Полонии: польские власти старались поддерживать умеренно клерикальные группы, в то время как формировалось второе поколение мигрантов с более выраженной секулярной идентичностью. В результате, крупнейшая на тот момент организация польской диаспоры США – Польский национальный альянс (основан в 1880 г.) – хотя и принял участие в работе всемирных съездов поляков зарубежья, от членства во Всемирном союзе поляков отказался. Другая крупнейшая организация американской Полонии – Польское римско-католическое объединение – вообще не присутствовала на всемирных съездах, поскольку на эти мероприятия были приглашены представители неканонической Польской независимой католической церкви. Более того, обе упомянутые организации фактически блокировали усилия Варшавы по развитию системы дополнительного, начального и среднего образования на польском языке в США[353].

В период Второй мировой войны и «холодной войны» польская диаспора (прежде всего, в США и Западной Европе) осознавала себя хранителем традиций польской государственности, «голосом подавленной нации» и опорой доктрины «духовного сопротивления» коммунизму[354]. В этой связи, в 1955 году в Польской Народной Республике восстановили довоенную систему взаимодействия с Полонией, было создано Общество связи с эмиграцией «Полония». Конечно, такая структура находилась под полным контролем партийных и силовых органов, выполняла пропагандистские функции, имела целью раскол между политическими и трудовыми мигрантами (особенно, в США)[355]. Все же, этими направлениями деятельность Общества «Полония»

---

[353] Pula J.S. Op. cit. pp.69-72.

[354] Jaroszynska-Kirchmann A.D. The Exile Mission: The Polish Political Diaspora and Polish Americans, 1939-1956. – Ohio University Press, 2009. p. 208-209.

[355] Cenckiewicz S. Dokumenty i relacje: Geneza Towarzystwa Łączności z Polonią Zagraniczną „Polonia" // Pamięć i Sprawiedliwość. Pismo naukowe poświęcone historii najnowszej. – 2002. – №1. S.162-163.

(после небольшой корректировки названия в 1959 году просуществовало до марта 1990 г.) не ограничивалась, данная организация выполняла также следующие функции: осуществляла мониторинг состояния общин в разных странах, противодействовала агитации правительства в изгнании в Лондоне, способствовала распространению польской культуры и установлению научных контактов, стремилась поощрять возвращение полезных для польской экономики кадров[356]. Однако клерикальные и антикоммунистические настроения были очень сильны в среде польской диаспоры, что привело к формированию альтернативных площадок диалога мировой Полонии – без участия Варшавы[357]. Наиболее крупными подобными мероприятиями были: 2 съезда Полонии свободного мира (1978 в Торонто, 1984 в Лондоне), всемирные съезды единения с сражающейся Родиной (1979 в Лондоне) и сражающейся Польши (1986 в Лондоне)[358].

После постепенного демонтажа социалистического режима в Польше, связи страны и польской диаспоры начали восстанавливаться, причем, доктрина «опеки на Полонией» снова стала доминирующим подходом к отношениям диаспоры и государства ее происхождения. В этом заложено определенное противоречие: относительно зажиточная польская диаспора в США, которая, к тому же, некоторое время была «голосом подавленной нации», хранителем традиций государственности, оказалась явно неготовой вернуться на вторые роли.

После 1991 года Польша приступила к целенаправленной институциализации отношений с Полонией. Общество «Полония» в III Республике сменилось Ассоциацией «Польское сообщество» (поль. Stowarzyszenie „Wspólnota Polska”). До 1994 года все программы по поддержке Полонии проводились через Ассоциацию, однако затем приоритет стал отдаваться не-

---

[356] Kraszewski P. Polityka PRL wobec Polonii // Przegląd Polsko – Polonijny. – 2011. – №1. S. 47-51; Polska diaspora. Red. nauk. A. Walaszek. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2001. S. 529-554

[357] В современной польской историографии считается, что в межвоенный период (1918-1939 гг.) существовала II Республика, а с 1991 года отсчитывается существование III Республики. Период ПНР получил название «никакая Республика» и считается периодом «советской оккупации» и «коммунистической диктатуры».

[358] Historia zjazdów. IV Zjazd Polonii i Polaków z Zagranicy. URL: http://zjazdpolonii.wspolnotapolska.org.pl/historia_zjazdow.html

крупным неправительственным организациям, хотя «Польское сообщество» по-прежнему аккумулирует до трети выделяемых средств, еще около четверти – Фонд «Помощь полякам на Востоке» (имеется в виду постсоветское пространство). Всего, за 1990-2009 гг. на установление и упрочнение контактов с диаспорой по всему миру было выделено 670 миллионов злотых (свыше 223 миллионов долларов)[359].

В 1991-2005 гг. происходило постепенное расширение сети институтов взаимосвязи Польши и польской диаспоры, а также включение полонийной проблематики в официальный политический дискурс. Конституция 1997 года провозгласила задачей Польского государства поддержание связей с поляками за границей с целью сохранения их культурного наследия (ст. 6 п.2)[360]. В 1997 году верхняя палата польского парламента утвердило постановление «О связи поляков и Полонии с Отчизной», котором подтверждалось распространение прав польского гражданства на всех поляков диаспоры. Также в документе было отражено решение создать банк данных о Полонии – для лучшего понимания масштаба и содержания задач полонийной политики[361]. В 2002 году польский Сенат значительно усилил свои полномочия в отношении Полонии: был создан Консультативный Совет Полонии при маршале Сената как единый орган, курирующий отношения с диаспорой и участвующий в обсуждении финансирования проектов. Кроме того, Сенат стал единственным распорядителем средств на поддержку диаспоральных организаций (сначала канцелярия Сената, затем специальное Полонийное бюро)[362].

Параллельно с этим процессом росла заинтересованность различных организаций польской диаспоры в участии в выработке полонийной полити-

---

[359] Senat VII kadencji na rzecz Polonii i Polaków za granicą. – Warszawa, 2011. S. 5-6. URL: http://www.senat.gov.pl/gfx/senat/userfiles/_public/k8/polonia/old/senat7.pdf; Senat na rzecz Polonii 2011-2012. – Warszawa, 2012. S. 2-3. URL: https://www.senat.gov.pl/gfx/senat/userfiles/_public/k8/polonia/inne/senat_na_rzecz_polonii__2011-2012.pdf

[360] Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. URL: ttp://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/polski/kon1.htm

[361] Uchwała Senaty Ryecyzpospolirej Polskej y dnia 5 marca 1997 r. w sprawie więzi Polaków i Polonii y Macierzą. URL: http://ww2.senat.pl/k3/dok/sten/093/93uchwal.pdf

[362] Górecki D. Opieka Senatu RP nad Polonią I Olakami za granicą // Przegląd Polsko – Polonijny. – 2011. – №1. S. 73-80

ки польского государства. Особенно выразительно это требование прозвучало на II съезде зарубежных поляков (2001 г.): «ничего о нас – без нас». Под влиянием такой позиции дважды в 1997 и 2002 годах прошли слушания в Сенате по проблемам Полонии с участием представителей диаспоры, правительства, руководства нижней палаты[363]. Однако, в конечном счете, представители властей Польши отвергли претензии в отношении доктрины «заботы». В частности, маршал Сейма (нижней палаты) М. Боровский (от демократической левицы) обосновал необходимость сохранения статус-кво разрозненностью в диаспоре: «Полония часто адресует Польше утверждение, что дела, которые связаны с интересами поляков, живущих в эмиграции, должны рассматриваться с участием представителей Полонии. [...] Однако нередко это сложно исполнить, так как между различными полонийными организациями, особенно работающими в одной и той же стране, не хватает согласованности и не получается привлечь их к сотрудничеству»[364].

30 апреля 2002 года Сенат Польши утвердил следующие приоритеты политики в отношении диаспоры: соблюдение прав польского меньшинства в странах проживания; развитие образования на польском языке, польской науки и культуры; расширение охвата польских и полонийных СМИ (пресса, радио, телевидение); поддержка экономических проектов и творчества лиц польского происхождения; поощрение защиты польских национальных интересов со стороны Полонии; формирования социальных и экономических условий для репатриации[365]. Эти приоритеты полностью соответствуют однонаправленной доктрине «заботы», в рамках которой диаспора не могла напрямую влиять на выбор ключевых направлений полонийной политики. Более того, польские власти оставили за собой право выбирать организации,

---

[363] Wojciechowska Z. Sprawa opieki nad Polonią wciąż pilną potrzebą. URL: http://www.magazynpolonia.com/artykul/polska,sprawa-opieki-nad-polonia-wciaz-pilna-potrzeba,4f8ed6e50eb48

[364] Wystąpienie marszałka Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej. Marszałek Marek Borowski. URL: http://ww2.senat.pl/k5/dok/sten/015/11.HTM#A00002

[365] Uchwała Senatz Ryeczypospolitej Polskiej z dnia 30 kwietnia 2002 r. w sprawie polityki Państwa Polskiego wobec Polonii i Polaków za granicą. URL: http://ww2.senat.pl/K5/DOK/UCH/015/095uch.htm

с которыми можно сотрудничать, и устранять от диалога нежелательные структуры польской диаспоры.

Отношения руководства Конгресса Американской Полонии с лидерами Польши в этот период были непростыми – президент КАП Э. Москаль (1988-2005) испытывал личную неприязнь к главе страны А. Квасьневскому (1995-2005). Дело в том, что Москаль в предшествующие годы сдружился с Л. Валенсой (президентом Польши в 1990-1995 гг.) и открыто (от имени польской диаспоры в США) поддерживал его переизбрание на второй срок. Затем Москаль выступал с открытыми письмами с критикой трех подряд министров иностранных дел – В. Бартошевского (1995), Д. Росати (1995-1997), Б. Геремека (1997-2000). Эти политики, по мнению Э. Москаля, неправильно выстраивали отношения с Полонией. В ответ, МИД Польши под руководством Б. Геремека развернул в США кампанию по дискредитации Москаля из-за антисемитских высказываний (см. раздел 3.1). Такие действия не встретили понимания у активистов основных организаций польской диаспоры в США, отчасти потому, что многие в Полонии (особенно мигранты второго и третьего поколения) придерживались сходных взглядов на взаимоотношения евреев и поляков[366].

Несмотря на данные сложности, Конгресс Американской Полонии активно принимал участие в съездах зарубежных поляках и парламентских дебатах в Польше на тему Полонии. С целью повышения роли польской диаспоры США в принятии решений по вопросам Полонии, президент КАП Э. Москаль предлагал ограничить количество членов Консультационного Совета Полонии пятью представителями диаспоральных организаций (включая делегата от КАП)[367]. На дискуссии в Сенате Польши 30 апреля 2002 года президент КАП в осторожной форме раскритиковал массированное сближение Польши с ЕС, предлагал уделять больше внимания возможностям трансатлантической торговли: «Общеизвестно, что американская экономика – мощнейшая в мире и не имеет ни одного крупного конкурента. Сейчас экономика

[366] Polonia Amerykańska się budzi. URL: http://www.michalkiewicz.pl/tekst.php?tekst=3653; Sen o koronie. URL: http://wiadomosci.onet.pl/kiosk/sen-o-koronie/rxdvm

[367] Otwarcie dyskusji. Senator Tadeusz Rzemykowski. URL: http://ww2.senat.pl/k5/dok/sten/019/23.HTM#A00263

восстанавливается после рецессии и подходит к новому этапу своего расцвета. Очень важно, чтобы польские политики не упустили этот шанс и не принимали решений, которые закрывают для Польши путь к дальнейшему интенсивному сотрудничеству с Америкой»[368].

В частных беседах Москаль высказывался более прямолинейно, утверждал, что вступление в ЕС приведет к утрате политического и экономического суверенитета Польши, к превращению страны в «сырьевой придаток»[369]. Все же, результаты референдума о вступлении Польши в ЕС на участках в США свидетельствуют, что позицию главы Конгресса Американской Полонии поддерживало около трети представителей диаспоры (в то же время, явка была минимальной, подобные выводы основаны в значительной степени на нерепрезентативной выборке), преимущественно из г. Чикаго и его предместий[370]. Помимо евроскептицизма, Э. Москаль исходил из вполне прагматичных соображений и продвигал интересы КАП как посредника в инвестиционных и торговых отношениях двух стран. Но эти инициативы руководителя крупнейшей зонтичной организации польской диаспоры в США остались без внимания.

Отношения с Полонией стали предметом притязаний различных органов власти. Во время обсуждения постановления Сената «О политике Республики Польша в отношении Полонии и поляков за границей» (2002 г.) ряд депутатов от левых фракций предложили, чтобы президент координировал полонийную политику, а Сенат – осуществлял надзор (патронаж). То есть, Сенату отводилась роль разработчика нормативной базы и рассмотрения вопросов, связанных с соблюдением принятых в этой сфере законов и подзаконных актов, а президенту намечалось передать функции координации уси-

---

[368] Prezes Kongresu Polonii Amerykańskiej Edward Moskal. http://ww2.senat.pl/k5/dok/sten/015/11.HTM#A00002

[369] Из числа крупных организаций польской диаспоры в США публично против вступления Польши в ЕС выступила только Лига польских семей.

[370] Malendowicz P. Polonia amerykańska wobec członkostwa Polski w NATO i Unii Europejskiej // Rocznik Integracji Europejskiej. – 2013. – № 7. S.170-171.

лий двух ветвей власти и разработки целей и задач[371]. Однако большинство депутатов решило не рисковать внешним единством организаций польской диаспоры – по причине натянутых отношений главы КАП Э. Москаля и президента Польши А. Квасьневского.

С большим упорством вопросы работы с диаспорой пытался перевести в свое ведение польский МИД. В полномочиях министерства была прописана обязанность всесторонне поддерживать полонийные организации, что, в принципе, покрывает большую часть политики в отношении польской диаспоры. Более того, в 1998 году МИД попытался представить в парламенте «Общую концепцию полонийной политики». Согласно этому документу, выработка и реализация политики в отношении Полонии и поляков за границей возлагалась на министерство, что аргументировалось тем, что МИД располагает сетью дипломатических и консульских представительств, что позволяет напрямую контактировать с представителями диаспоры. В Комиссии Сената по делам эмиграции и поляков за границей такой проект назвали «монополизацией политики в отношении Полонии», что, в конечном счете, привело к отказу министерства от своей инициативы[372].

В период правления партии «Гражданская платформа» (2007-2015 гг.) министром иностранных дел стал политический тяжеловес, бывший журналист Р. Сикорский (2007-2014 гг.). Сикорский сразу же начал передел полномочий в сфере взаимодействия польских органов власти с диаспорой. Правительство Польши в 2007 году приняло пятилетнюю программу помощи полякам за границей. Среди направлений деятельности были прямо переданы в ведение МИД: продвижение позитивного образа Польши и Полонии в мире, координация полонийной политики, создание пропольского лобби в странах пребывания соотечественников и сородичей. При этом, вопросы инвестиционного сотрудничества с выходцами были переданы в ведение Министерства экономики.

---

[371] Zapis stenograficzny (196). Wspólne posiedzenie Komisji Ustawodawstwa i Praworządności (21.), oraz Komisji Emigracji i Polaków za Granicą (15.) w dniu 11 kwietnia 2002 r. S. 3. URL: http://ww2.senat.pl/k5/kom/kup/2002/021up.pdf

[372] Z prac komisji senackich. 16 czerwca 1998 r. URL: http://ww2.senat.pl/K4/DOK/DIAR/17/1704.HTM#ksep

В правительственной программе вся польская диаспора поделена на 4 категории: поляки соседних стран (Литва, Украина, Беларусь, Чехия), поляки в остальном постсоветском пространстве, поляки в ЕС (поль. migracja poakceptacyjna) и «старая эмиграция» (США, Канада, Бразилия, Великобритания). Две из указанных категорий выделены в отдельное направление «поляки на Востоке», в рамках которого реализовывались программы преимущественно образовательного, культурного и миграционного характера. В отношении «старой» польской диаспоры в США программа ставила минимальные цели: интенсификация обмена информацией между различными организациями, улучшение имиджа американской Полонии, сохранение политического диалога и полонийного бизнеса, поддержка субботних школ, а также проведение ряда мероприятий в г. Чикаго (штат Иллинойс)[373]. С географической точки зрения, основные усилия полонийной политики Польши сосредоточились на пространстве бывшего СССР («поляки на Востоке»), а с 2004 года – также в Западной Европе, куда устремились экономические мигранты[374]. Такая ситуация не способствовала усилению контактов польской диаспоры в США и органов управления польского государства.

В 2009 году в структуре МИД Польши был создан Департамент сотрудничества с Полонией (путем отделения от Консульского департамента), с 2012 года подразделение получило название Департамента сотрудничества с Полонией и поляками за рубежом. В ведение этого структурного подразделения перешли следующие вопросы: правовой статус поляков в странах пребывания, поддержка польского языка и культуры за рубежом, контакты по инвестиционным проектам, анализ взаимодействия Польши и Полонии, содействие охране памятных мест, курирование конкурса на выполнение государственного задания по направлению «Сотрудничество с Полонией и поля-

---

[373] Rządowy program współpracy z Polonią i Polakami za granicą. URL: http://www.msz.gov.pl/resource/ad28993a-f211-4db2-8263-c655c928410b

[374] Wasilewski K. Opieka nad Polonią i emigracją po 1989 roku // Przegląd Polsko-Polonijny. – 2011. – № 1. S. 65-67

ками за рубежом» и координация работы международного телеканала «Полония» (основан в 1992 году)[375].

Продолжением данного пересмотра полномочий стала передача в ведение польского МИД функций распределения финансирования полонийной политики с 2012 года. Ранее, средства между негосударственными организациями на проекты в сфере поддержки диаспоральных организаций, а также польской культуры и языка, распределялись решением соответствующей комиссии Сената, которое утверждал маршал верхней палаты. Р. Сикорский преподнес этот шаг не как ущемление прав Сената, а как повышение эффективности политики в отношении диаспоры. Министру иностранных дел удалось переломить настроения сенаторов-однопартийцев, которые изначально также не поддерживали предложенные изменения[376].

Помимо административных перемен, Р. Сикорский предложил изменить саму философию отношений Польши и польской диаспоры, стал говорить о сотрудничестве государства и диаспоральных структур. Вместо доктрины «опеки» глава МИД, таким образом описал отношениях Польши и Полонии: «Польская диаспора лучше знает, что ей нужно. Мы не намерены советовать ее участникам, каким должны быть цели их деятельности и на что тратить средства, которые у них есть. Однако, с другой стороны, мы знаем, что нужно Польше и как этого достичь, используя при этом средства польских налогоплательщиков. Если наши родичи за рубежом поддержат нас в этом, то совместными действиями вырастет эффективность, это принесет пользу в равной степени как Польше польским налогоплательщикам, так и Полонии и полякам за рубежом, роль которых усилится в странах их проживания»[377]. Еще одна идейная новация Сикорского заключалась в том, что он стал часто употреблять термин «диаспора» (а не Полония). Более того, Си-

---

[375] Władze i organy państwa wobec spraw polonijnych. URL: https://www.msz.gov.pl/pl/polityka_zagraniczna/polonia/wladz_i_organy_panstwa_wobec_spraw_polonijnych/

[376] Senat utraci pieniądze dla Polonii? URL: http://wiadomosci.onet.pl/kraj/senat-utraci-pieniadze-dla-polonii/gmqgh

[377] Sprawozdanie stenigraficzne z 13. posiędyenia Senatu Rzeczypospolitej Polskej w dniu 30 maja 2012 r. S. 73. URL: http://www.senat.gov.pl/download/gfx/senat/pl/senat_przebieg_stenogramy_pdf/23/spr_13_.pdf

корский впервые в истории III Республики стал продвигать тему выходцев из Польши непольского происхождения и их участия в делах диаспоры (то есть обозначил отход от узкоэтнического понимания диаспоры). В 2014 году глава польского МИД заявил: «В программе (по сотрудничеству с диаспорой на 2015-2020 гг.) предлагаем новацию, а именно, чтобы вместо понятия «Полония и поляки за рубежом» последовательно использовалось новое понятие «польская диаспора» или «национальная диаспора». Эта формулировка широко распространена в мире, в том числе в славянских языках. Нашим сотрудничеством мы хотим охватить всех тех, кто имеет эмоциональную связь с Польшей, или семейные связи, или исторические связи с землями Речи Посполитой. Польская диаспора – это все, кто желает Польше добра»[378]. Все же, заявления о новом качестве отношений с Полонией и важности продвижения позитивного образа Польши в мире носили во многом декларативный характер и далеко не всегда подкреплялись политической практикой. Помимо тактических причин и ограниченности финансовых средств на ведение полонийной политики, причина сдержанного отношения польских властей заключалась в том, что после вступления Польши в ЕС важность остальных регионов для внешней политики страны значительно снизилась[379]. Более того, большое значение в внешнеполитической повестке дня Польши приобрели не вопросы репатриации, а вопросы иммиграции («миграционный кризис») и сдерживание инициатив Брюсселя в данной сфере[380].

В феврале 2015 года, до поражения «Гражданской платформы» на парламентских выборах в октябре, Совет министров принял правительственную программу сотрудничества с Полонией и поляками за рубежом на 2015-2020 гг. С точки зрения целей государственной политики, программа во многом повторяла положения предыдущей программы (на 2007-2012 гг.) и была

---

[378] Sprawozdanie stenigraficzne z 56. posiędyenia Senatu Rzeczypospolitej Polskej w dniach 11 i 12 czerwca 2014 r. S. 10. URL: http://www.senat.gov.pl/download/gfx/senat/pl/senat_przebieg_stenogramy_pdf/108/spr_56.pdf

[379] Polityka zagraniczna i bezpieczeństwa Polski (po 1989 roku). Pod red.E. Cziomera. – Kraków: Oficyna Wydawnicza AFM, 2015. S. 36-38

[380] Потемкина О.Ю. Миграционный кризис в ЕС: роль стран Вишеградской группы // Современная Европа. 2015. № 6 (66). С. 36-45; Потемкина О.Ю. Миграционный кризис и политика Европейского Союза // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 38-60.

нацелена на поддержку изучения польского языка, распространения польской культуры, повышения эффективности организаций польской диаспоры, поощрение репатриации, интенсификацию контактов (молодежных, спортивных, культурных, научных)[381]. В отношении польской диаспоры в США программа практически не упоминала политические аспекты взаимодействия и ставила следующие задачи:

- привлечение в деятельность диаспор лиц польского происхождения, не владеющих польским языком;

- активизация молодежных связей Польши и Полонии;

- развитие научных и экономических контактов, поощрение совместных проектов[382].

После поражения «Гражданской платформы» сначала на президентских, а потом и на парламентских выборах, реформы Р. Сикорского были фактически отменены. Все полномочия по координации и финансированию государственного задания в отношении Полонии и поляков за рубежом вернулись в ведение Сената[383]. Более того, уже весной 2016 года результаты конкурса заявок на выполнения госзадания на 2016 год были отменены, для чего была утвержден новый порядок распределения финансирования проектов, связанных с Полоний: утверждать результаты конкурса было поручено президиуму Сената (а не маршалу)[384].

В решениях президиума Сената можно найти полноценное возвращение к доктрине «опеки». Постановление Президиума №9 от 23 сентября 2016 года дезавуировало правительственную программу на 2015-2020 гг. и определило такие направления полонийной политики на 2017-2019 гг.: поддержка образования и создание новых образовательных программ, стипендии обу-

---

381 Rządowy program współpracy z Polonią i Polakami za granicą. URL: http://www.msz.gov.pl/resource/70a7021e-304c-4075-a812-18e5b3410966:JCR

382 Zadania administracji rządowej na lata 2015-2016 w ramach realiyacji rządowego programu współpracy z Polonią i Polakami za granicą. URL: http://www.msz.gov.pl/resource/d6179b35-d929-4672-a9ca-205bf9799f38:JCR

383 Pieniądze dla Polonii znów w Senacie. URL: http://www.dziennik.com/wiadomosci/artykul/pieniadze-dla-polonii-znow-w-senacie

384 Senat: Decyzję ws. Polonii ma podejmować prezydium. URL: http://www.parlamentarny.pl/wydarzenia/senat-decyzje-ws-polonii-ma-podejmowac-prezydium,6331.html

чающимся и материальная помощь преподавателям, сохранение польского культурного наследия и продвижение польской культуры, поддержка организационных возможностей полонийных структур, их активизация и интеграция, финансирование функционирования Польских Домов и штаб-квартир полонийных структур (а также полонийных СМИ), организация стажировок и краткосрочного обучения представителей диаспоры в Польше, поддержка возвращений в страну, усиление благотворительной работы и самоорганизации представителей диаспоры[385]. В отличие от предшествующих правительственных программ, постановление Сената делало акцент на софинансировании (а не финансировании) проектов. Кроме того, существенным отличием новых приоритетов было то, что не были отдельно упомянуты интенсификация контактов Польши и Полонии, расширение молодежных связей, а также поддержка польского языка за рубежом.

Польская диаспора в США почти никак не реагировала на бурные административные перемены в полонийной политике Польши. С 2005 года (после смерти Э. Москаля) Конгресс Американской Полонии возглавил Ф. Спула. По его мнению, Польша стала независимым и демократическим государством, что освобождает польскую диаспору от необходимости постоянно отстаивать интересы Польши[386]. Вместо этого, Ф. Спула пытался найти «американскую повестку» – снизить напряженность между различными поколениями и идеологическими течениями в американской Полонии. В результате, Конгресс Американской Полонии и сеть связанных с ним региональных организаций фактически отказались реагировать на две чувствительные для Польши ситуации – гибель президентского самолета в Смоленске (и требование вернуть оставшиеся фрагменты в Польшу) и расширение присутствия НАТО в Восточной Европе[387]. В то же время, КАП в определенный период

[385] Uchwała Nr 9. Preyzdium Senatu y dnia 23 września 2016 r. w sprawie określenia kierunków dyialań na rzech Polonii i Polaków za granicą w latach 2017-2019. URL: https://www.senat.gov.pl/download/gfx/senat/pl/defaultaktualnosci/2/9113/1/uchwala_nr_8_prezydium_senatu_z_23.09.16.pdf

[386] Michalkiewicz S. Polonia Amerykańska się budzi. URL: http://www.bibula.com/?p=87664

[387] Prezes Frank Spula musi odejść – woła polonijne Chicago. URL: http://www.dziennikwschodni.pl/kraj-swiat/prezes-frank-spula-musi-odejsc-wola-polonijne-chicago,n,1000146463.html

(где-то до 2012 года) энергично отстаивал размещение элементов американской ПРО в Польше, в отличие от правительства Д. Туска, которое затягивало переговоры с США, требуя дополнительных гарантий безопасности[388]. Более того, позднее тема укрепления потенциала НАТО все же вернулась в статус приоритетной для Конгресса Американской Полонии (особенно, в период с 2014 года).

В 2012-2016 гг. в отношения Польши и американской Полонии существовал дополнительный предмет разногласий – фигура польского посла в США Р. Шнепфа. Этот дипломат много занимался вопросами исторического польско-еврейского примирения[389] и в одном из интервью не исключил определенной доли антисемитизма в идентичности поляков. Данное мнение было воспринято в польской диаспоре США как оскорбление: Шнепфу припомнили, что его отец работал в НКВД и участвовал в «августовской операции» (1945 г.), в ходе которой на северо-востоке страны были репрессированы бывшие польские военные и работники правоохранительных органов. В адрес посла также выдвигались обвинения в нелояльности Польше (из-за его еврейского происхождения)[390]. Кроме того, в адрес польского МИДа выдвигались обвинения в элитизме, непотизме, непрофессионализме, стремлении сэкономить на отношениях с польской диаспорой[391].

Несмотря на серьезные разногласия, внешне отношения Польши и представителей американской Полонии развивались вполне благоприятно. Тем не менее, во время визита в Варшаву (совместно с конгрессменом М. Куигли и М. Кирком) президент КАП Ф. Спула дал понять степень недовольства состоянием отношений: встреча с главой МИД Р. Сикорским состоялась

---

[388] Adamczyk N. Znaczenie amerykańskiej tarczy antyrakietowej dla bezpieczeństwa narodowego Polski // Bezpieczeństwo. Teoria i Praktyka. – 2014. – № 2 (XV). S. 42-44; Polish American Congress on Capitol Hill. URL: http://www.pac1944.org/news/2009/caphill-1.htm

[389] В духе примирения польский МИД за антисемитские высказывания внес главу Объединения полонийных обществ и организаций Латинской Америки уругвайского миллионера-филантропа Я. Кобуланского в «черный список», запретив официальным лицам контактировать с его организацией.

[390] To nie jest nasze ministerstwo, nie nasz ambasador. URL: https://wirtualnapolonia.com/2012/11/28/to-nie-jest-nasze-ministerstwo-nie-nasz-ambasador/

[391] Ujawniamy nepotyzm w ambasadach: żony dziennikarzy, córka szefa Kancelarii Prezydenta. URL: http://www.bibula.com/?p=71508; Polonia rządowi zawadza. URL: http://www.bibula.com/?p=71896

только после встреч с президентом, бывшим президентом, главами обеих палат парламента, американскими бизнесменами в Польше, послом США в стране, а встречи с фактическим руководителем страны – премьер-министром Д. Туском – не состоялось в принципе[392].

Об определенном разочаровании польской диаспоры во властях Польши в период правления «Гражданской платформы» свидетельствует опрос, проведенный Западным университетом им. З. Войцеховского (г. Познань), в 2013 году. 44,9% респондентов оценили полонийную политику тогдашнего правительства негативно, 25,6% опрошенных оценили работу польских представительств на местах отрицательно (посольства, консульства, Институт А. Мицкевича)[393]. Главную причину недовольства эксперты Польской АН М. Гарапих и Д. Прашалович увидели в неспособности польских властей реагировать на усложнение взаимоотношений «страна происхождения-диаспора», активное включение в эти процессы неправительственных организаций: «Расхождение между приоритетами новой политики в отношении польской диаспоры и теми социальными проблемами, которые затрагивают польских мигрантов, [...] свидетельствует о кризисе полонийной политики, которая не подразумевает сохранение целостности диаспоры в качестве конечной цели, а включает в себя только отбор участников [диаспоры], которых польское государство использует как своих неформальных представителей»[394].

В то же время, в среде польской диаспоры в США сохраняется слой активистов, которые настроены на более тесное взаимодействие с Польшей. Особенно это касается участия в давлении на Россию в вопросе передачи остатков разбившегося самолета президента Л. Качиньского. Активное уча-

---

[392] Polish American Congress President Frank Spula Visits Poland, Participates in Congressional Delegation Events. URL: http://www.pac1944.org/presoffice/2012/SpulaVisitPoland.Jan12.pdf

[393] Opinie i postawy Polonii i Polaków mieszkających za granicą wobec polityki polonijnej. URL: http://www.iz.poznan.pl/plik,pobierz,262,973a7603fe73677fa5b3d6c6618f6b96/773-polityka%20polonijna.pdf

[394] Garapich M., Praszałowicz D. Wpływ najnowszej polskiej diaspory na społeczeństwo polskie – aspekty społeczne i kulturowe. Londyn-Kraków, 2014. S. 24-25. URL: http://www.kbnm.pan.pl/images/Ekspertyza_KBnM_PAN_2014_Garapich_Praszałowicz.pdf

стие в парламентском расследовании[395] в качестве экспертов приняли юрист-международник В. Биненда (Акрон, штат Огайо), математик К. Чешевкий (Атекс, штат Джорджия) и физик К. Новачик (Балтимор, штат Мэриленд). Более того, в 2014 году в диаспоре (преимущественно, в Чикаго) шли дискуссии о создании коалиции организаций по продвижению нового расследования событий в Смоленске[396].

Один из наиболее резонансных проектов активизации отношений Полонии и Польши заключается в изменении принципов комплектования Сената и включения в него представителей от диаспоры. Особенно сильно в пользу данного проекта выступают полонийные круги г. Нью-Йорк. Контуры представительства диаспоры в верхней палате пока не ясны: например, существует идея предоставить 10 мест на всю Полонию (свыше 18 миллионов человек), из них 2 – на польскую диаспору в США (около 10 миллионов человек)[397]. Существуют и доводы против этой идеи: польские левые и центристы опасаются, что это даст сильный перевес правоцентристам (прежде всего, партии «Право Справедливость»), которые традиционно пользуются широкой поддержкой в диаспоре. Кроме того, отмечаются большие разногласия внутри общин, что приведет к сложностям при выборе кандидатов, а также подчеркивается тот факт, что участники Полонии не платят налогов, но хотят получить право влиять на принятие решений в Польше («представительство без налогообложения»)[398]. В качестве переходной меры партия «Право и Справедливость» в 2016 году на довыборах в верхнюю палату от г. Варшава

---

[395] Эта комиссия была создана по инициативе правоцентристской партии «Право и Справедливость», которая придерживается конспирологической версии гибели президентского ТУ-154.

[396] Koalicja Organizacji Polonijnych i Mediów ds. Tragedii Smoleńskiej. URL: http://kurierchicago.com/koalicja-organizacji-polonijnych-i-mediow-ds-tragedii-smolenskiej/

[397] Polonia chciałaby mieć swoje miejsce w Senacie RP! Czy będą polonijni senatorowie? URL: http://www.bibula.com/?p=84244

[398] Polonia wybierze swojego senatora? URL: http://wbi.onet.pl/polonia-wybierze-swojego-senatora/mv76kb

поддержала А. Андерс – дочь знаменитого генерала В. Андерса, гражданку Великобритании и США[399].

В 2016 году произошел обмен письмами между маршалом Сената и главами основных польских организаций в мире по поводу проблем и перспектив сотрудничества. Канцелярия верхней палаты, среди прочего, отметила следующие претензии к польским органам власти:

- несправедливое распределение средств на проекты;

- финансирование только однолетних проектов (не многолетних);

- недостаточное участие Полонии в выработке решений относительно сотрудничества со страной происхождения;

- диктат дипломатических представительств, недостаточное число консультативных механизмов на местах;

- отсутствие поддержки интеграции различных поколений мигрантов («старой» и «новой» Полонии)[400].

В общем, в период 2002-2018 гг. институциональная база взаимоотношений Польши и Полонии претерпела значительные изменения. Во-первых, существенно повысилась роль МИД Польши в обеспечении и формулировке приоритетов политики в отношении диаспоры (даже после свертывания реформы Р. Сикорского). Во-вторых, изменились принципы взаимоотношений государственной власти и негосударственных организаций, которые занимаются полонийной проблематикой. Существенно снизилась роль Ассоциации «Польское сообщество», которое в 90-х гг. XX столетия было практически монополистом в области проектов по «заботе» о диаспоре. Более того, с утверждением правительственных программ по сотрудничеству с поляками за рубежом (2007, 2015) изменился сам принцип выделения государственных средств: деньги из бюджета Польши стали выделяться под проекты, которые совпадают с детально выписанными целями и задачами, тогда как ранее ор-

---

399 Oto nowa senator PiS. Kim jest Anna Anders? URL: http://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1653324,1,oto-nowa-senator-pis-kim-jest-anna-anders.read

400 Konsultacje polonijne Marszałka Senatu – omówienie wyników. – Warszawa: Kancelaria Senatu, 2016. S. 15-16. URL: ttp://senat.gov.pl/gfx/senat/pl/senatopracowania/142/plik/ot_645_internet.pdf

ганизации вносили в Сенат свои предложения по запуску тех или иных проектов, что создавало определенные возможности для злоупотреблений.

Отношения американской Полонии с неправительственными организациями Польши, которые реализовывали проекты в рамках государственного задания, складывались более успешно. В 2015 году 7 из 29 проектов, которые Ассоциация «Польское сообщество» реализовывала с помощью МИД Польши, касались диаспоры в США, еще 3 проекта финансировались по линии Министерства образования. Проекты были связаны с культурным обменом и образованием: проведение лидерских семинаров, отдых молодежи в детских лагерях в Польше, спортивные и культурные мероприятия, обновление инфраструктуры и поддержка методического сопровождения польскоязычных школ. В 2016 году уже 11 из 28 проектов (финансирование по линии Сената) затронули американскую Полонию, а также 3 – в рамках бюджета Министерства образования. Помимо направлений прошлого года добавились проекты по финансовой поддержке польскоязычных СМИ, продвижению позитивного имиджа Польши, проведению съезда преподавателей польского языка[401].

По данным польского Министерства иностранных дел, в 2015 году кроме Ассоциации «Польское сообщество», проекты, направленные на сотрудничество с американской Полонией, реализовывались Люблинским университетом им. М. Склодовской-Кюри (языковые курсы для школьников и преподавателей из США), Фондом национального наследия им. Ю. Пилсудского (поддержка архивов и статутного капитала научно-исследовательского Института Пилсудского в г. Нью-Йорк), Фондом охраны и продвижения культурных ценностей Nike (кинофестиваль в г. Чикаго) и Фондом «Польское образование за рубежом» (кинофестиваль в г. Лос-Анджелес). В совокупности, на эти проекты (без учета проектов, рассчитанных на всю диаспору) было выделено почти 1,4 миллиона злотых (около 300 тысяч долларов)[402]. В 2016 году финансирование для проектов в США получили те же организации, кроме двух последних фондов, а также Ягеллонский университет г. Кра-

---

401 Programy pomocowe. URL: http://stowarzyszenie.wspolnotapolska.org.pl/strona/3/Programy-pomocowe

402 Konkurs "Współpraca z Polonią i Polakami za granicą w 2015 r." – WYNIKI. URL: https://www.msz.gov.pl/resource/b27a7ba6-4e5a-4cd8-935a-ec9830488f68:JCR

ков (программы двуязычного образования) и Фонд развития общественного знания THINK (научные исследования польского языка). В совокупности, на проекты в отношении американской Полонии было выделено 1,24 миллиона злотых (почти 320 тысяч долларов)[403]. Из-за изменения форм отчетности, данные за 2017 год рассчитать не представляется возможным (отсутствует разбивка организаций по конкретным государственным заданиям), однако перечень организаций не претерпел радикальных перемен, что позволяет предположить, что объем средств на проекты в отношении американской Полонии резко не изменился[404].

Партнерами вышеуказанных проектов и организаций с польско-американской стороны выступали преимущественно малоизвестные диаспоральные организации (а не аффилированные с Конгрессом Американской Полонии), в частности – Польско-американская кинематографическая ассоциация, Чикагское Общество искусств, Конгресс полонийного образования, польская школа в г. Клифтон (штат Нью-Джерси)[405]. Одним из немногочисленных исключений из данного правила стал Институт Ю. Пилсудского (г. Нью-Йорк) – крупная архивно-библиотечная организация.

Подобные характеристики контактов с Полонией и скромный размер финансовых вложений в развитие польской диаспоры в США вызваны, в основном, относительной финансовой самостоятельностью полонийных организаций в США, которые функционируют за счет членских взносов и частных пожертвований. Например, Американский институт польской культуры (Майами, штат Флорида) полностью финансируется за счет Б. Розентель (урожденной Вдовяк), широко известной в полонийных кругах как «леди

---

[403] Konkurs "Współpraca z Polonią i Polakami za granicą w 2016 r." - lista rankingowa. URL: https://www.senat.gov.pl/gfx/senat/userfiles/_public/k9/agenda/wydarzenia/2016/160229/msz_lista_rankingowa_2016.pdf

[404] Wykaz jednostek oraz kwot dotacji celowych przyznanych poszczególnym jednostkom przez Prezydium Senatu w 2017 roku. URL: http://www.senat.gov.pl/gfx/senat/userfiles/_public/k9/polonia/materialy/180108.pdf

[405] The Polish Film Festival Los Angeles. URL: http://www.polishfilmla.org/wocms.php?siteID=48&lngID=1; 2016 - 28 Festiwal Filmu Polskiego w Ameryce (Polish Film Festival in America - PFFA) 4-20 listopada – Chicago. URL: http://www.fundanike.nazwa.pl/index.php?option=com_content&task=view&id=376&Itemid=124; Baza Polonii. URL: http://bazapolonii.wspolnotapolska.org.pl/

Бланка»[406]. Калифорнийский строительный магнат Я.М. Малек поддерживает работу двух негосударственных организации – Польско-американского Фонда экономического развития и образования (основан в 2000 г., финансирует программы по навыкам ведения бизнеса в Польше) и Института Полонии (основан в 2015 г., продвигает позитивный образ Польши и поляков в США)[407]. Наконец, широко известна история Б. Пясецкой-Джонсон, которая стала наследницей Дж. Джонсона I, сына основателя косметической компании «Johnson & Johnson». Фонд Б. Пясецкой-Джонсон за 2000-2008 гг. выделил на различные проекты в Польше 7,12 миллиона злотых[408]. Достаточно активно идет развитие горизонтальных связей по инициативе американской Полонии на муниципальном уровне: помимо мемориальных проектов (поддержки музеев, сооружения памятников), имели место, например, сбор средств на нужды конкретной местности (для Люблина – в Нью-Йорке, для Белостока – в г. Соммервил, штат Нью-Джерси)[409].

О масштабах состоятельности польской диаспоры в США свидетельствуют следующие статистические данные. Согласно ежегодному мониторингу Всемирного Банка, в 2010-2015 гг. финансовые перечисления от польских мигрантов из США составили 6,3 миллиарда долларов (около 1 миллиарда ежегодно). В то же время, эти суммы составляют порядка 13-15% от общего объема перечислений, поступающего преимущественно из стран Западной Европы[410]. Кроме того, по данным ОЭСР объем накопленных прямых

---

406 Polka, która podbiła Wall Street. URL: http://www.newsweek.pl/biznes/blanka-rosenstiel-inwestycje-na-gieldzie-jan-karaszewsk-newsweek-pl,artykuly,286309,1.html

407 Polsko-Amerykańska Fundacja Edukacji i Rozwoju Ekonomicznego. URL: http://www.pafere.org/o_nas.html; Instytut Polonia. Misja, Wartości, Cele Instytutu Polonia. URL: http://www.poloniainstitute.net/about-us-2/about-us/

408 Barbara Piasecka+Johnson nie żyje. Zmarła najbogatsza Polka http://www.se.pl/wiadomosci/polska/barbara-piasecka-johnson-nie-zyje-zmara-najbogatsza-polka_315805.html

409 Wojdon J. Obraz Polonii amerykańskiej w polskiej prasie po roku 1989 // Studia Migracyjne-Przegląd Polonijny. – 2013. – №3 (149). S. 192-195

410 Bilateral Remittance Matrix 2015. URL: http://www.knomad.org/docs/Migration_Development/bilateralremittancematrix2015_Oct2016.xlsx; Bilateral Remittance Matrix 2014. URL: http://pubdocs.worldbank.org/pubdocs/publicdoc/2015/10/936571445543163012/bilateral-remittance-matrix-2014.xlsx; Bilateral Remittance Matrix 2013. URL: http://pubdocs.worldbank.org/pubdocs/publicdoc/2015/9/103071443117530921/Bilateral-

инвестиций из США в Польше составил (на 2010-2012 гг.) около 11-12 миллиардов долларов, а ежегодный приток прямых инвестиций составлял от 106,9 миллионов до 1,07 миллиарда долларов в разные годы[411]. Степень инвестиционной привлекательности Польши средняя (из-за сложного законодательства, значительных налогов, инфраструктурных недостатков), поэтому приток инвестиций во многом объясняется нерыночными мотивами, в том числе, наличием инвесторов из числа диаспоры[412].

В целом, необходимо отметить следующие долгосрочные тенденции взаимоотношений Польши и американской Полонии. Во-первых, польская диаспора в США стремится отстоять свою самостоятельность и нацелена на стратегию избирательного взаимодействия со страной происхождения, поскольку исходит из того, что главная цель – независимость и демократическое устройство Польши – достигнута. Во-вторых, Польша, несмотря на проекты реформы Р. Сикорского, не отказывается от доктрины «заботы» о Полонии и намеревается в дальнейшем определять политические приоритеты польской диаспоры в той степени, насколько это представится возможным. Представляется, что именно с этой целью диаспоральные проекты, реализуемые в рамках государственного задания, осуществляются не с помощью традиционных организаций Полонии (прежде всего, Конгресса Американской Полонии и аффилированных с ним объединений), а с помощью параллельных структур, нередко малоизвестных. В то же время, эффективность такой политики до последнего времени была низкой в силу частых изменений институциональной базы полонийной политики и межведомственной конку-

---

Remittance-Matrix-2013.xlsx;Bilateral Remittance Matrix 2012. URL: http://pubdocs.worldbank.org/pubdocs/publicdoc/2015/9/106901443117530403/Bilateral-Remittance-Matrix-2012.xlsx; Bilateral Remittance Matrix 2011. URL: http://pubdocs.worldbank.org/pubdocs/publicdoc/2015/9/919711443117529856/Bilateral-Remittance-Matrix-2011.xlsx; Bilateral Remittance Matrix 2010. URL: http://pubdocs.worldbank.org/pubdocs/publicdoc/2015/9/895701443117529385/Bilateral-Remittance-Matrix-2010.xlsx

411 OECD International Direct Investment Statistics 2014. Poland. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/finance-and-investment/oecd-international-direct-investment-statistics-2014/poland_idis-2014-27-en#.WHc4qS-g_IU

412 Figna A., Krawczyk P.Atrakcyjność inwestycyjna Polski //Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu. – 2011. – № 221. S. 293-297

ренции[413]. В-третьих, получившиеся противоречие (доктрины «опеки» и «ничего о нас – без нас») смягчается в период правления правоцентристских партий (главным образом, «Право и Справедливости») в силу идеологической близости американской Полонии и польских консерваторов. В-четвертых, с финансовой точки зрения американская Полония больше вкладывает в сотрудничество с Польшей, что, вероятно, приведет к обострению противоречий со страной происхождения. В-пятых, в среде польской диаспоры в США существуют определенные разногласия относительно пределов сотрудничества с Родиной, высказываются соображения о более активном вовлечении в кооперативные связи, что, возможно, приведет к усилению разногласий внутри диаспоры. Наконец, в-шестых, несмотря на вышеперечисленные сложности, Польша и американская Полония поддерживают внешне конструктивные отношения и выступают единым фронтом по наиболее важным вопросам политической повестки дня (от расширения НАТО до предоставления безвизового въезда в США гражданам Польши).

[413] Подробнее см.: Fiń A., Nowak W. Między absencją a zaangażowaniem. Diaspora polska wobec organizacji polonijnych (Komunikat z badań) // Studia Migracyjne-Przegląd Polonijny. – 2015. – №2 (156). S. 145-164

3.3. Механизмы влияния польской диаспоры: на примере проблемы программы краткосрочного безвизового въезда

В классической работе Ф. Баумгартнера и Б. Лича «Базовые интересы» достаточно подробно раскрыты общие механизмы лоббизма в США. Эти механизмы можно разделить на две группы – прямые и непрямые. К прямым формам лоббизма можно отнести выступления в органах власти (например, на слушаниях в Конгрессе), официальные и неофициальные контакты с представителями органов власти, подготовку законопроектов и проектов подзаконных актов, участие в консультативных советах при органах управления, формулирование повестки дня. К непрямым механизмам следует отнести интервью в СМИ по политическим вопросам, политическую рекламу, участие в коалиции с другими заинтересованными группами интересов, массовые акции по написанию писем (телефонных звонков), обработку влиятельных граждан (моральных авторитетов, крупных бизнесменов), взносы в избирательные кампании, участие в них, поддержка кандидатов, массовые акции (протесты и демонстрации)[414]. Изучение влияния диаспор на внешнюю политику США заключается, главным образом, в выявлении тех механизмов из вышеприведенного перечня, к которым диаспоры прибегают для достижения своих целей.

Для демонстрации механизмов влияния польской диаспоры в США весьма показателен опыт борьбы диаспоры за включение Польши в список стран, на которые распространяется действие федеральной программы краткосрочного безвизового въезда (ФПКБВ, англ. Visa Waiver Program). Эта программа была запущена в 1986 году и охватывает в настоящее время 38 государств (в том числе, 31 европейскую страну). Граждане стран, включенных в программу, вправе путешествовать в США без визы, но при определенных условиях[415].

---

[414] Baumgartner F.R., Leech B.L. Basic Interests: The Importance of Groups in Politics and in Political Science. – Princeton: Princeton University Press, 1998. pp. 151-155

[415] Срок пребывания в США – не более 90 дней. Кроме того, с 2015 года данная программа не распространяется на граждан стран-участников программы, которые с 2011 года посещали Иран, Ирак, Ливию, Сомали, Судан, Сирию, Йемен, а также тех граждан, которые

После успешного вступления Польши в НАТО и ЕС, с 2004 года Конгресс Американской Полонии сосредоточился на менее значительных целях и начал борьбу за включение Польши в список стран-участников ФПКБВ[416]. Несмотря на то, что к этой деятельности активно подключились общественные организации и польские власти, пока вопрос решить не удалось. Тем не менее, лоббирование решения в течение 10-12 лет – относительно нормальная практика для продвижения иностранных интересов в Вашингтоне, даже для интересов дружественных США стран[417].

Решение о включении в ФПКБВ принимает министерство внутренней безопасности США после консультаций с Государственным департаментом. В соответствии с Законом «О гражданстве и иммиграции», страны для включения в данный список должны соответствовать нескольким требованиям. Во-первых, доля отказов в предоставлении виз гражданам таких стран не должна превышать 2% за два фискальных года и 2,5% в любом из данных двух периодов. Или же доля отказов не должна превышать 3% за один предыдущий фискальный год. Отказы в предоставлении виз обычно обусловлены предоставлением неполной информации или же соображениями безопасности, так что данное требование вызвано стремлением повысить дисциплину среди стремящихся получить американскую визу. Во-вторых, Закон содержит стандартную норму о доступности паспортов иностранцев для машинного чтения. В-третьих, страна-кандидат не должна иметь значительный поток мигрантов в США или представлять некую угрозу американской национальной безопасности. Наконец, в-четвертых, государство-кандидат должно заключить и соблюдать двусторонние соглашения об об-

---

одновременно имеют гражданство Ирана, Ирака, Судана, Сирии. Подробнее см.: Visa Waiver Countries. URL: http://www.esta.us/visa_waiver_countries.html; Visa Waiver Program. URL: https://travel.state.gov/content/visas/en/visit/visa-waiver-program.html

[416] Еще с 1991 года в этом направлении начал работать конгрессмен У. Липински, однако это было скорее дополнительным пунктом в его политической повестке и в повестке Полонии в тот период.

[417] Так режим свободной торговли для Бахрейна продвигался, в общей сложности, в течение 13 лет (1993-2006 гг.). См.: Костяев С.С. Лоббизм мусульманских стран в США // Мировая экономика и международные отношения. – №9. – 2012. С. 91-94

мене информацией об утерянных паспортах, потенциально опасных гражданах и о репатриации[418].

Проблема Польши состоит в том, что данному государству никак не удается соответствовать первому требованию. Из-за сложно произносимых фамилий и ошибок в заполнении документов, в 2015 году польские граждане получили отказ в предоставлении немиграционной визы в 6,35% случаев. Безусловно, по сравнению с прежней долей отказов (до 25% в 2006-2007 гг.) прогресс Польши очевиден, однако до требований ФПКБВ еще далеко[419]. Поскольку польское государство оставалась важным союзником США, администрация Дж. Буша-младшего прибегла к демонстративному шагу: в рамках программы в 2005 году была создана «группа стран дорожной карты», которые должно были в рамках углубленного сотрудничества в сфере безопасности с Вашингтоном постепенно дойти необходимых критериев программы. Более того, в 2006 году на законодательном уровне было определено, что участие страны в операциях в Ираке и Афганистане обеспечивает дополнительный бонус при принятии решения о включении в список участников ФПКБВ.

В «группу стран дорожной карты» вошло большинство восточноевропейских государств, а также Мальта и Южная Корея. Уже в 2008 году 8 из 13 стран данной категории стали участниками ФПКБВ, затем желаемый статус получили еще два государства – Греция (2010), Тайвань (2012)[420]. Поэтому пребывание Польши в «группе стран дорожной карты» также сложно рассматривать как безусловное достижение.

В этих условиях организации польской диаспоры в США начали активную кампанию по включению Польши в ФПКБВ – либо путем изменения условий приема в программу, либо с помощью предоставления Польше свое-

---

[418] INA: ACT 217 – Visa Waiver Program for certain visitors . URL: https://www.uscis.gov/ilink/docView/SLB/HTML/SLB/0-0-0-1/0-0-0-29/0-0-0-4391.html#0-0-0-216

[419] Calculation of the Adjusted Visa Refusal Rate for Tourist and Business Travelers Under the Guidelines of the Visa Waiver Program. URL: https://travel.state.gov/content/dam/visas/Statistics/Non-Immigrant-Statistics/refusalratelanguage. pdf

[420] Siskin A. Visa Waiver Program. Congressional Research Service, 2015. p. 16. URL: https://www.fas.org/sgp/crs/homesec/RL32221.pdf

образного льготного режима. Аргументация в пользу такого решения была и остается достаточно простой: Польша – союзник США и крайне демократическая страна, а участие в программе – это символ политической близости Вашингтона и его ближайших союзников. То есть участие в ФПКБВ изначально рассматривается как политическая проблема, а не как юридическая. Так, например, охарактеризовал в 2011 году сложившуюся ситуацию один из лидеров чикагской польской общины конгрессмен Д. Липински (штат Иллинойс): «Польша внесла вклад в борьбу в Афганистане и Ираке, Польша – один из наших наиболее надежных союзников, и я убежден, что этого достаточно для участия в программе безвизового въезда» [421].

Сначала организации польской диаспоры действовали напрямую, через своих встроенных лоббистов. В начале 2004 года в Палате представителей появилось два проекта резолюции палаты с призывом к Министерству внутренней безопасности включить Польшу в ФКПБВ: один – от Ш. Джексон-Ли (демократ, штат Техас) и конгрессмена Р. Эмануэля (штат Иллинойс) соответственно[422]. В начале 2005 года появился законопроект конгрессвумен Ш. Джексон-Ли «О признании Польши в качестве участника программы безвизового въезда на особых основаниях», коспонсорами которого выступили известные представители польской диаспоры Д. Липински и М. Каптур, а также потомки выходцев из Восточной Европы республиканец Дж. Шимкус и демократ Я. Шаковски (оба от штата Иллинойс). В преамбуле законопроекта

---

[421] Lipinski, Kirk, and Quigley Push for Poland's Inclusion in Visa Waiver Program [Electronic resource] / Congressman Daniel Lipinsky's official website. – Mode of access: http://www.lipinski.house.gov/press-releases/lipinski-kirk-and-quigley-push-for-polands-inclusion-in-visa-waiver-program/

[422] H.Res.525. Urging the Secretary of Homeland Security and the Secretary of State to designate Poland as a program country under the visa waiver program established under section 217 of the Immigration and Nationality Act if Poland satisfies the requirements in subsection (c)(2) of such section. URL: https://www.congress.gov/bill/108th-congress/house-resolution/525/text?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIresu=11; H.Res.601.Recognizing the importance of designating the Republic of Poland as a program country for purposes of the visa waiver program under section 217 of the Immigration and Nationality Act and urging the Secretary of Homeland Security and the Secretary of State to assist Poland in qualifying for such program. URL: https://www.congress.gov/bill/108th-congress/house-resolution/601/text?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=10

утверждалось, что показатель допустимой доли отказов в визах установлен произвольным образом, так что из-за заслуг Польши перед демократией и США можно включить эту страну временно в перечень участников программы[423].

Всего за 2005-2016 гг. различными американскими парламентариями было предложено 20 законопроектов, принятие которых обеспечило бы Польше участие в ФКПБВ, а также одна резолюция в поддержку такого решения [424]. Эти проекты не были рассмотрены даже комитетами каждой из па-

---

[423] H.R. 634. To designate Poland as a program country under the visa waiver program established under section 217 of the Immigration and Nationality Act, subject to special conditions. URL: https://www.congress.gov/bill/109th-congress/house-bill/634/text

[424] H.Res.78. Recognizing the importance of designating the Republic of Poland as a program country for purposes of the visa waiver program under section 217 of the Immigration and Nationality Act and urging the Secretary of Homeland Security and the Secretary of State to assist Poland in qualifying for such program. URL: https://www.congress.gov/bill/109th-congress/house-resolution/78?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=9;S.348. A bill to designate Poland as a program country under the visa waiver program established under section 217 of the Immigration and Nationality Act, and for other purposes.URL: https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-bill/348?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=2; H.R.5730 - To designate Poland, Hungary, the Czech Republic, Estonia, Latvia, and Lithuania as program countries under the visa waiver program established under section 217 of the Immigration and Nationality Act. URL: https://www.congress.gov/bill/109th-congress/house-bill/5730?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=13; S.223. Visa Waiver Program Enhanced Security and Reform Act. URL: https://www.congress.gov/bill/113thcongress/senatebill/223?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=45; H.R.1465. To provide additional discretion to the Secretary of Homeland Security in designating countries eligible to participate in the visa waiver program under section 217 of the Immigration and Nationality Act, and for other purposes. URL: https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-bill/1465?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=53; H.R.1543 - Visa Waiver Modernization Act. URL: https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-bill/1543?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=77; H.R.2954. To amend the Immigration and Nationality Act to extend the authority of the Secretary of Homeland Security to waive certain requirements under the visa waiver program for an additional 2 years. URL: https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-bill/2954?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=51; S.16. Visa Waiver Program Expansion Act of 2010. URL: https://www.congress.gov/bill/111th-congress/senate-bill/16?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=49; S.3544. Visa Waiver Program Updated Framework and Enhanced Security Act of 2010. URL: https://www.congress.gov/bill/111th-congress/senate-bill/3544?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=50;H.R.3855. Visa Waiver Program Enhanced Security and Reform Act. URL: https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-bill/3855?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=46; S.2046. Visa Waiver Program Enhanced Security and Reform Act. URL: https://www.congress.gov/bill/112th-congress/senate-bill/2046?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=47; H.R.490. Visa Waiver Program Enhanced Security and Reform Act. URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/490?q=%7B"search"%3A%5B; "poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=44; S.223. Visa Waiver Program Enhanced Security and Reform Act. URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/223?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&result

лат Конгресса, поскольку программа безвизового краткосрочного въезда активно критикуется из-за превышения срока пребывания в США со стороны граждан стран-участников программы. Тем не менее, подходы к решению этой проблемы заметно сменились. Сначала, законодатели, представлявшие интересы польской диаспоры, выбрали стратегию «расширения исключительности», настаивая на предоставлении «особых условий» не только Польше, но и другим восточноевропейским странам. Однако по мере того, как другие восточноевропейские и прибалтийские государства справлялись с формальными критериями вступления в ФПКБВ, этот подход утрачивал актуальность. С 2007 года конгрессмен Р. Эмануэль (демократ от штата Иллинойс) стал предлагать иной вариант решения проблемы: предоставить правомочие Министерству внутренней безопасности принимать решение не только на основе изложенных в Законе «О гражданстве и иммиграции» критериев, но и исходя из специфики каждой страны. В ряде законопроектов предлагалось разделить критерии ФКПБВ на «важные» и «неважные», что позволяло бы принимать в ФКПБВ страны, которые формально не соответствуют установленной норме в 3% отказов в предоставлении виз. Наконец, с 2012 года к проблеме подключилась сенатор-демократ от штата Мэриленд Б. Микульски, которая обычно специализировалась на проблемах здравоохранения. С 2013 года законодатели, связанные с польской диаспорой, попробовали новую тактику – подавали идентичные законопроекты в Палате представителей и Сенате, как для привлечения внимания, так и для увеличения вероятности прохождения их через Конгресс. В результате в 2013-2016 гг. Б. Микульски и

Index=45; S.1507. Visa Waiver Program Enhanced Security and Reform Acthttps://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/1507?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=37; H.R.2686. Visa Waiver Program Enhanced Security and Reform Act. URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2686?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=36; H.R. 5741. JOLT Act of 2012. URL: https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-bill/5741?q=%7B"search"%3A%5B"JOLT+Act"%5D%7D&resultIndex=5; H.R.1354. JOLT Act of 2013. URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/1354; H.R.1401. JOLT Act of 2015. URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/1401?q=%7B"search"%3A%5B"JOLT+Act"%5D%7D&resultIndex=6; S.2233. JOLT Act. URL: https://www.congress.gov/bill/112th-congress/senate-bill/2233?q=%7B"search"%3A%5B"JOLT+Act"%5D%7D&resultIndex=3; S.2091. JOLT Act of 2015. URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/2091?q=%7B"search"%3A%5B"JOLT+Act"%5D%7D&resultIndex=2; S.3199. JOLT Act of 2012. URL: https://www.congress.gov/bill/112th-congress/senate-bill/3199?q=%7B"search"%3A%5B"JOLT+Act"%5D%7D&resultIndex=1

конгрессмен-демократ М. Куигли (штат Иллинойс)[425] вносили в каждую из палат Конгресса законопроекты, которые уполномочивали Министерство внутренней безопасности принимать решение о включении в ФКПБВ не только на основе критериев Закона «О гражданстве и иммиграции» и которые вносили изменение в данный закон с целью поднять порог допустимых отказов в предоставлении визы до 10%. В 2017 г. М. Куигли внес законопроект, в котором Министерству внутренней безопасности давалось право включать в ФКПБВ страны – даже вопреки нормам Закона «О гражданстве и иммиграции»[426]. Одновременно, пара Микульски-Куигли внесла аналогичные нормы в проект более влиятельных законодателей Ч. Шумера (демократ, Нью-Йорк) и Дж. Хека (республиканец, Невада), которые продвигают более благоприятный режим перемещения для временных трудовых мигрантов.

Осенний план Конгресса Американской Полонии за 2015 год раскрывает следующие детали продвижения законопроектов Ч. Шумера и Дж. Хека. Во-первых, Совет директоров КПА провел встречу с сенатором Ч. Шумером, согласовал общий подход к проблеме участия Польши в ФКПБВ. Во-вторых, Конгресс объявил «законодательную тревогу» и призвал американцев польского происхождения направить письмо с призывом поддержать законопроект Ч. Шумера, предложив образец такого письма. Это позволило бы расширить поддержку законопроекта от 15 коспонсоров и спонсоров до необходимого показателя – 51 сенатор. В-третьих, Конгресс призвал разослать аналогичные письма членам Палаты представителей, кроме 97 парламентариев, которые уже поддержали законопроект Дж. Хека[427].

Необходимо отметить, что уровень детализации и продуманности «законодательных тревог» КАП определенно возрастает. В частности, рассылка

---

[425] Ранее от этого же 5-го избирательного округа избирался демократ Р. Эмануэль, который в 2008-2010 гг. возглавлял администрацию президента США, а с 2011 г. – избран мэром г. Чикаго. Это один из самых «полонийных» округов в стране: доля американцев польского происхождения и рожденных в Польше превышает 12% от общего числа населения.

[426] H.R.2388 - Poland Visa Waiver Act of 2017. URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/2388/text

[427] Polish American Congress. Fall 2015 Action Plan for the Passage of H.R.1401 and S.2091 ("Jobs Originated through Launching Travel Act of 2015"). URL: http://pac1944.org/ameragenda/HR1401.151012.pdf

о «тревоге» 2006 года по поводу сенатского законопроекта об участии Польши в программе безвизового въезда предлагала членам Конгресса Американской Полонии самим найти сенатора своего штата на сайте Сената США, а образец письма к законодателю состоял из одного предложения («Прошу проголосовать за...»)[428].

Организации польской диаспоры также используют в качестве инструмента давления на конгрессменов резолюции законодательных собраний штатов в поддержку включения Польши в ФКПБВ. В 2004-2007 гг. при активном участии местных отделений Конгресса Американской Полонии подобные резолюции были приняты в 12 штатах. Причем, это были не только штаты с относительной высокой долей польской диаспоры в общем количестве населения (Иллинойс, Висконсин), но и такие штаты, как Небраска и Аризона[429]. В данных резолюциях аргументация сходна с законопроектами Р. Эмануэля и М. Куигли: Польша – демократическое государство, ближайший союзник США, который активно участвует в борьбе с терроризмом, что требует определенной благодарности американского народа. Например, резолюция Палаты представителей штата Мичиган (2006) напоминает президенту США: «Оправившись от пяти десятилетий иностранного господства, народ Польши достиг больших успехов в построении свободной и состоятельной нации, которая вместе с Америкой участвует в великой борьбе наших дней (с терроризмом – И.Л.). Вполне уместно, что Республика Польша будет иметь право на участие в программе краткосрочных въездов»[430].

В целом, данные усилия пока не дали результатов, поскольку решение данного вопроса зависит от более крупной проблемы комплексной иммиграционной реформы. По имеющимся данным, около 40% нелегальных мигрантов в США прибыли в страну легально, в том числе по программе краткосрочного безвизового въезда. Поэтому в исполнительной и законодательной

---

[428] Bill Designating Poland into Visa Waiver Program. URL: http://www.pac1944.org/news/2006/visawaiver0406.htm

[429] State Resolutions for Including Poland in Visa Waiver Program. URL: http://www.pac1944.org/ameragenda/vwresol.0705.htm

[430] House Resolution 0269 (2006). URL: https://www.legislature.mi.gov/documents/2005-2006/resolutionadopted/House/htm/2006-HAR-0269.htm

власти многие склоняются к мнению, что без надежной системы контроля и выдворения приезжающих не стоит расширить возможности легального въезда в США[431]. Проблема миграции в стране – это не только (и не столько) вопрос сохранения некоего особенного культурного наследия, это вопрос о перераспределении мест в Конгрессе между штатами и о партийных симпатиях штатов. За 2000-2010 гг. количество мигрантского населения в США выросло на 28%, в том числе в Алабаме – на 92%, в Южной Каролине – на 88%, в Джорджии – на 63%. Однако проекты всеобъемлющей иммиграционной реформы (даже в умеренном варианте path to legalization – легализация без права на гражданство) потерпели неудачу. Одновременно перед США стоит задача усилить свои конкурентные позиции в борьбе за привлечение высококвалифицированной рабочей силы, которая способна обеспечить рост в инновационных отраслях экономики, то есть речь идет о долгосрочных перспективах развития США[432].

Проблема иммиграции стала ключевой в президентской гонке 2016 года. Дональд Трамп, который победил на выборах президента США, выдвинул следующие предложения по миграционной политике: депортация нелегалов (в первую очередь, преступников), запрет работодателям нанимать нелегальных мигрантов, усиление пограничного контроля и сбора данных о пребывающих в страну (строительство стена на границе с Мексикой и временный запрет на въезд из мусульманских стран с повышенной угрозой терроризма), принуждение к сотрудничеству муниципальных органов власти по вопросам иммиграционной политики («города-убежища»)[433]. Казалось бы, такая жесткая антииммигрантская риторика Д. Трампа должна означать его негативное отношение к расширению безвизовых въездов. Однако такой вывод поспе-

---

[431] Ekspert: USA nie powinny rozszerzać programu bezwizowego o Polskęhttp://dziennikzwiazkowy.com/ameryka/ekspert-usa-nie-powinny-rozszerzac-programu-bezwizowego-o-polske/

[432]Никольская Г.К. Иммиграционная политика США в начале XXI века // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 5. С. 99-100; Лебедева Л.Ф., Смирнова И.К., Щербина А.В. США в международной миграции населения в начале XXI века // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – № 12. С. 58-62

[433] Donald J. Trump’s 10 Point Plan to Put America First. URL: https://www.donaldjtrump.com/policies/immigration

шен, поскольку Трампу пришлось сделать несколько предвыборных обещаний в отношении польской диаспоры в США.

Как известно, стратегия Д. Трампа предусматривала усиленную агитацию в промышленных штатах Северо-Запада и Среднего Запада (так называемый «ржавый пояс»), так что избирательный штаб кандидата уделял пристальное внимание существующим этнополитическим и религиозным группам избирателей. В отличие от своего конкурента на выборах, Д. Трамп назначил в своем избирательном штабе специального советника по делам Польши и Полонии – У. Чосека, медиаконсультанта и основателя образовательного Фонда просвещения об американских героях[434]. Более того, Д. Трамп со своим ключевым внешнеполитическим советником Р. Джулиани лично провел встречу с лидерами Конгресса Американской Полонии и выступил перед активом полонийных организаций г. Чикаго 28 сентября 2016 года, в отличие от Х. Клинтон, которая направила на подобную встречу с представителями диаспоры бывшего госсекретаря М. Олбрайт. В ходе обсуждения политических вопросов руководство КАП подняло и вопрос участия Польши в программе краткосрочного безвизового въезда, на что Д. Трампа ответил, что постарается в первый месяц своего правления решить данную проблему[435]. Для поддержания контактов избирательного штаба и организаций польской диаспоры в октябре 2016 года был создан Польско-американский консультативный совет во главе с исследовательницей-экономистом Л. Святковски-Кэннон[436]

Хотя Конгресс Американской Полонии в 2016 году вошел в десятку наиболее активных этнолоббистских структур по рейтингу портала «Американские исследования», организации польской диаспоры традиционно уклонились о финансовой и политической поддержки кандидатов в президенты,

---

[434] Trump zwyciężył głosami Polonii. URL: http://dziennikzwiazkowy.com/c17-wyw/trump-zwyciezyl-glosami-polonii/

[435] Donald Trump spotkał się z Kongresem Polonii Amerykańskiej i Polonią. URL: http://dziennikzwiazkowy.com/polonia/donald-trump-spotkal-sie-z-kongresem-polonii-amerykanskiej-i-polonia-2/

[436] Trump campaign announces Polish American advisory council. URL: http://www.pacmi.org/trump-campaign-announces-polish-american-advisory-council/

стараясь сохранить двухпартийный политический фундамент Полонии[437]. При этом, достаточно значительная доля в «колеблющихся» штатах (Висконсин Мичиган, Огайо) все-таки проголосовала за Д. Трампа. В разделе 3.1 отмечено, что всего лишь 25% участников диаспоры можно отнести к устойчиво республиканскому электорату, а в 2016 году, по предварительным подсчетам, за республиканского кандидата отдали голоса около 40% представителей американской Полонии[438]. Таким образом, представители польской диаспоры добавили республиканскому кандидату порядка 500-600 тысяч голосов в критически важных штатах[439]. Чикагское издание «Газета Польского национального альянса» (поль. Dziennik Związkowy) так характеризует мотивацию сторонников Трампа: «Клинтон, к сожалению, не любит Полонию, не зависит от наших голосов и ничего нам не предложила. Думаю, с одной стороны, что причиной поддержки Трампа является наш консерватизм, а с другой – ощущение правильного. Как известно, Клинтон часто отступает от правды. Думаю, что Трамп зависит от голосов Полонии, может, до него дошло, что демократы никогда не искали нашей поддержки»[440].

В 2017 году вопрос облегчения визового режима с Польшей стал заложником политических баталий вокруг «всеобъемлющей иммиграционной реформы». Администрация Д. Трампа фактически отложила решение этого вопроса – в ходе визита американского президента в Варшаву (6.07.17) эта тема не поднималась[441]. Однако есть основания предполагать, что проработка данного вопроса продолжается. Об этом свидетельствует, например, недавний доклад экспертов влиятельного Фонда «Наследие», который консуль-

---

[437] Лоббизм 2016: рейтинги реального влияния. URL: http://american-studies.org/wp-content/uploads/2016/12/Lobbizm-2016.pdf

[438] Flaxman S. New Questions, New Answers? A Preliminary Micro-level Statistical Analysis of the 2016 US Presidential Election. URL: https://medium.com/@flaxter_85271/new-questions-new-answers-22a103ff2811#.e24mhcm2d

[439] В целом, польская диаспора проголосовала за Х. Клинтон. Аналогично, за Клинтон отдало голоса большинство представителей германской и итальянской диаспор, хотя считалось, что это устойчивый электорат Трампа.

[440] Polonia kocha Trumpa. URL: http://dziennikzwiazkowy.com/polonia/polonia-kocha-trumpa/

[441] President Trump in Poland. URL: https://www.whitehouse.gov/articles/president-trump-poland/; Donald Trump: Nigdy nie byliśmy bliżsi Polski, niż w tej chwili. URL: http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wydarzenia/art,663,spotkanie-prezydentow-polski-i-usa-.html

тирует действующую президентскую администрацию. В докладе отмечается, что необходимо переименовать программу краткосрочного безвизового въезда, изменить критерии включения стран в нее (учитывать пребывание граждан соответствующих стран после истечения срока визы), а также включить Польшу в данную программу – прежде всего, по политическим причинам[442].

Таким образом, политические структуры польской диаспоры в США использовали большинство прямых и непрямых методов воздействия на органы принятия решения по вопросу о включении Польши в ФПКБВ, хотя и безуспешно. Отсутствие достижений, вероятно, свидетельствует о недостаточной эффективности лоббистских усилий организаций польской диаспоры[443]. Среди методов, используемых для продвижения интересов данной диаспоры, необходимо отметить официальные контакты с представителями органов власти, использование «встроенных» лоббистов, поощрение «законодательных тревог» (массовых обращений к конгрессменам). В то же время, относительная незначительность политических проблем, с которыми борется американская Полония, не позволяет, развернуть рекламные кампании в СМИ, усилить давление по линии неофициальных контактов с влиятельными согражданами и законодателями, а также проводит массовые акции (наподобие акций «Жизни черных имеют значение»). Кроме того, организации польской диаспоры несколько не дорабатывают в плане формирования собственной повестки дня, подготовки проектов законодательных актов, участия в консультативных советах при органах управления, политической мобилизации, а также в вопросах финансирования собственных проектов. В этом сказывается слабость финансового и, в меньшей степени, организационного ресурсов влияния.

---

[442] Inserra D., Walters R. President Trump and Congress Should Add Poland to the Visa Waiver Program. URL: https://www.heritage.org/sites/default/files/2017-07/IB4729_0.pdf

[443] Oświecimski K. Lobby etniczne a polityka zagraniczna USA – wybrane przykłady. – Kraków: Akademia Ignatianum, 2014. S. 246

3.4. Вовлеченность польской диаспоры в принятие решений в США по конфликту на Донбассе (2014-2017 гг.)

Конфликт на Украине – это многоуровневое и весьма сложное противостояние, возникшее после активных протестов в г. Киев и западных и центральных областях страны, а также незаконной смены власти. Генезис и эволюция конфликта заслуживают отдельного и подробного изучения: более того, в этом направлении предприняты определенные шаги как в России, так и за рубежом[444]. Не вдаваясь в широкую дискуссию о ряде военно-политических терминов, подчеркнем, что США весьма плотно вовлечены в процесс формулировки политических приоритетов на Украине. Естественно, что некоторые крупные диаспоры в США стали участвовать в осмыслении и продвижении определенных решений по украинскому кризису.

Позиция диаспоры по конфликту на Донбассе, в целом, была однозначной. В открытом письме Б. Обаме от 4 марта 2014 года, Ф. Спула, глава Конгресса Американской Полонии, определил позицию большинства участников диаспоры следующим образом: «Пока Путин не покажет готовность (свою и своей страны) – словами и делами – уважать международное право и права соседних государств, мы просим, чтобы США вместе с союзниками по НАТО активно участвовали в обеспечении соблюдения этих норм и прав. Сообщество американцев польского происхождения ожидает Вашего лидерства, которое не позволит России придерживаться бесцеремонной политики запугивания и агрессии в отношении соседних государств»[445].

Эта позиция звучала и на официальных мероприятиях. Например, в 2014 году в День Пуласки (первый понедельник марта) на торжественной встрече в Польском музее г. Чикаго украинской проблематики касались все

---

[444] См. например: Katchanovski I. The Separatist War in Donbas: A Violent Break-up of Ukraine? // European Politics and Society. – 2016. – Vol. 17, №4. pp. 473-489; Loshkariov I.D., Sushentsov A.A. Radicalization of Russians in Ukraine: from ‘accidental’ diaspora to rebel movement // Southeast European and Black Sea Studies. – 2016. – Vol.16, № 1. pp. 71-90; Zhukov Y.M. Trading Hard Hats for Combat Helmets: The Economics of Rebellion in Eastern Ukraine // Journal of Comparative Economics. – 2016. – Vol.44, №1. pp 1–15

[445] James Spula’s letter to Obama. URL: http://www.pac1944.org/presoffice/2014/LetterReUkraine.pdf

выступающие – в том числе, сенатор Р. Дурбин, мэр г. Чикаго Р. Эмануэль, лидеры польской общины[446].

Несмотря на вышеотмеченное единство по вопросу конфликта на Донбассе, польская диаспора стала участником общественной дискуссии в США по украинским проблема с некоторой заминкой, поскольку пришлось искать компромиссы с союзными сообществами в рамках КЦВН – Коалиции центральноевропейских и восточночноевропейских народов (см. раздел 3.1). В 2014-2016 гг. в рамках Коалиции сложилось два подхода к происходящему на Украине. Организации польской, украинской и прибалтийских диаспор выступили с безоговорочным и жестким осуждением реальных и мнимых действий России. Напротив, армянская и венгерская диаспоры оставались на достаточно сдержанных позициях. Об это свидетельствует некоторые документы. Например, 14 апреля 2014 года Объединенный американо-балтийский национальный комитет направил каждому сенатору США типовое послание, в котором отмечалось следующее: «Это опасные прецеденты, подрывающие принцип неприкосновенности границ. В 2008 году Москва уже создала такой прецедент путем захвата грузинской территории и продолжающейся оккупации Абхазии и Южной Осетии. Набирающая обороты практика вмешательства Москвы во внутренние дела других стран демонстрирует видение Путина о том, как должна быть устроена Украина, чтобы удовлетворять экономические интересы России»[447]. Напротив, Американо-Венгерская Федерация выражала в этот период озабоченность судьбою венгров, проживающих на Украине. В частности, в заявлении Федерации от 28 февраля зафиксировано следующее: «В то время как значительное внимание уделяется вопросам конфликта украинской и русской этнических общин и спорам по поводу законов, направленных на разрешение или ограничение использования русского языка на официальном уровне, потребности венгерского меньшинства в основном игнорируются. [...] Парадоксально, но венгерская этническая община оказалась в более выгодном положении, когда пророссийский прези-

[446] Dzień Pułaskiego z Ukrainą w tle. URL: http://dziennikzwiazkowy.com/chicago/dzien-pulaskiego-z-ukraina-w-tle/

[447] JBANC delivers Ukraine support letters to all Senate offices. URL: http://jbanc.org/?page=blog&v=4&id=33

дент Янукович с целью поддержки своего русскоязычного электората снял законодательные ограничения в языковой сфере. Хотя венгры на Украине не поддерживали Януковича и не занимали пророссийские позиции, они опасаются украинских националистов, которые продемонстрировали свое пристрастие к вандализму над памятниками венгерской общины и к насилию над гражданами по этническому принципу»[448].

Компромисс, который был достигнут между различными восточноевропейскими диаспорами, заключался в следующем: «агрессия» России на Украине признавалась неприемлемой, а расширение демократии на Украине – желательным. То есть КЦВН избегала давать характеристики политическому режиму, сформировавшемуся после Евромайдана, но, при этом, не упускала возможность использовать с выгодой для стран происхождения опасения по поводу «российской угрозы» в Центральной и Восточной Европе. В сентябре 2014 года сводка КЦВН прямо предупреждала: «В контексте геостратегических интересов США, нынешнюю войну на Украине нельзя понимать без учета потенциально широкомасштабных последствий для глобальной безопасности. [...] В итоге, российское вторжение на Украину правильно оценивается как тревожный знак для союзников по НАТО, особенно стран Центральной Европы. Это угроза для стабильности трансатлантических институтов безопасности, которые возникли после распада СССР»[449].

Исходя из данных соображений, восточноевропейские диаспоры весьма активно в 2014-2017 гг. продвигали идеи укрепления потенциала НАТО в Центральной Европе, предоставления финансовой и военной помощи Украине, введение ограничительных мер в отношении России. Отметим, что данные сообщества использовали, в основном, площадку Конгресса для продвижения своей повестки дня, поскольку в исполнительной власти их возможности были заметно меньше (см. раздел 3.1). Более того, в исполнительной власти сложились несколько иные настроения: риторика администрации Б. Обама носила крайне заидеологизированный характер и подчер-

[448] AHF Statement for Immediate Release (February 28, 2014). URL: http://www.americanhungarianfederation.org/docs/AHFStatement_Ukraine_2014-02-27.pdf

[449] Central and East European Coalition. Policy Brief. Fall 2014. URL: http://www.ceecoalition.us/2014FallCEECPolicyBriefSept15%20.pdf

кивала угрозы для глобального лидерства США со стороны Москвы[450]. На практике, стратегия администрации Б. Обамы долгое время состояла в том, чтобы не ввязываться в открытые противостояния, сохранять определенное пространство для диалога (даже с «агрессивной» Россией), хотя бы из тактических соображений[451]. Кроме того, существовал субъективный фактор, создававший препятствия для успешной реализации повестки дня восточноевропейских диаспор: президент Б. Обама отрицательно относился к «этническим лобби» – даже к афро-американскому[452].

В этой связи, имеет смысл различать законопроекты, продвинутые при участии восточноевропейских диаспор (прежде всего, польской, но также выходцев из Прибалтики и Украины), и законопроекты, продвигаемые в соответствии с другими политическими задачами. Например, многие республиканцы в обеих палатах Конгресса выдвигали определенные проекты законов и резолюций с целью сформировать впечатление жесткости и принципиальности в отношении России. Поэтому представляется необходимым на основе некоторых критериев выделить те проекты законов и резолюций палат Конгресса, которые связаны непосредственно с продвижением интересов польской диаспоры (в том числе, с помощью Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов). Такими критериями можно считать следующие характеристики:

- авторство или хотя бы коспонсорство (на ранней стадии обсуждения документа) проекта документа принадлежит «встроенным лоббистам»;

- Конгресс Американской Полонии (или Коалиция центральноевропейских и восточноевропейских народов) выразил публичную поддержку проекту документа;

---

[450] Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: науч. изд. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2017. С. 146-158.

[451] Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. История внешней политики США. – М.: Международные отношения, 2012. С. 646-647; Шаклеина Т.А. Эволюция глобальной стратегии США // Вестник Московского университета. Серия Международные отношения и мировая политика. – 2011. – №3. С. 55-56

[452] Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Личность президента как фактор формирования внешнеполитической повестки дня США (некоторые итоги президентства Б. Обамы) // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. С. 125-135

- представители польской диаспоры (и шире – восточноевропейских диаспор) участвовали в обсуждении соответствующего проекта документа;

- со стороны полонийных организаций (и шире – восточноевропейских диаспор) отмечены финансовые перечисления или хотя бы лоббистская активность (официально зарегистрированная) в пользу определенного проекта документа, его автора и (или) связанного с ним комитета общественного действия.

Вероятно, наличие двух и более признаков свидетельствует о четкой взаимосвязи подаваемого законопроекта или проекта резолюции и политической активности польской диаспоры в США.

Всего, за 2014-2016 год в обеих палатах Конгресса было подготовлено 39 проектов законов и резолюций[453], где предлагались те или иные меры по

[453] S. 3543 (114th): STAND for Ukraine Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/s3543/text; H.Res. 878 (114th): Recognizing the 25th anniversary of Ukraine's act of declaration of independence from the Soviet Union. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hres878/text; H.R. 5279 (114th): Rosoboronexport Embargo Act of 2016https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hr5279/text; H.R. 5181 (114th): Countering Foreign Propaganda and Disinformation Act of 2016. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hr5181/text; H.R. 5094 (114th): STAND for Ukraine Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hr5094/text; S. 2692 (114th): Countering Information Warfare Act of 2016. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/s2692/text; H.R. 4305 (114th): Ukrainian Warfighter Assistance Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hr4305/text; H.Res. 348 (114th): Supporting the right of the people of Ukraine to freely elect their government and determine their future. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hres348; H.Res. 122 (114th): Providing assistance to Ukraine for fulfillment of the economic, social, and government reform requirements necessary for membership eligibility to the European Union, in keeping with the will of a majority of the people of Ukraine and their Government. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hres122; S. 452 (114th): Defense of Ukraine Act of 2015. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/s452/text; H.R. 955 (114th): To authorize assistance and sustainment to the military and national security forces of Ukraine. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hr955/text; S.Res. 72 (114th): A resolution expressing the sense of the Senate regarding the January 24, 2015, attacks carried out by . URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/sres72/text; S.Res. 68 (114th): A resolution expressing the sense of the Senate regarding the January 24, 2015, attacks carried out by Russian-backed rebels on the civilian population in Mariupol, Ukraine, and the provision of lethal and non-lethal military assistance to Ukraine. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/sres68/text; S.Res. 52 (114th): A resolution calling for the release of Ukrainian fighter pilot Nadiya Savchenko, who was captured by Russian forces in Eastern Ukraine and has been held illegally in a Russian prison since July 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/sres52/text; H.Res. 50 (114th): Calling for the release of Ukrainian fighter pilot Nadiya Savchenko, who was captured by Russian forces in Eastern Ukraine and has been held illegally in a Russian prison since July 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hres50/text; H.R. 56 (114th): Donbass People's Militia Terrorist Designation Act of 2015. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hr56/text; H.R. 5859 (113th): Ukraine Freedom Support Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5859/text; H.Res. 758 (113th): Strongly condemning the actions of the Russian Federation, under President Vladimir Putin, which has carried out a policy of ag-

улучшению военно-стратегического положения Украины (противодействия российской «агрессии»)[454]. В 2014 году были приняты (подписаны президентом США) 2 законопроекта и 5 резолюций по данной тематике, в 2015 году – 4 резолюции с осуждением действий России и (или) ополченцев Донбасса. В 2016 году Палата представителей одобрила законопроект «О стабильности и

---

gression against neighboring countries aimed at political and economic domination. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hres758/text; H.Res. 726 (113th): Strongly supporting the right of the people of Ukraine to freely determine their future, including their country's relationship with other nations and international organizations, without interference, intimidation, or coercion by other countries. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hres726; S. 2828 (113th): Ukraine Freedom Support Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2828/text; H.R. 5390 (113th): Donbass People's Militia Terrorist Designation Act of 2014.URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5390/text; H.R. 5315 (113th): To authorize the President to transfer certain military equipment to the Government of Ukraine, and for other purposes. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5315/text; H.R. 5859 (113th): Ukraine Freedom Support Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5859/text; H.R. 5782 (113th): Ukraine Freedom Support Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5782/text; H.R. 5249 (113th): Rosoboronexport Embargo Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5249/text; H.R. 5190 (113th): Ukraine Security Assistance Act of 2014.URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5190/text; S.Res. 520 (113th): A resolution condemning the downing of Malaysia Airlines Flight 17 and expressing condolences to the families of the victims. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/sres520/text; H.Res. 679 (113th): Condemning the Ukrainian separatists illegally occupying the Ukrainian city of Donetsk, and the surrounding territory, as terrorists for shooting down a civilian passenger airliner, Malaysian Airlines Flight MH17, and condemning the Government of the Russian Federation for supplying the arms. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hres679/text; S. 2592 (113th): North Atlantic Energy Security Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2592/text; S. 2555 (113th): A bill to require a report on military assistance to Ukraine. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2555/text; S. 2433 (113th): Ukrainian Independence from Russian Energy Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2433/text; S. 2352 (113th): Russian Weapons Embargo Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2352/text; S.Res. 448 (113th): A resolution expressing the sense of the Senate on the policy of the United States regarding stabilizing the currency of Ukraine. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/sres448/text; S. 2277 (113th): Russian Aggression Prevention Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2277/text; H.R. 4278 (113th): Ukraine Support Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr4278/text; S. 2124 (113th): Support for the Sovereignty, Integrity, Democracy, and Economic Stability of Ukraine Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2124/text; S.Res. 378 (113th): A resolution condemning illegal Russian aggression in Ukraine. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/sres378/text; H.R. 4154 (113th): Russia Visa Sanctions Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr4154/text; S.Res. 370 (113th): A resolution supporting the territorial integrity of Ukraine and condemning Russian military aggression in Ukraine. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/sres370/text
H.Res. 499 (113th): Condemning the violation of Ukrainian sovereignty, independence, and territorial integrity by military forces of the Russian Federation. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hres499/text; H.R. 4152 (113th): Support for the Sovereignty, Integrity, Democracy, and Economic Stability of Ukraine Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr4152/text

[454] Без учета проектов документов по следующим вопросам: присоединение Крыма к России, «информационная угроза» России, энергетическая независимость Восточной Европы (в том числе, Украины), бюджетные ассигнования ведомств. Эти темы связаны с проблематикой конфликта на Донбассе, но, вероятно, не напрямую.

демократии для Украины» (автор – демократ от штата Нью-Йорк И. Инджел), однако Сенат не рассмотрел данный документ до конца текущей сессии, то есть документ не был принят (англ. died in Congress). Таким образом, из большого количества откровенно политизированных законопроектов было принято только 2, а также 9 резолюций по тематике конфликта на Украине.

«Встроенные лоббисты» польской диаспоры (прежде всего, конгрессмены М. Куигли, М. Каптур, А. Кинзигер, Ш. Джексон-Ли, сенатор Р. Дурбин) в совокупности внесли или стали коспонсорами 23 проектов документов (15 законопроектов и 8 резолюций). Среди данных документов необходимо группу законопроектов, которые крайне однобоко трактовали события, происходившие на Украине, а именно: ряд законопроектов о признании ополченцев Донбасса террористической организацией и об эмбарго на продукцию компании «Рособоронэкспорт».

Конгресс Американской Полонии и Коалиция центральноевропейских и восточноевропейских народов поддержку в отношении 10 законопроектов и 4 резолюций палат Конгресса, среди которых, в основном, документы, направленные на упрощение предоставления вооружений украинской стороне[455]. Примечательно, что почти две три от числа данных проектов документов приходятся на 2015-2016 гг., когда актуальность для американского истеблишмента тематики конфликта на Донбассе несколько снизилась. Низкие показатели поддержки конкретных законопроектов также объясняются тем, что в 2014 году диаспоральные организации нередко поддерживали любые меры по украинской проблематике. Например, сводка КЦВН от 2014 года устанавливает некоторые цели без привязки к определенным законопроек-

[455] Central and East European Coalition. Policy Brief. Fall 2014. URL: http://www.ceecoalition.us/2014FallCEECPolicyBriefSept15%20.pdf; Central and East European Coalition. Policy Brief. Spring 2015. URL: http://www.ceecoalition.us/CEEC%202015%20SpringPolicyPaper%20FINAL.pdf; Central and East European Coalition. Policy Brief. Spring 2016. URL: http://www.ceecoalition.us/CEEC%20Policy%20Paper,%20Spring%202016%20(May%2026).pdf

там (предоставление Украине летального оружия, вывод иностранных войск из Донбасса, увеличение затрат на НАТО)[456].

Достаточно сложно проследить вовлеченность польской диаспоры в процесс обсуждения действий властей США по украинской проблематике. Слушания в комитетах по внешней политике обеих палат Конгресса проводились, в совокупности, 8 раз. Только два случая можно отнести к вовлечению в этот процесс представителей американской Полонии. Во-первых, 10 апреля 2014 года перед подкомитетом по европейскими делам Сената выступил Я. Бжезинский, сотрудник Атлантического Совета и руководитель небольшой консалтинговой фирмы «Brzezinski Group LLC», бывший работник Министерства обороны и сын известного международник Зб. Бжезинского. Ян Бжезинский выступил с позиций американских «ястребов» и отметил, что необходимо сдерживать Россию на постсоветском пространстве и одновременно содействовать Украине в вопросах совершенствования экономической системы и укрепления военного потенциала. Для этого данный сотрудник Атлантического Совета предложил установить жесткие экономические санкции в отношении России, пересмотреть стратегию НАТО в регионе, отреагировать на опасения центральноевропейских государств, предоставить военную поддержку Украине (развернуть центры разведки и наблюдения на местах, проводить совместные учения, предоставлять необходимое оборудование и военных инструкторов), сформировать новый и более привлекательный образ Европы[457]. Поставки вооружении Украине, по мнению Я. Бжезинского, также могли служить цели сдерживания России: если Москва открыто вмешается в конфликт на Донбассе, то хорошо вооруженная украинская армия будет способна нанести неприемлемо большие потери противнику[458].

Во-вторых, 9 июля 2014 года перед Комитетом по внешней политике Сената выступил уже сам Зб. Бжезинский, который известен своими близки-

---

[456] Central and East European Coalition. Policy Brief. Fall 2014. URL: http://www.ceecoalition.us/2014FallCEECPolicyBriefSept15%20.pdf

[457] Hearing before the subcommitee on European Affairs of the Committee on foreign relations. One Hundred Thirteenth Congress. Second Session. April 10, 2014. – Washington, 2014. pp. 26-32. URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-113shrg91297/pdf/CHRG-113shrg91297.pdf

[458] Op. cit. p. 36

ми контактами с нью-йоркской Полонией. Збигнев Бжезинский выступил с более умеренной позицией, чем его собственный сын, и изложил следующее видение возможной позиции России по украинскому вопросу: по мере ухудшения своего международного положения, Москва вынуждена будет склоняться к кооперативному или, во всяком случае, менее конфронтационному сценарию[459]. Зб. Бжезинский выступил против поощрения евроатлантических ожиданий Украины в среднесрочной перспективе, предполагая, что подобная «сдержанность» Запада даст России сигнал о необходимости поиска компромиссов в вопросе урегулирования конфликта на Донбассе: в долгосрочной перспективе США должны вовлекать Москву в ряды «демократических государств», так же как и Украину[460]. Все же, общим моментом в выступлениях Зб. и Я. Бжезинского был акцент на санкции и демонстрацию политического единства стран Запада, невнимание к глубинными причинам конфликта на Донбассе.

В качестве механизма воздействия на принятие решений по украинской проблематике следует рассматривать экспертные дискуссии. В частности, следует отметить обсуждения на площадке Центра анализа европейской политики (г. Вашингтон). Часть мероприятий этой организации проходят при поддержке Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов. Например, Центр ежегодно осенью проводит крупное мероприятие – Форум «Стратегия США-Центральная Европа», в том числе при организационной поддержке вице-президента Конгресса Американской Полонии С. Лотарски. В 2014 году в форму участвовали помощник госсекретаря В. Нуланд, координатор санкционной политики Д. Фрид, представители аппаратов конгрессмена М. Тернера (демократ, Огайо) и сенатора Б. Микульски (демократ, Мэриленд), а также работники исследовательской службы Конгресса[461]. В 2015 году в данном мероприятии принимали участие сенатор К. Мерфи (де-

---

[459] Hearing before the Committee on Foreign Relations. United States Senate. One Hundred Thirteenth Congress. Second Session. July 9, 2014. – Washington, 2015. pp. 35-37. URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-113shrg93035/pdf/CHRG-113shrg93035.pdf

[460] Op. cit. p. 41-43

[461] CEPA U.S.-Central Europe Strategy Forum 2014, Day 1 Agenda and Participants List. URL: http://cepa.org/sites/default/files/documents/CEPA%20Forum%20Agenda-1.2014.pdf

мократ, Коннектикут), конгрессмен Э. Ройс (республиканец, Калифорния), помощник госсекретаря Р. Стенгель, командующих сухопутных сил в Европе генерал-лейтенант Б. Ходжес, сотрудники исследовательской службы Конгресса[462]. А в 2016 году на форуме выступили помощник министра обороны М. Карпентер, заместитель помощника госсекретаря Р. Дунниган, заместитель командующего по кадровой подготовке сухопутных войск США генерал-лейтенант Х. Макмастер, координатор санкционной политики Д. Фрид[463]. Тематика данных мероприятий («Возрождение атлантизма в Центральной Европе», «Холодный климат для трансатлантической безопасности», «Спасение Запада») была напрямую связана с ситуацией на Украине и «сдерживанием» России, а список участников включает как непосредственных участников выработки внешнеполитических решений, так и тех, кто эти решения подготавливает.

Вашингтонский офис Конгресса Американской Полонии также проводил самостоятельные мероприятия по тематике конфликта на Донбассе и его международных последствий. Например, в период, когда стали очевидными кандидатуры от двух крупнейших партий на пост президента США, 12-13 мая 2016 года состоялась серия встреч лидеров КАП с представителями законодательной и исполнительной власти – сенаторами Р. Дурбиным (демократ, Иллинойс) и М. Кирком (республиканец, Иллинойс), представителями Национальных комитетов Демократической и Республиканской партии, спецпредставителем президента по миграционной политике Ф. Эскобар, помощником директора по публичным коммуникациям президентской администрации К. Лирманом, директором российского направления в Совете национальной безопасности А. Маканью. В ходе нескольких приемов, панельных дискуссий и брифингов обсуждались вопросы укрепления восточного фланга НАТО и выстраивания новой архитектуры безопасности после украинского

---

[462] CEPA U.S.-Central Europe Strategy Forum 2015. Program. URL: https://cepa.ecms.pl/files/?id_plik=3045

[463] CEPA Forum 2016. Speakers. URL: http://cepaforum.org/Speakers

кризиса, то есть делались попытки определить основу для двухпартийного консенсуса[464].

В целом, элиты восточноевропейских (в том числе, польской) диаспор пытались и пытаются участвовать в обсуждении ситуации на Донбассе и в регионе в целом, предлагать возможные варианты решений, то есть участвуют в формировании повестки дня. Однако в г. Вашингтон проходит весьма интенсивный обмен мнениями по внешнеполитической проблематике, а количество площадок и «мозговых центров» достаточно велико[465]. Поэтому сложно ожидать, что вклад польской (и всех восточноевропейских) диаспор оказался решающим в принятии репрессивных мер в отношении России (а также ополченцев Донбасса) и поощрительных – в отношении Украины. Тем не менее, представители Полонии последовательно боролись за отсечение наиболее компромиссных вариантов решения проблем, а также пользовались тем, что в американской политической традиции принято прислушиваться к мнению тех, кого некоторая проблема затрагивает непосредственно. Несмотря на это, сложно выдвигать обоснованные предположения о количестве законодательных инициатив, которые возникли под влиянием вышеупомянутых мероприятий.

Как отмечено в разделе 3.1., финансовые ресурсы польской диаспоры (как и других восточноевропейских диаспор) невелики, сборы даже в пользу традиционно полонийных кандидатов собираются неохотно. Лоббистские отчеты Палаты представителей и Сената дают следующую картину. Проблематику, близкую к рассматриваемой, продвигали две лоббистские структуры. Первая фирма “Williams and Jensen, PLLC” действовала от имени коммерческих структур, которые заинтересованы, в первую очередь, в развитии торговли США и стран Восточной Европы, что отчасти предполагает и меры по повышению привлекательности государств региона (например, деэскалацию

---

[464] Polish American Congress Newsletter. Voice Your America! – Vol.3, № 3. p. 8. URL: http://www.pac1944.org/NewsLet/PAC-NL-1606.pdf

[465] Исследователи Пенсильванского университета насчитали в 2015 году около 400 «мозговых центров» по внешнеполитической проблематике в г. Вашингтон (всего по стране – 1835). Подробнее см.: 2015 Global Go To Think Tank Index Report. URL: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1009&context=think_tanks

конфликтов). Вторая структура – Объединенный американо-балтийский национальный комитет (участник Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов). Согласно отчетам, в совокупности эти лоббистские организации продвигали 6 законопроектов в 2014-2016 гг. по тематике конфликта на Донбассе, без выплаты пожертвований в пользу американских парламентариев[466].

На основе изложенных выше критериев, можно заключить следующее: из 39 проектов законов и резолюций сильная связь (совпадение по 2-3 критериям) отмечена у 10 проектов документов, слабая связь (совпадение по одному критерию) – еще 21 (см. Приложение А). Это позволяет утверждать, что структуры польской диаспоры непосредственно и с помощью более широкой коалиции (прежде всего, политических союзников из восточноевропейских диаспор) приняли активное участие в продвижении свыше четверти проектов законов и резолюций в Конгрессе по проблематике конфликта на Донбассе, а в трех четвертях случаев (31 из 39) отмечалось определенное вовлечение польской диаспоры в законодательные инициативы. Отдельного внимания заслуживает результативность этих усилий: было принято всего 2 документа, чья связанность с работой восточноевропейских диаспоральных организаций ощутима, еще один подобный законопроект был утвержден только одной из палат Конгресса. Из числа косвенно связанных проектов законов и резолюций принятыми оказались 10, а также один законопроект был одобрен только нижней палатой. В совокупности, из 39 анализируемых документов было принято 12 документов (в том числе, 9 резолюций палат Конгресса), то есть речь идет о той или иной степени воздействия польской диаспоры на все принятые в 2014-2016 гг. акты Конгресса по вопросам разрешения конфликта на Донбассе (в специфическом понимании самого конфликта и путей его урегулирования).

---

[466] Lobbying report. URL: http://disclosures.house.gov/ld/ldxmlrelease/2014/Q4/300710568.xml; Lobbying report. URL: http://disclosures.house.gov/ld/ldxmlrelease/2015/Q4/300781984.xml; Lobbying report. URL: http://disclosures.house.gov/ld/ldxmlrelease/2016/Q2/300821654.xml;

Отметим, что ситуация очень сильно изменилась в 2017 году, когда возник большой ажиотаж по поводу обвинений президента Д. Трампа в возможном «сговоре» с Россией: якобы Трамп в той или иной форме координировал действия с Москвой во время предвыборной кампании. Эти обвинения стали элементом политической стратегии Демократической партии, которая стремится ослабить легитимность действующего президента. Поэтому многие демократы, а также некоторые республиканцы (как с целью опровергнуть обвинения, так и подтвердить их) стали выдвигать различные законопроекты в отношении Украины, России, кибербезопасности. Это привело к тому, что отследить (установить выраженную связь) законопроекты, инспирированные восточноевропейскими диаспорами, стало значительно сложнее – намного чаще законопроекты выдвигались ключевыми фигурами обеих партий в Конгрессе. Кроме того, количество проектов законов и резолюций заметно выросло: в 2017-2018 гг. было предложено 52 законопроекта с «украинскими сюжетами», из которых напрямую одобрено было 4 (включая 1 резолюцию), еще 10 было включено в другие принятые документы, 6 – одобрено одной из палат Конгресса[467]. По проблематике Донбасса было внесено всего 9 проектов документов, из которых: поддержано организациями восточноевропейских диаспор (включая Конгресс Американской Полонии) – 4, внесено при участии традиционных «встроенных лоббистов» Полонии – 6[468].

Безусловно, при анализе политики США в отношении Украины необходимо принимать в расчет и действия исполнительной власти. Все же, основу санкционного режима в отношении России (а это мыслится как часть урегулирования конфликта на Донбассе) составляют указы президента США, а также бюджетные документы, в которых американским ведомствам (например, Государственному департаменту или Министерству обороны) запрещаются контакты (тем более, коммерческие взаимоотношения) с рядом россий-

---

[467] Advanced Search for Legislation. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/browse?congress=115&text=Ukraine#sort=-introduced_date/

[468] Central and East European Coalition. Policy Brief. Summer 2017. URL: http://www.ceecoalition.us/CEEC%20115th%20Congress%20Policy%20Brief%20%20%206%20July%20-%20FINAL.pdf

ских физических и юридических лиц. Фундамент режима санкций составляет указ президента № 13660 (E.O. 13660), который является основой для целого ряда подзаконных актов различных органов исполнительной власти США[469]. Эти документы не являются непосредственным результатом активности восточноевропейских диаспор, однако они были приняты в результате давления Конгресса на президента США: Б. Обаме пришлось проявлять лидерство, отстаивать значимость поста президента во внешнеполитических вопросах[470].

Таким образом, специфика влияния польской диаспоры на внешнеполитические решения США по проблемам урегулирования кризиса на Украине (в особенности, на востоке страны) заключалась в следующем. Во-первых, американской Полония в значительной степени полагалась на «встроенных лоббистов» – парламентариев, с которыми у лидеров диаспоры установились партнерские (и даже дружеские отношения) отношения. Во-вторых, лидеры польской диаспоры не побоялись работать с весьма сложным инструментарием воздействия на принятие решений через экспертные круги и обсуждения (в основном, на площадке Центра анализа европейской политики). В-третьих, Конгресс Американской Полонии тесно координировал свою деятельность с другими восточноевропейскими диаспорами, чтобы выглядеть более внушительно для заинтересованных лиц в г. Вашингтон. В-четвертых, при необходимости воздействие польской диаспоры на повестку Конгресса достаточно велико, а чем свидетельствует наличие хотя бы слабых связей у всех принятых законов и резолюций по проблематике конфликта на Донбассе. В-пятых, действия по продвижению вышеуказанной повестки осуществлялись при минимальной поддержке страны происхождения – Польши. То есть американская Полония вышла за рамки институционального треугольника «государство пребывания- диаспора-государство происхождения», действовала в значительной степени самостоятельно.

Наконец, в-шестых, влияние польской диаспоры на саму динамику конфликта можно расценить как негативное. Американская Полония вмеша-

---

[469] Демченко А. План Трампа. Вызовы во внешней политике. URL: http://lb.ua/world/2017/01/20/356374_plan_trampa_vizovi_vneshney.html

[470] Журавлёва В.Ю. Санкции США в отношении России: «умная сила» Обамы в действии // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – № 4. С. 53-63

лась в принятие решений в США на этапе эскалации конфликта, внесла вклад в формирование более резкой реакции Вашингтона на происходящее. Нет сомнений, что продвижение одностороннего подхода к урегулированию конфликта на Донбассе вряд ли приведет к установлению устойчивого мира. Однако уникальность ситуации состоит в другом: в данном случае, диаспора вовлечена в конфликт не на территории страны происхождения. То есть данный случай несколько выпадает даже из небинарного понимания международных конфликтов.

***

Польская диаспора в США эффективно использует имеющиеся у нее политические ресурс – прежде всего, организационный и структурный. Так же активно используются электоральный и дискурсивный ресурсы, но с меньшим успехом. В то же время, финансовый ресурс и помощь со стороны Польши освоены слабо, что обусловлено постепенным ростом гетерогенности американской Полонии и негибкой позицией властей в Варшаве. Однако эти недостатки компенсируются с помощью развитых политических ресурсов и сглаживаются общей направленностью диаспоры на сотрудничество со страной происхождения.

Нельзя не отметить, что американская Полония действует скорее в реактивном ключе, то есть реагирует на внешние события (введение программы безвизового въезда, кризис на Украине). Однако недостаток собственной политической (но ни в коем случае не культурной) повестки дня не так заметен на фоне ощутимого воздействия на законодателей в США – использования «встроенных лоббистов», организации экспертных дискуссий, проведения «законодательных тревог».

Заключение

Понятие диаспоры можно назвать «сущностно оспариваемым концептом», поскольку само понятие претерпевает «диаспоризацию», то есть охватывает новые или смежные явления. Тем не менее, существует определенный набор критериев диаспоры, который включает в себя следующие элементы:

- определенная динамика взаимодействия на уровне групповой и индивидуальной идентичности, которая обуславливает активное (или пассивное) участие в диаспоральных организациях и мероприятиях;

- смена государства проживания и переход к неким новым политическим условиям как стартовая точка данной динамики;

- намеренное или ненамеренное ассимиляционное давление со стороны нового государства проживания, которое подталкивает участников диаспоры к постоянной ситуации выбора между прежней идентичностью и более тесным взаимодействием с местным населением;

- наличие выраженного (но часто не слишком четкого) представления о территории происхождения, которое обуславливает стремление сохранить определенные связи (социального, экономического и, реже, политического характера) со страной «прежней жизни».

Таким образом, для анализа диаспоры как сообщества с гибридной идентичностью предпочтительно учитывать не только динамику внутри сообщества, но и социально-политический контекст, который может сдерживать или стимулировать политическую активность диаспор (например, участие в конфликтах на территории происхождения или создание представительных органов правительств в изгнании).

С точки зрения изучения мировой политики, диаспоры важны для нас из-за имеющихся у них политических ресурсов и механизмов влияния, взаимоотношений с государством пребывания и страной происхождения, а также их возможного участия в международных конфликтах в качестве «третьей стороны». Значение имеют не только традиционные политические ресурсы

(финансовый, демографический – грубо говоря, количество денег и людей), но и условно «мягкие» ресурсы, над формированием которых необходимо длительное время работать – например, наличие определенного имиджа в «принимающем» обществе.

В случае польской диаспоры США данные политические ресурсы и механизмы развивались следующим образом. В новых для себя условиях стремительно развивающегося американского общества, которое, к тому же, обладало высокой способностью «переваривать» прибывающих мигрантов, американской Полония смогла сохраниться и самоорганизоваться. Безусловно, для этого пришлось сформировать новую идентичность, в рамках которой, например, культовыми фигурами вместо Ф. Шопена и Ю. Пилсудского стали американские военачальники Т. Костюшко и К. Пуласки. Но повестке дня новые вызовы – идеологическое и экономическое расслоение, уход в прошлое этнических анклавов («маленьких Полоний»). В этих условиях, желание сохранить «польскость» (пусть и в переработанном виде) подталкивает участников диаспоры к укреплению контактов со страной происхождения – Польшей. Помимо культурных связей, большое значение приобретает способность сделать нечто полезное для страны происхождения в государстве проживания – в частности, в политической сфере.

На современном этапе отношения Польши и американской Полонии претерпели некоторые изменения, хотя многие противоречия разрешить не удалось. В силу исторических причин польская диаспора в США долгое время оставалась «безгосударственной» или, во всяком случае, полагала себя таковой. Основной поток польских мигрантов пришелся на время, когда польские земли были разделены тремя империями – Германской, Австро-Венгерской и Российской. После короткого межвоенного периода, в ходе которого завязались определенные контакты диаспоры и страны происхождения, наступила «холодная война». В среде польской диаспоры не воспринимали Польскую Народную Республику в качестве польского национального государства («никакая Республика»), так что связи Полонии и Польши были

восстановлены только после крушения биполярного международно-политического порядка. За это время американская Полония научилась действовать самостоятельно, развила институты продвижения интересов в американском обществе.

Руководство Польши на концептуальном уровне в течение последних десятилетий придерживалось концепции «заботы» о диаспоре – за исключением, Р. Сикорского, который попытался выработать новую модель взаимодействия. Концепция «заботы» подразумевает, что приоритеты в деятельности диаспоры должно определять руководство страны (прежде всего, Сената), а лидеры диаспоры должны с выбранными приоритетами соглашаться и действовать по указанным направлениям. Такой подход закладывает большой массив противоречий и взаимного непонимания в отношения Польши и американской Полонии. До открытого противостояния (в отличие от случая полонийных латиноамериканских организаций) не дошло, срабатывают сдерживающие факторы. Во-первых, польская диаспора в США сохраняет свою самостоятельность, что обусловлено относительной финансовой состоятельностью ее участников (особенно мигрантов во втором и последующих поколения). Во-вторых, в ряде случаев выбранные приоритеты совпадают с интересами диаспоры (например, включение Польши в программу краткосрочного безвизового въезда в США). Наконец, в-третьих, эффективность польской политики в отношении диаспоры невысока в силу ограниченности средств и несовершенного механизма их распределения. То есть, провозглашая концепцию «заботы» в качестве основы своих действий, Польша далеко не полностью осуществляет ее на практике.

На уровне сотрудничества с негосударственными акторами необходимо отметить набирающее обороты взаимодействий диаспоральных организаций (в основном, культурного направления) и неправительственных структур в Польше, которые частично получают государственное финансирование. Двусмысленность ситуации заключается в том, что данные неправительственные структуры выстраивают отношения не столько с традиционными

организациями диаспоры (в основном, входящими в Конгресс Американской Полонии), а с небольшими и относительно «молодыми» общественными объединениями в США.

Несмотря на вышеперечисленные проблемы в отношениях со страной происхождения, польская диаспора развила бурную деятельность. Анализ предпринимаемых действий по включению Польши в программу краткосрочного безвизового въезда в США показал, что даже в условиях ограниченности ресурсов американская Полония активно добивается положительного решения по данному вопросу. Пока недостаточно проработаны вопросы кампании в средствах массовой информации, осуществления массовых акций в поддержку продвигаемого решения (англ. grassroots lobbying), а также финансирование собственных проектов. Тем не менее, наличие устойчивой организации и электоральный вес в некоторых важных штатах (Огайо, Иллинойс, Висконсин) позволили локальным и общегосударственным объединениям польской диаспоры в США наладить тесные контакты с представителями федеральной власти (прежде всего, Конгресса) и даже сформировать группу так называемых «встроенных лоббистов».

Данное исследование показало, что у американской Полонии наиболее развиты организационный и структурный ресурсы влияния. В то же время, электоральный и финансовый ресурсы в сравнении с остальными несколько отстают. Непростая ситуация сложилась с восприятием польской диаспоры в американском обществе, поскольку сформировалось два альтернативных видения данного сообщества. Негативное видение основано на стереотипах о грубости и излишней подверженности алкоголизму, позитивное – стремится эксплуатировать образ жертвы («покоренные народы»). Организации Полонии пытаются бороться со стереотипным восприятием: в последнее время сделаны ставки на массовые развлекательные мероприятия (парады в День Казимира Пуласки, фестивали польки).

Перечисленные ресурсы польской диаспоры в США направляются на реализацию следующих масштабных политических целей:

- укрепление безопасности Польши за счет расширения НАТО на восток;

- борьба с «российской угрозой», в том числе путем сокращения сотрудничества страна Восточной Европы с Россией (например, в энергитической сфере);

- обеспечение правильного (с точки зрения Полонии) освещения истории и современной ситуации в Польше.

Особенно ярко проявили себя политические структуры польской диаспоры США по «украинском вопросу». Американская Полония продемонстрировала в 2014-2016 гг. достаточно высокую эффективность в продвижении своего видения урегулирования конфликта на Донбассе (в меньшей степени это касается 2017-2018 гг., когда антироссийская риторика стала идеологическим мейнстримом в США). Анализ законопроектов обеих палат Конгресса за 2014-2016 гг. показал, что из 39 проектов законов и резолюций сильная связь (совпадение по 2-3 критериям) была выявлена у 10 проектов документов, а слабая связь (совпадение по одному критерию) – еще в 21 случае.

Видение польской диаспоры в отношении конфликта на Донбассе заключалось и заключается в радикальном непринятии интересов России и в перенесении «форпостной модели» на Украину. Иными словами, Украина – это рубеж обороны евроатлантических стран от возможного нападения России, что означает необходимость всяческой поддержки Киева и серьезное давление на Москву. Данную позицию пришлось несколько смягчить в ходе дискуссии с политическими партнерами Полонии – другими восточноевропейскими диаспорами, однако практические рекомендации, изложенные в сводках Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов, остались де-факто прежними. Тем не менее, можно констатировать, что польская диаспора в США в вопросе продвижения своего видения урегулирования конфликта на Донбассе вышла за рамки институционального треугольника «государство происхождения-диаспора-государство пребывания»,

поскольку речь идет не о безопасности страны происхождения, а событиях в соседнем с этой страной государстве.

В то же время, военно-политические вопросы занимают не столь большое место в повестке дня польской диаспоры, как можно было ожидать. Особенно стоит отметить откровенно вялую поддержку Конгрессом Американской Полонии идеи размещения элементов ПРО США на территории Польши. Несколько большим вниманием пользуются невоенные аспекты безопасности стран Восточной Европы – в частности, информационные и энергетические. Можно предполагать, что образовавшийся «вакуум» повестке дня американской Полонии будут занимать вопросы культурных связей с Польшей, а также польские внутриполитические процессы. Такое тематическое распределение определенно свидетельствует в пользу значительной политической самостоятельности польской диаспоры в США: американская Полония не воспроизводит позицию официальной Варшавы, а если и воспроизводит, то вносит в нее значимые корректировки.

В целом, представленное исследование наглядно демонстрирует, что польская диаспора США претерпевает сложную трансформацию, сталкивается с новыми вызовами, но, при этом, продолжает весьма последовательно продвигать свою политическую повестку дня. Более того, в ряде случаев такие попытки являются успешными, а в некоторых случаях диаспора не достигает целей (например, по вопросу включения Польши в программу краткосрочного безвизового въезда). Вместе с тем, для дальнейших исследований остается множество вопросов – в частности, о роли польской диаспоры США в сформировавшей коалиции восточноевропейских диаспор (стабильна ли эта роль), о последствиях такой политической активности и об их возможном влиянии на структуру мировых политических процессов.

В то же время, необходимо отметить, что во многих отношениях характеристики влияния польской диаспоры не могут рассматриваться как универсальные. Вероятно, польская диаспора более однородна с точки зрения религиозной принадлежности и географических особенностей расселения, нежели

другие этнические и мигрантские сообщества в США. Кроме того, участие американской Полонии в коалиции восточноевропейских диаспор обусловлено схожим историческим опытом участников коалиции, которого нет у представителей других регионов мира. Наконец, отношения польской диаспоры США с государством происхождения вряд ли могут быть модельным случаем: в отличие от большинства стран мира, Польша начала выстраивать инфраструктуру отношений с диаспорой еще в первой половине XX века. Это прослеживается, в частности, в том, какой орган власти вовлечен в вопросы полонийной политики – верхняя палата парламента.

Список источников и литературы.

Официальные документы.

На английском языке.

1. H.R. 4152 (113th): Support for the Sovereignty, Integrity, Democracy, and Economic Stability of Ukraine Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr4152/text
2. H.R. 4154 (113th): Russia Visa Sanctions Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr4154/text;
3. H.R. 4278 (113th): Ukraine Support Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr4278/text;
4. H.R. 4305 (114th): Ukrainian Warfighter Assistance Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hr4305/text;
5. H.R. 5181 (114th): Countering Foreign Propaganda and Disinformation Act of 2016. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hr5181/text; H.R. 5094 (114th): STAND for Ukraine Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hr5094/text;
6. H.R. 5249 (113th): Rosoboronexport Embargo Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5249/text; H.R. 5190 (113th): Ukraine Security Assistance Act of 2014.URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5190/text;
7. H.R. 5279 (114th): Rosoboronexport Embargo Act of 2016https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hr5279/text;
8. H.R. 5315 (113th): To authorize the President to transfer certain military equipment to the Government of Ukraine, and for other purposes. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5315/text; H.R. 5859 (113th): Ukraine Freedom Support Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5859/text;
9. H.R. 5390 (113th). Donbass People's Militia Terrorist Designation Act of 2014.URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5390/text;
10. H.R. 56 (114th). Donbass People's Militia Terrorist Designation Act of 2015. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hr56/text;
11. H.R. 5782 (113th): Ukraine Freedom Support Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5782/text;

12. H.R. 5859 (113th). Ukraine Freedom Support Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hr5859/text; H.R. 634. To designate Poland as a program country under the visa waiver program established under section 217 of the Immigration and Nationality Act, subject to special conditions. URL: https://www.congress.gov/bill/109th-congress/house-bill/634/text

13. H.R. 955 (114th): To authorize assistance and sustainment to the military and national security forces of Ukraine. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hr955/text;

14. H.R.1354. JOLT Act of 2013. URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/1354;

15. H.R.1401. JOLT Act of 2015. URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/1401?q=%7B"search"%3A%5B"JOLT+Act"%5D%7D&resultIndex=6;

16. H.R.1465. To provide additional discretion to the Secretary of Homeland Security in designating countries eligible to participate in the visa waiver program under section 217 of the Immigration and Nationality Act, and for other purposes. URL: https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-bill/1465?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program

17. H.R.1543. Visa Waiver Modernization Act. URL: https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-bill/1543?q=%7B"s

18. H.R.2388. Poland Visa Waiver Act of 2017. URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/2388/text

19. H.R.2686. Visa Waiver Program Enhanced Security and Reform Act. URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2686?q=%7B"search "%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=36;

20. H.R.2954. To amend the Immigration and Nationality Act to extend the authority of the Secretary of Homeland Security to waive certain requirements under the visa waiver program for an additional 2 years. URL: https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-bill/2954?q=%7B"search "%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=51

21. H.R.3855. Visa Waiver Program Enhanced Security and Reform Act. URL: https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-bill/3855?q=%7B"search "%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5

22. H.R.490. Visa Waiver Program Enhanced Security and Reform Act. URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/490?q=%7B"search" %3A%5B; "poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=44;
23. H.R.5730. To designate Poland, Hungary, the Czech Republic, Estonia, Latvia, and Lithuania as program countries under the visa waiver program established under section 217 of the Immigration and Nationality Act. URL: https://www.congress.gov/bill/109th-congress/house-bill/5730?q=%7B"search"% 3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=13;
24. H.R.5741. JOLT Act of 2012. URL: https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-bill/5741?q=%7B"search"%3A%5B"JOLT+Act"%5D%7D&result Index=5;
25. H.Res. 122 (114th). Providing assistance to Ukraine for fulfillment of the economic, social, and government reform requirements necessary for membership eligibility to the European Union, in keeping with the will of a majority of the people of Ukraine and their Government. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hres122;
26. H.Res. 348 (114th): Supporting the right of the people of Ukraine to freely elect their government and determine their future. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hres348;
27. H.Res. 499 (113th): Condemning the violation of Ukrainian sovereignty, independence, and territorial integrity by military forces of the Russian Federation. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hres499/text;
28. H.Res. 50 (114th): Calling for the release of Ukrainian fighter pilot Nadiya Savchenko, who was captured by Russian forces in Eastern Ukraine and has been held illegally in a Russian prison since July 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hres50/text;
29. H.Res. 679 (113th): Condemning the Ukrainian separatists illegally occupying the Ukrainian city of Donetsk, and the surrounding territory, as terrorists for shooting down a civilian passenger airliner, Malaysian Airlines Flight MH17, and condemning the Government of the Russian Federation for supplying the arms. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hres679/text;
30. H.Res. 726 (113th): Strongly supporting the right of the people of Ukraine to freely determine their future, including their country's relationship with other nations and international organizations, without interference, intimidation, or coer-

cion by other countries. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hres726/text;

31. H.Res. 758 (113th): Strongly condemning the actions of the Russian Federation, under President Vladimir Putin, which has carried out a policy of aggression against neighboring countries aimed at political and economic domination. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/hres758/text;

32. H.Res. 878 (114th): Recognizing the 25th anniversary of Ukraine's act of declaration of independence from the Soviet Union. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/hres878/text;

33. H.Res.525. Urging the Secretary of Homeland Security and the Secretary of State to designate Poland as a program country under the visa waiver program established under section 217 of the Immigration and Nationality Act if Poland satisfies the requirements in subsection (c)(2) of such section. URL: https://www.congress.gov/bill/108th-congress/house-resolution/525/text?q=%7B

34. H.Res.601.Recognizing the importance of designating the Republic of Poland as a program country for purposes of the visa waiver program under section 217 of the Immigration and Nationality Act and urging the Secretary of Homeland Security and the Secretary of State to assist Poland in qualifying for such program. URL: https://www.congress.gov/bill/108th-congress/house-resolution/601/text?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=10

35. H.Res.78. Recognizing the importance of designating the Republic of Poland as a program country for purposes of the visa waiver program under section 217 of the Immigration and Nationality Act and urging the Secretary of Homeland Security and the Secretary of State to assist Poland in qualifying for such program. URL: https://www.congress.gov/bill/109th-congress/house-resolution/78?q=%7B"search"%3A%5B"poland+

36. Hearing before the Committee on Foreign Relations. United States Senate. One Hundred Thirteenth Congress. Second Session. July 9, 2014. – Washington, 2015. URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-113shrg93035/pdf/CHRG-113shrg93035.pdf

37. Hearing before the subcommitee on European Affairs of the Committee on foreign relations. One Hundred Thirteenth Congress. Second Session. April 10,

2014. – Washington, 2014. URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-113shrg91297/pdf/CHRG-113shrg91297.pdf

38. House Resolution 0269 (2006). URL: https://www.legislature.mi.gov/documents/2005-2006/resolutionadopted/House/htm/2006-HAR-0269.htm

39. Lobbying report. URL: http://disclosures.house.gov/ld/ldxmlrelease/2014/Q4/300710568.xml;

40. Lobbying report. URL: http://disclosures.house.gov/ld/ldxmlrelease/2015/Q4/300781984.xml;

41. Lobbying report. URL: http://disclosures.house.gov/ld/ldxmlrelease/2016/Q2/300821654.xml;

42. S .Res. 520 (113th): A resolution condemning the downing of Malaysia Airlines Flight 17 and expressing condolences to the families of the victims. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/sres520/text;

43. S. 2124 (113th): Support for the Sovereignty, Integrity, Democracy, and Economic Stability of Ukraine Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2124/text;

44. S. 2277 (113th): Russian Aggression Prevention Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2277/text;

45. S. 2433 (113th): Ukrainian Independence from Russian Energy Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2433/text;

46. S. 2692 (114th): Countering Information Warfare Act of 2016. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/s2692/text;

47. S. 2828 (113th): Ukraine Freedom Support Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2828/text;

48. S. 3543 (114th): STAND for Ukraine Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/s3543/text;

49. S. 452 (114th): Defense of Ukraine Act of 2015. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/s452/text;

S.1507. Visa Waiver Program Enhanced Security and Reform Acthttps://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/1507?q=% visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=9;

50. S.16. Visa Waiver Program Expansion Act of 2010. URL: https://www.congress.gov/bill/111th-congress/senate-bill/16?q=%7B"search"%

51. S.2046. Visa Waiver Program Enhanced Security and Reform Act. URL: https://www.congress.gov/bill/112th-congress/senate-bill/2046?q=%7B"search"%
52. S.2091. JOLT Act of 2015. URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/2091?q=%7B"search"%3A%5B"JOLT+Act"
53. S.223. Visa Waiver Program Enhanced Security and Reform Act. URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/223?q=%7B"search"
54. S.2233. JOLT Act. URL: https://www.congress.gov/bill/112th-congress/senate-bill/2233?q=%7B"search"%3A%5B"JOLT+Act"
55. S.2352 (113th): Russian Weapons Embargo Act of 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2352/text;
56. S.2555 (113th): A bill to require a report on military assistance to Ukraine. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2555/text;
57. S.2592 (113th): North Atlantic Energy Security Act. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2592/text;
58. S.3199. JOLT Act of 2012. URL: https://www.congress.gov/bill/112th-congress/senate-bill/3199?q=%7B"search"%3A%5B"JOLT+Act"%5D%7D&resultIndex=1;
59. S.348. A bill to designate Poland as a program country under the visa waiver program established under section 217 of the Immigration and Nationality Act, and for other purposes.URL: https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-bill/348?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=2;
60. S.3544. Visa Waiver Program Updated Framework and Enhanced Security Act of 2010. URL: https://www.congress.gov/bill/111th-congress/senate-bill/3544?q=%7B"search"%3A%5B"poland+visa+waiver+program"%5D%7D&resultIndex=50;
61. S.Res. 370 (113th): A resolution supporting the territorial integrity of Ukraine and condemning Russian military aggression in Ukraine. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/sres370/text;
62. S.Res. 378 (113th): A resolution condemning illegal Russian aggression in Ukraine. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/sres378/text;
63. S.Res. 448 (113th): A resolution expressing the sense of the Senate on the policy of the United States regarding stabilizing the currency of Ukraine. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/113/sres448/text;

64. S.Res. 52 (114th): A resolution calling for the release of Ukrainian fighter pilot Nadiya Savchenko, who was captured by Russian forces in Eastern Ukraine and has been held illegally in a Russian prison since July 2014. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/sres52/text;
65. S.Res. 68 (114th): A resolution expressing the sense of the Senate regarding the January 24, 2015, attacks carried out by Russian-backed rebels on the civilian population in Mariupol, Ukraine, and the provision of lethal and non-lethal military assistance to Ukraine. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/sres68/text;
66. S.Res. 72 (114th): A resolution expressing the sense of the Senate regarding the January 24, 2015, attacks carried out by. URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/114/sres72/text;

На польском языке

67. Baza Polonii. URL: http://bazapolonii.wspolnotapolska.org.pl/
68. Konkurs "Współpraca z Polonią i Polakami za granicą w 2015 r." – WYNIKI. URL: https://www.msz.gov.pl/resource/b27a7ba6-4e5a-4cd8-935a-ec9830488f68:JCR
69. Konkurs "Współpraca z Polonią i Polakami za granicą w 2016 r." - lista rankingowa. URL: https://www.senat.gov.pl/gfx/senat/userfiles/_public/k9/agenda/wydarzenia/2016/160229/msz_lista_rankingowa_2016.pdf
70. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. URL: ttp://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/polski/kon1.htm
71. Konsultacje polonijne Marszałka Senatu – omówienie wyników. – Warszawa: Kancelaria Senatu, 2016. URL: ttp://senat.gov.pl/gfx/senat/pl/senatopracowania/142/plik/ot_645_internet.pdf
72. Otwarcie dyskusji. Senator Tadeusz Rzemykowski. URL: http://ww2.senat.pl/k5/dok/sten/019/23.HTM#A00263
73. Prezes Kongresu Polonii Amerykańskiej Edward Moskal. http://ww2.senat.pl/k5/dok/sten/015/11.HTM#A00002
74. Rządowy program współpracy z Polonią I Polakami za granicą. URL: http://www.msz.gov.pl/resource/ad28993a-f211-4db2-8263-c655c928410b

75. Senat na rzecz Polonii 2011-2012. – Warszawa, 2012. URL: https://www.senat.gov.pl/gfx/senat/userfiles/_public/k8/polonia/inne/senat_na_rzecz_polonii__2011-2012.pdf

76. Senat VII kadencji na rzecz Polonii i Polaków za granicą. – Warszawa, 2011. URL: http://www.senat.gov.pl/gfx/senat/userfiles/_public/k8/polonia/old/senat7.pdf;

77. Sprawozdanie stenigraficzne z 13. posiędyenia Senatu Rzeczypospolitej Polskej w dniu 30 maja 2012 r. S. 73. URL: http://www.senat.gov.pl/download/gfx/senat/pl/senat_przebieg_stenogramy_pdf/23/spr_13_.pdf

78. Sprawozdanie stenigraficzne z 56. posiędyenia Senatu Rzeczypospolitej Polskej w dniach 11 i 12 czerwca 2014 r. S. 10. URL: http://www.senat.gov.pl/download/gfx/senat/pl/senat_przebieg_stenogramy_pdf/108/spr_56.pdf

79. Uchwała Nr 9. Preyzdium Senatu y dnia 23 września 2016 r. w sprawie określenia kierunków dyialań na rzech Polonii i Polaków za granicą w latach 2017-2019. URL: https://www.senat.gov.pl/download/gfx/senat/pl/defaultaktualnosci/2/9113/1/uchwala_nr_8_prezydium_senatu_z_23.09.16.pdf

80. Uchwała Senaty Ryecyzpospolirej Polskej y dnia 5 marca 1997 r. w sprawie więzi Polaków i Polonii y Macierzą. URL: http://ww2.senat.pl/k3/dok/sten/093/93uchwal.pdf

81. Wykaz jednostek oraz kwot dotacji celowych przyznanych poszczególnym jednostkom przez Prezydium Senatu w 2017 roku. URL: http://www.senat.gov.pl/gfx/senat/userfiles/_public/k9/polonia/materialy/180108.pdf

82. Wystąpienie marszałka Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej. Marszałek Marek Borowski. URL: http://ww2.senat.pl/k5/dok/sten/015/11.HTM#A00002

83. Z prac komisji senackich. 16 czerwca 1998 r. URL: http://ww2.senat.pl/K4/DOK/DIAR/17/1704.HTM#ksep

84. Zadania administracji rządowej na lata 2015-2016 w ramach realiyacji rządowego programu współpracy z Polonią i Polakami za granicą. URL: http://www.msz.gov.pl/resource/d6179b35-d929-4672-a9ca-205bf9799f38:JCR

85. Zapis stenograficzny (196). Wspólne posiedzenie Komisji Ustawodawstwa i Praworządności (21.), oraz Komisji Emigracji i Polaków za Granicą (15.) w dniu 11 kwietnia 2002 r. S. 3. URL: http://ww2.senat.pl/k5/kom/kup/2002/021up.pdf

Научная литература

86. Авдашкин А.А. «Внутренние» диаспоры как феномен отечественной исторической науки: 1989-2003 гг. // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2013. – № 4.С. 82-84.

87. Авдашкин А.А. Проблема диаспор в зарубежной и отечественной литературе: вторая половина XX – начало XXI в. // Вестник Южно-Уральского профессионального института. – 2013. – №3(12). С. 4-12.

88. Авдашкин А.А. Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №2 (357). С. 131-137.

89. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. – 2014. – №1(14). С. 4-21.

90. Алешковский И.А., Ионцев В.А. Тенденции международной миграции в современном мире // Век глобализации. – 2008. – №2. С. 77-87.

91. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

92. Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 74-78.

93. Байков А.А., Сушенцов А.А. Страновые особенности лоббизма в США и в Японии // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. №2 (23). С. 100-111.

94. Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. – М.: Аспект пресс, 2018.

95. Бондаренко Д.М. Глобальное управление и диаспоры: пример мигрантов из стран Африки и США // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 4. С. 37-48.

96. Боришполец К.П. Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами // Ежегодник ИМИ-2012. – М.: МГИМО МИД РФ, 2012. С. 79-86.

97. Боришполец К.П. Национальное измерение глобального мира. – М.: Navona, 2009.

98. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

99. Васильева В.М. Лоббизм: проблемы теоретической интерпретации // Мир и политика. – 2012. – №1 (64). С. 56-59.

100. Волкогонова О.Д. Русские в Крыму: диаспора, анклав или этническая периферия? (Разговор о терминах)// Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2009. – №4. С. 52-69.

101. Графов Д.Б. Анализ и сравнение эффективности лоббирования в США израильских и китайских групп интересов // Вестник МГИМО Университета. 2015. – № 5 (44). – С. 84-98.

102. Графов Д.Б. Политический лоббизм иностранных интересов в США. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук. М.: Дипломатическая Академия МИД России, 2015.

103. Дин Ю.И. Термин «диаспора» в российской науке и корейская община Сахалина // Ученые записки Сахалинского государственного университета. – 2013. – Вып. X. С. 161-170.

104. Дробот Г.А. Концепция неоплюрализма Филипа Керни // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2015. № 12 (311). С. 21-37.

105. Дубнов С.М. Новейшая история еврейского народа от французской революции до наших дней: В 3 Т. Т. III. Эпоха антисемитской реакции и национального движения (1881-1914) с эпилогом (1914-1938). – М.: Мосты культуры, 2002.

106. Дятлов В.И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику России // Диаспоры. – 2004. – №3. С. 126-132.

107. Евтушенко С.А. Теория трансформации территориальной структуры Дж.Дж. Рагги // Политическая наука. – 2009. – №1. С. 168-177.

108. Журавлёва В.Ю. Санкции США в отношении России: «умная сила» Обамы в действии // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – № 4. С. 53-63.

109. Зайка К.В. Диаспорические и иммигрантские сообщества // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №10. С. 74-80.

110. Зайка К.В. Модели национальной интеграции в условиях возрастающих иммиграционных потоков // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. С. 59-70.

111. Заринов И.Ю. Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии. – М.: ИЭА РАН, 2010.

112. Захарян И.Э. Современная этнокультурная диаспора: социальный капитал и этничность // Поволжский торгово-экономический журнал. – 2013. – №3. С. 124-130.

113. Зяблюк Н.Г. Общественные интересы в политическом процессе США. – М.: ИСКРАН, 2004.

114. Зяблюк Н.Г. Политический плюрализм в дискурсе американской политической науки // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 1. С. 47-69.

115. Зяблюк Н.Г. Политический плюрализм: контуры американской модели // США-Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – №5. С. 3-18.

116. Ильин М.В. Пределы государственной состоятельности стран мира // Сравнительная политика. – 2011. – Том 2, №3(5). С. 37-45.

117. Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. Изучение миграции населения // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 3-4. С. 72-80.

118. Каневский П.С., Шариков П.А. Трансформация института лоббизма в США в XXI веке и вызовы для России // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2017. – № 5 (569). С. 43-54.

119. Канукова З.В. Диаспора: функциональный анализ термина в российском историографическом контексте // Вестник Владикавказского научного центра. – 2011. – Т. II, № 4. С. 23-28.

120. Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Личность президента как фактор формирования внешнеполитической повестки дня США (некоторые итоги президентства Б. Обамы) // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. С. 125-135.

121. Касаткин П.И., Хрусталев И.М., Аватков В.А. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI в. // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 79-93.

122. Квициани Д.Д., Сущий С.Я. Диаспоры как фактор взаимоадаптации в полиэтнокультурном регионе (материалах Юга России) // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – 2009. – №2 (8). С. 74-86.

123. Ким А.С. Транснациональность диаспор: междисциплинарный анализ // Пространственная экономика. – 2006. – № 1 (05). С. 99-108.

124. Ким А.С. Этномаргинальность диаспор: социологические и культурологические основания политического исследования // Вестник ТОГУ. – 2008. – №3 (10). С. 151-162.

125. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003.

126. Козлова О.С. Понятие и роль этнической диаспоры в адаптации мигрантов // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. – 2011. – №4. С. 213-217.

127. Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. Пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

128. Косолапов Н.А. Мировая политика как явление и предмет науки (к дискуссии на страницах «Полиса» и «Международных процессов») // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 6. С. 92-109.

129. Косолапов Н.А. От территории к пространствам: политико-исторический экскурс // Транснациональные политические пространства: явление и практика / Отв. ред. М.С. Стрежнева. – М., 2011. С. 15-33.

130. Косолапов Н.А. Субъекты мировой политики и международных отношений: явления, критерии, основы типологии // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 12. С. 123-131.

131. Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. XVII , №3. С. 62-76.

132. Костяев С.С. Лоббизм мусульманских стран в США // Мировая экономика и международные отношения. – №9. – 2012. С. 90-99.

133. Култыгин В. П. Концепция социального обмена в современной социологии // Социологические исследования. – 1997. – № 5. С. 85-99.

134. Курносова Л.С. Понятие диаспоры в социологическом дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2006. – №1(5). С. 235-240.

135. Кэлдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. Пер. с англ. А. Аполлонова, М. Дондуковского. – М.: Институт Гайдара, 2015.

136. Лебедева Л.Ф., Смирнова И.К., Щербина А.В. США в международной миграции населения в начале XXI века // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – № 12. С. 53-62.

137. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 1. С. 38-42.

138. Лебедева М.М. Мировая политика: тенденции развития // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 4. С. 72-83.

139. Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 1. С. 99–108.

140. Лебедева М.М. Система политической организации мира: "Идеальный шторм" // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – №2(47). С. 125-133.

141. Лозанский Э.Д. Этносы и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. – М.: Международные отношения, 2004.

142. Лопарев А.В., Яценко И.А. Этнополитические процессы в России и проблема глобальной диаспоризации мира // Власть. – 2011. – №3. С. 119-123.

143. Лошкарёв И.Д. К вопросу об агентах этнического лоббизма во внешней политике США // Право и управление. XXI век. – 2015. – №3 (36). С. 148-152.

144. Лошкарёв И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – №2 (41). С. 120-126.

145. Малахов В.С. Аллохтоны и автохтоны: мигранты как субъект социального (взаимо)действия // Полис. Политические исследования. – 2015. – №1. С. 111-125.

146. Мартыненко В.В., Мартыненко С.В. Миграция и развитие: поиск общего знаменателя // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2014. – №8 (118). С. 19-24.

147. Микешина Л.А. Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности научного знания // Эпистемология & философия науки. – 2014. – №1. С. 60-78.

148. Милитарев А.Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниций) // Диаспоры. – 2005. – № 3. С. 8-18.

149. Мукомель В.И. Молдавские мигранты в России: отношение к диаспорным институциям в контексте структуры идентичностей // Диаспоры в современном мире: региональный контекст и потенциал для устойчивого развития страны происхождения. Материалы международной научной конференции. Кишинев: Международная организация по ми-грации, миссия в Молдове, 2018. С. 269-277.

150. Мукомель В.И. Вызовы политики адаптации и интеграции мигрантов // Этнопанорама. – 2011. – № 3-4. – С. 30-35.

151. Назарчук А.В. Этнические сети в глобальном обществе // Личность. Культура. Общество. – 2011. – Том XIII, Вып. 3 (№№65-66). С. 165-171.

152. Никольская Г.К. Иммиграционная политика США в начале XXI века // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 5. С. 93-102.

153. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. Пер. с англ. М.: ФЭИ, 1995.

154. Осепян А.К. Концепты и характеристики диаспоры в классическом и современном виде // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – №7 (156). С. 68-76.

155. Павроз А.В. Группы интересов в системе политического представительства: современные тенденции // ПОЛИТЭКС. – 2013. – Т.9, №3. С. 263-271.

156. Паин Э. А. О природе процесса этнического и религиозного возрождения // Ценности и смыслы. – 2010. – № 5 (8). С. 33-49.

157. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. №4 (13).С. 91-97.

158. Парк Р.Э. Избранные очерки: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Orд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2011.

159. Паршин П.Б. Приключения мягкой силы в мире коммуникативных технологий (прекраснодушные заметки) // Soft Power, мягкая сила, мягкая

власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография / Сост. и ред. Е.Г. Борисова. – М.: ФЛИНТА, 2015. С. 11-29.

160. Печатнов В.О. Поляризованная Америка // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – №2. С. 282-293.

161. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. – М.: Международные отношения, 2012.

162. Пожидаева М.А. К социальному осмыслению понятия «диаспора» // Государство, общество, наука: горизонты развития. Материалы Международной молодежной конференции, приуроченной к симпозиуму им. Т.И. Заславской “Социальные вызовы экономическому развитию”. – Новосибирск: Сиюирский институт управления- филиал РАНХиГС, 2014. С. 242-244.

163. Полоскова Т.В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. – М.: Научная книга, 1999.

164. Попков В.Д. «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. – 2002. – №1. С. 6-22.

165. Попков, В.Д. Диаспорная община – модель отношений этнических мигрантов с принимающим обществом // Диаспоры. – 2003. – № 3. С. 126–153.

166. Потемкина О.Ю. Миграционный кризис в ЕС: роль стран Вишеградской группы // Современная Европа. – 2015. – № 6 (66). С. 36-45.

167. Потемкина О.Ю. Миграционный кризис и политика Европейского Союза // Актуальные проблемы Европы. – 2016. – № 4. С. 38-60.

168. Прохоренко И.Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. – М.: ИМЭМО РАН, 2015.

169. Рассолько И.Д. Перспективы применения понятий «диаспора» и «диаспоральность» в социологическом анализе // Социология. – 2012. – №2. С. 122-129.

170. Самуйлов С.М., Графов Д.Б. Конгресс, лоббисты, группы интересов и проблемы коррупции // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – № 9 (537). С. 21-36.

171. Семененко И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – Т. 59, № 11. С. 91-102

172. Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. – 2000. – №2. С. 64-74.

173. Симонян Р.Х. Российская диаспора в странах Балтии //Свободная мысль. – 2002. – № 10. С. 35-48.

174. Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Новые варяги (российская диаспора в странах Балтии) // Вопросы экономики. – 2003. –№ 2. С. 78-86.

175. Согрин В.В. Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011.

176. Соловьева А.Н. Культура «своя» и «чужая»: проблемы объективизации в научном и политическом дискурсах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – №3. С. 67-71.

177. Спорышев П.П. Диаспора: феномен и понятие (к проблеме выработки политологического подхода) // Экономические стратегии. – 2009. – №3. С. 122-127.

178. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. – 2000. – №2. С. 43-63.

179. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 1996. – № 12. С. 33-42.

180. Травкина Н.М. США: партии, политика, бюджет. – М.: Наука, 2008.

181. Третьяков В. Конец диаспор? (Обзор журнала “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”) // Новое литературное обозрение. – 2014. – №3 (127). С. 49-61.

182. Троицкая О.В. Управление миграцией и безопасность: опыт развитых стран // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 4. С. 97-112.

183. Фадеичева М.А. Диаспора и состояние этнического индивида //Диаспоры. – 2004. – № 2. С. 140-154.

184. Харкевич М.В. Государство и формы политического управления в современной мировой экономике // Метаморфозы мировой политики: коллект. монография / Под общ. ред. М.М. Лебедевой. – М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 210-230.

185. Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики // Обозреватель-Observer. – 2013. – №9. С. 5-17.

186. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: науч. изд. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2017.
187. Шаклеина Т.А. Эволюция глобальной стратегии США // Вестник Московского университета. Серия Международные отношения и мировая политика. – 2011. – №3. С.35-58.
188. Шнирельман В.А. Мифы диаспоры // Диаспоры. – 1999. – №2-3. С. 6-33.
189. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое изд-во, 2006.

На польском языке

190. Adamczyk N. Znaczenie amerykańskiej tarczy antyrakietowej dla bezpieczeństwa narodowego Polski // Bezpieczeństwo. Teoria i Praktyka. – 2014. – № 2 (XV). S. 39-50
191. Babiński G., Polonia w USA na tle przemian amerykańskiej etniczności. – Kraków: Oficyna Wydawnicza AFM, 2009.
192. Bromboszcz M. Polonia w Kolorado // Państwo i Społeczeństwo. – 2004. – №3. S. 61-71
193. Cenckiewicz S. Dokumenty i relacje: Geneza Towarzystwa Łączności z Polonią Zagraniczną „Polonia" // Pamięć i Sprawiedliwość. Pismo naukowe poświęcone historii najnowszej. – 2002. – №1. S. 161-168.
194. Chodubski A. Polacy a tendencje migracyjne świata // Przegląd Polsko-Polonijny. – 2011. – № 1. S. 27-39.
195. Chodubski A. Rola elit w środowiskach polonijnych // Funkcje i zadania elit w środowiskach polonijnych. Pod. red. J. Knopka. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2006. S. 13-32.
196. Chodubski A. Wektory współczesnych przeobrażeń życia kulturowego Polonii amerykańskiej // Studia Gdańskie. Wizje i rzeczywistość. – 2011. – T. VIII. S. 9-29
197. Figna A., Krawczyk P. Atrakcyjność inwestycyjna Polski // Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu. – 2011. – № 221. S. 292-301.

198. Fiń A. Współczesna polska emigracja w Stanach Zjednoczonych: skala, rozmieszczenie przestrzenne, przyczyny wyjazdów // Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny. – 2014. – №2. S. 105-130

199. Fiń A., Nowak W. Między absencją a zaangażowaniem. Diaspora polska wobec organizacji polonijnych (Komunikat z badań)// Studia Migracyjne-Przegląd Polonijny. – 2015. – №2 (156). S. 145-164

200. Górecki D. Opieka Senatu RP nad Polonią i Olakami za granicą // Przegląd Polsko – Polonijny. – 2011. – №1. S. 71-83

201. Kraszewski P. Polityka PRL wobec Polonii // Przegląd Polsko – Polonijny. – 2011. – №1. S. 41-58

202. Kubiak H., Wiatr J. Tendencje dominujące procesu formowania się i przeobrażeń Polonii amerykańskiej // Polonia amerykańska. Przeszłość i współczesność. Red. H. Kubiak, E. Kusielewicz, T. Gromada. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988. S. 757-809

203. Malendowicz P. Misja polonijnych katolickich środków komunikowania Stanach Zjednoczonych w dobie globalizacji i unifikującego się świata // Studia Polonijne. – 2010. – T. 31. S. 125-145

204. Malendowicz P. Polonia amerykańska wobec członkostwa Polski w NATO i Unii Europejskiej // Rocznik Integracji Europejskiej. – 2013. – № 7. S.168-182.

205. Oświecimski K. Lobby etniczne a polityka zagraniczna USA – wybrane przykłady. – Kraków: Akademia Ignatianum, 2014.

206. Polityka zagraniczna i bezpieczeństwa Polski (po 1989 roku). Pod red.E. Cziomera. – Kraków: Oficyna Wydawnicza AFM, 2015.

207. Polska diaspora. Red. nauk. A. Walaszek. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2001.

208. Walewander E. Kościół a Polonia i Polacy w świecie // Studia Polonijne. – 2008. – T. 29. S. 35-44.

209. Wasilewski K. Opieka nad Polonią i emigracją po 1989 roku // Przegląd Polsko-Polonijny. – 2011. – № 1. S. 59-70.

210. Wojdon J. Obraz Polonii amerykańskiej w polskiej prasie po roku 1989// Studia Migracyjne-Przegląd Polonijny. – 2013. – №3 (149). S. 189-212

На английском языке

211. Abell N.A. The impact of international migration on security and stability // Canadian Foreign Policy Journal. – 1996. – Vol. 4, №1. pp. 83-109

212. Adamson F.B. Crossing Borders: International Migration and National Security // International Security. – 2006. – Vol. 31, № 1. pp. 165-199

213. Adamson F.B., Demetriou M. Remapping the Boundaries of "State" and "National Identity": Incorporating Diasporas into IR Theorizing // European Journal of International Relations. – 2007. – № 13 (4). pp. 489-526

214. Amin S. Ending the Crisis of Capitalism Or Ending Capitalism? Translated by V. Bawtree. – Cape Town, Dakar, Nairobi and Oxford: Pambazuka Press, 2011.

215. Anthias F. Evaluating ‘Diaspora’: Beyond Ethnicity? // Sociology. – 1998. – 32, №3. pp. 557–80

216. Armstrong J.A. Mobilized and Proletarian Diasporas // The American Political Science Review. – 1976. – Vol. 70, No. 2. pp. 393-408

217. Auten B.J. Political Diasporas and Exiles as Instruments of Statecraft // Comparative Strategy. – 2006. – Vol. 25, №4. pp. 329-341

218. Baser B., Swain A. Diasporas as peacemakers: third party mediation in homeland conflicts // International Journal on World Peace. – 2008. – Vol. 25, No. 3. pp. 7-28

219. Bauböck R. Cold constellations and hot identities: Political theory questions about transnationalism and diaspora (Chapter 15) // Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods / Edited by R. Bauböck and Th. Faist. – Amsterdam, 2010. pp. 295-321

220. Baumgartner F.R., Leech B.L. Basic Interests: The Importance of Groups in Politics and in Political Science. – Princeton : Princeton University Press, 1998.

221. Bercovitch J. A neglected relationship: Diasporas and conflict resolution // Diasporas in conflict: peace-makers or peace-wreckers? / Ed. by H. Smith and P. Stares. – Tokyo, New York, Paris: United Nations University Press, 2007. pp. 17-38

222. Bernhagen P. When Do Politicians Listen to Lobbyists (and Who Benefits When They Do)? European Journal of Political Research. 2013. № 52. pp. 20-43

223. Binkowski D. The Untold Story of Senator Wilkowski // Polish American Studies. – 1995. – Vol. 52, № 1., pp. 71-88

224. Biswas S. Globalization and the Nation Beyond: The Indian-American Diaspora and the Rethinking of Territory, Citizenship and Democracy // New Political Science. – 2005. – Vol.27, №1. pp. 43-67

225. Blejwas S. Polonia and politics // Polish Americans and their history: community, culture, and politics. Ed. by J.J. Bukowczyk. – Pittsburgh, 1996. pp. 121-151

226. Bréant H. What if diasporas didn't think about development?: a critical approach of the international discourse on migration and development // African and Black Diaspora: An International Journal. – 2013. – Vol. 6, №2. pp. 99-112

227. Brinkerhoff J.M. Diasporas and conflict societies: conflict entrepreneurs, competing interests or contributors to stability and development? // Conflict, Security & Development. – 2011. – №11 (2). pp. 115-143

228. Brubaker R. Accidental Diasporas and External 'Homelands' in Central and Eastern Europe: Past and Present // Transnationalism: Diasporas and the Advent of a New (Dis)order. Ed. by Ben-Rafael E. and Sternberg Y. – Leiden and Boston: Brill, 2009. pp. 461-482

229. Brubaker R. The 'Diaspora'Diaspora // Ethnic and Racial Studies. – 2005. – №28 (1). pp. 1-19

230. Bukowczyk J.J. Making Polonia – From Many Ones? Or Many? Or None? Problematizing Polish-American Identity // The Polish Review. – 2011. – Vol. 56, № 3. pp. 187-206

231. Bukowczyk J.J. Polish American, Ethnicity and Otherness // The Polish Review. – 1998. – Vol. 43, № 3. pp. 299-313

232. Bulowczyk J.J. The Big Lebowski Goes To the Polish Wedding: Polish Americans – Hollywood Style // The Polish Review. – 2002. – Vol. 47, № 2. pp. 211-230

233. Butler K.D. Defining Diaspora, Refining a Discourse // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 2001. – Vol. 10, №2. pp. 189-219

234. Byman D., Chalk P., Hoffman B., Rosenau W., Brannan D. Trends in Outside Support for Insurgent Movements. – RAND, 2001.

235. Cerny P.G. Rethinking world politics: a theory of transnational neopluralism. – Oxford: Oxford University Press, 2010.

236. Clifford J. Diasporas // Cultural Anthropology. – 1994. – Vol. 9, №3. pp. 302-338

237. Cochrane F., Baser B., Swain A. Home Thoughts from Abroad: Diasporas and Peace-Building in Northern Ireland and Sri Lanka // Studies in Conflict & Terrorism. – 2009. – № 32(8). pp. 681-704

238. Cohen R. Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers // International Affairs. – 1996. – Vol. 72, №3. pp. 507-520

239. Cohen R. Global Diasporas: An Intoduction. 2nd ed. – London&New York: Routledge, 2008.

240. Cox R.W. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Millennium - Journal of International Studies. – 1981. – Vol. 10, №2. pp. 126-155

241. Cygan M.E. Inventing Polonia: Notions of Polish American Identity, 1870–1990 // Prospects. – 1998. – Vol. 23. pp 209-246

242. Datta K. Transforming South–North Relations? International Migration and Development // Geography Compass. – 2009. – № 3/1. pp. 108–134

243. Davidson L. Foreign Policy, Inc.: Privatizing America's National Interest. Lexington: University Press of Kentucky, 2008.

244. Delano A., Gamlen A. Comparing and theorizing state-diaspora relations // Political Geography. – 2014. – №41. pp. 43-53

245. Demmers J. Diaspora and Conflict: Locality, Long-Distance Nationalism, and Delocalisation of Conflict Dynamics // The Public. – 2002. – № 9(1). pp. 85-96

246. Diasporas. Concepts, Intersections, Identities. Ed. by K. Knott, S. McLoughlin. – London-New York, 2010.

247. Dufoix S. Diasporas. With a foreword by R. Waldinger; translated by W. Rodarmor. – Berkeley&Los Angeles: University of California Press, 2008.

248. Erdmans M.P. Immigrants and Ethnics: Conflict and Identity in Chicago Polonia // The Sociological Quarterly. –1995. – Vol. 36, № 1. pp. 175-195

249. Esman M.J. Diasporas in the contemporary world. Cambridge&Malden: Polity Press, 2009.

250. Fair C.C. Diaspora Involvement in insurgencies: Insights from the Khalistan and the Tamil Eelam Movements // Nationalism and Ethnic Politics. – 2005. – № 11 (1). pp. 125-156

251. Faist T. Migrants as Transnational Development Agents: An Inquiry into the Newest Round of the Migration–Development Nexus // Population, Space and Place. – 2008. – №14. pp. 21–42

252. Gamlen A. Diaspora Institutions and Diaspora Governance // International Migration Review. – 2014. – Vol. 48, № S1. pp. 180-217

253. Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. – London: Verso, 1993.

254. Gilroy P. 'There Ain't no Black in the Union Jack': the Cultural Politics of ‘Race’ and Nation. – London: Hutchinson, 1987.

255. Gleditsch K.S. Transnational Dimensions of Civil War // Journal of Peace Research. – 2007. – Vol. 44, № 3. pp. 293–309

256. Goldstein K.M. Interest groups, lobbying, and participation in America. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

257. Gorman R.F. Classical Diasporas of the Third Kind: The Hidden History of Christian Dispersion // Journal of Refugee Studies. – 2011. – Vol. 24, No. 4. pp. 635-654

258. Gory D. United States congressional Districts containing the largest concentrations of Polish Americans // The Polish Review. – 1996. – Vol. 41, No. 2. pp. 205-210

259. Haglund D.G., McNeil-Hay T. The ‘Germany Lobby’ and US Foreign Policy: What, if Anything, Does It Tell Us about the Debate over the ‘Israel Lobby’? // Ethnopolitics: Formerly Global Review of Ethnopolitics. – 2011. – Vol. 10, № 3-4. pp. 321-344

260. Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Identity: Community, Culture, Difference. Ed. by J. Rutherford. – London: Lawrence and Wishart, 1990. pp, 222-237

261. Harmes A. Neoliberalism and Multilevel Governance // Review of International Political Economy. – 2006. – Vol. 13, №3. pp. 725-749

262. Heimreich S. Kinship, Nation and Paul Gilroy’s Concept of Diaspora // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1992. – Vol. 2, №2. pp. 242-249

263. Heisler M.O. Now and Then, Here and There: Migration and the Transformation of Identities, Borders, and Orders // Identities, borders, orders : rethinking international relations theory / Ed. by M. Albert, D. Jacobson, Y. Lapid. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001. pp. 225-247

264. Hiller H.H. New ties, old ties and lost ties: the use of the Internet in diaspora // New Media&Society. – 2004. – №6(6). pp. 731-752

265. Hogg M.A, Smith. J.R. Attitudes in social context: A social identity perspective // European Review of Social Psychology. – 2007. – № 18 (1). pp. 89-131

266. Hollis M., Smith S. Beware of Gurus: Structure and Action in International Relations // Review of International Studies. – 1991. – Vol. 17, No. 4, pp. 393-410

267. Homans G.C. Social Behavior as Exchange // American Journal of Sociology. – 1958. – Vol. 63, № 6.pp. 597-606

268. Huntington S. P. The Erosion of American National Interests // Foreign Affairs. – 1997. – №76(5). pp. 28-49

269. Jackson D. J. "Another Polka Rockin' Weekend": Polish American Polka Music, Identity, and Traditional Values // Polish American Studies. – 2014. – Vol. 71, № 1. pp. 37-52

270. Jaroszynska-Kirchmann A.D. The Exile Mission: The Polish Political Diaspora and Polish Americans, 1939-1956. – Ohio University Press, 2009.

271. Johnson N.C. Global Journeys: From Transnationalism to Diaspora // Journal of International and Global Studies. – 2012. – Vol. 4, №1. pp. 41-58

272. Josselin D., Wallace W. Non-State Actors in World Politics: A Framework. Non-State Actors in World Politics // Ed. by D. Josselin and W. Wallace. New York: Palgrave, 2001. pp.1-20

273. Keck M.E., Sikkink K. Activist beyond borders: Advocacy Networks in International Politics. Cornell University Press, 1998.

274. Kersh R. State Autonomy & Civil Society: The Lobbyist Connection. Critical Review // A Journal of Politics and Society. – 2000. – Vol.14, № 2-3. pp. 237-258

275. Koinova M. Diasporas and democratization in the post-communist world // Communist and Post-Communist Studies. – 2009. – № 42. pp. 41-64

276. Koinova M. Diasporas and secessionist conflicts: the mobilization of the Armenian, Albanian and Chechen diasporas // Ethnic and Racial Studies. – 2011. – Vol. 34, № 2. pp. 333-356

277. Kostyaev S.S. Russian lobbying in the United States: stages of evolution // Journal of Public Affairs. – 2012. – Vol. 12, № 4. pp. 279–292

278. Krasner S.D. Power politics, institutions, and transnational relations// Bringing Transnational Relations Back In. Non – State Actors, Domestic Structures and

International Institutions. Ed. by T. Risse-Kappen. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. pp. 257-279

279. Krasner S.D. Sovereignty. Organized Hypocrisy. – Princeton: Princeton University Press, 1999.

280. Kroenig M., McAdam M., Weber S. 2010. Taking Soft Power Seriously // Comparative Strategy. – 2010. – № 29 (5). pp. 412-431

281. Kunz R. The Discovery of the Diaspora // International Political Sociology. – 2012. – №6 (1). pp. 103-106

282. Levitt P. Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion // International Migration Review. – 1998. – Vol. 32, № 4. pp. 926-948

283. Levitt P., Jaworsky B.N. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends // Annual Review of Sociology. – 2007. – Vol. 33. pp. 129-156

284. Lin, W.-Y., Song, H., & Ball-Rokeach, S.J.. Localizing the Global: Exploring the Transnational Ties That Bind in New Immigrant Communities // Journal of Communication. – 2010. – №60(2). pp. 205-229

285. Linklater A. Critical international relations theory: citizenship, state and humanity. – New York, Routledge, 2007.

286. Lyons T., Mandaville P. Think Locally, Act Globally: Toward a Transnational Comparative Politics // International Political Sociology. – 2010. – № 4. pp. 124–141

287. McCormick J.M. Ethnic Interest Group in American Foreign Policy. In: The Domestic Sources of American Foreign Policy: Insights and Evidence. Ed. by J.M. McCormick. 6th ed. New York: Rowman&Littlefield Publishers, INC, 2012. pp. 67-87

288. McNevin A. Irregular migrants, neoliberal geographies and spatial frontiers of ‘the political’ // Review of International Studies. – 2007. – Vol. 33, №4. pp. 655-674

289. Mearsheimer J.J., Walt S.M. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007.

290. Mistry D. The India Lobby and the Nuclear Agreement with India // Political Science Quarterly. – 2013. – Vol.128, № 4. pp.717-746

291. Naujoks D. Diasporic Identities—Reflections on Transnational Belonging // Diaspora Studies. – 2010. – Vol. 3, №1. pp. 1-21

292. Ndhlovu F. A decolonial critique of diaspora identity theories and the notion of superdiversity // Diaspora Studies. – 2016. – Vol. 9, №1. pp. 28-40

293. Newhouse J. Diplomacy, Inc.: The Influence of Lobbies on U.S. Foreign Policy // Foreign Affairs. – 2009. – Vol. 88, № 3. pp. 73-92

294. Nye J.S. Soft power: the means to success in world politics. – New York: Public Affairs, 2004.

295. Nye J.S., Keohane R.O. Transnational Relations and World Politics: An Introduction // International Organization. – 1971. – Vol. 25, No. 3. pp. 329-349

296. Ogden C. Diaspora Meets IR's Constructivism: An Appraisal // Politics. – 2008. – Vol. 28, №1. pp. 1–10

297. Onea T. Putting the 'Classical' in Neoclassical Realism: Neoclassical Realist Theories and US Expansion in the Post-Cold War // International Relations. – 2012. – №26(2). pp. 139–164

298. Ozkirimli U. Theories of nationalism: a critical introduction. – Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2010.

299. Pellerin H., Mullings B. The ‘Diaspora option’, migration and the changing political economy of development // Review of International Political Economy. – 2013. – № 20 (1). pp. 89-120

300. Perez A.D., Hirschman C. The Changing Racial and Ethnic Composition of the US Population: Emerging American Identities // Population and Development Review. – 2009. – Vol. 35, №1, pp. 1–51

301. Pienkos D.E. Polish Americans in Congressional Politics: Assets and Constraints // The Polish Review. – 2003. – Vol. 48, № 2. pp. 185-194

302. Portes A. Conclusion: Towards a new world – the origins and effects of transnational activities // Ethnic and Racial Studies. – 1999. – Vol. 22, №2. pp. 463-477

303. Portes A., Escobar C., Radford A.W. Immigrant Transnational Organizations and Development: A Comparative Study // International Migration Review. – 2007. – Vol. 41, №1. pp. 242-281

304. Pula J.S. Polish Americans: An Ethnic Community. – New York: Twayne Publishers, 1995.

305. Ragazzi F. A comparative analysis of diaspora policies // Political Geography. – 2014. – №41. pp. 74-89

306. Ripsman N.M. Neoclassical realism and domestic interest groups // Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy. Ed. by S.E. LobeII, N.M. Ripsman and J.W. Taliaferro. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. pp. 170-193

307. Risse Th. Transnational Actors and World Politics. Handbook of International Relations / Ed. W. Carlsnaes, T.Risse and B. Simmons. London: Sage, 2002. pp. 255-274

308. Rokicki J. National Symbols Restructured: The Polish Ethnic Group in the United States of America // Polish American Studies. – 1990. – Vol. 47, № 2. pp. 87-99

309. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. – 1998. – Vol. 51,№ 1., pp. 144-172

310. Rosenau J.N. Along the domestic-foreign Frontier: exploring governance in a turbulent world. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

311. Rosenau J.N. The Study of World Politics. Volume 2: Globilization and Governance. – London&New York: Routledge, 2006.

312. Rothman S.B. Revising the soft power concept: what are the means and mechanisms of soft power? // Journal of Political Power. 2011. №4 (1). pp. 49-64

313. Ruggie J.G. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // International Organization. – 1993. – Vol. 47, № 1. pp. 139-174

314. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1991. – №1 (1). pp. 83–99

315. Safran W. The Jewish Diaspora in a Comparative and Theoretical Perspective // Israel Studies. – 2005. – №10 (1). pp. 36-60

316. Sassen S. Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization. – New York: Columbia University Press, 1996.

317. Shain Y. Marketing the Democratic Creed Abroad: US Diasporic Politics in the Era of Multiculturalism // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1994. – Vol. 3, №1. pp. 85-111

318. Shain Y., Barth A. Diasporas and International Relations Theory // International Organization. – 2003. – Vol. 57, No. 3. pp. 449-479

319. Sheffer G. Diaspora Politics: At Home Abroad. – New York: Cambridge University Press, 2003.

320. Shuval J.T. Diaspora Migration: Definitional Ambiguities and a Theoretical Paradigm // International Migration. – 2000. – Vol. 38 (5). pp. 41-57

321. Sikkink K. Patterns of Dynamic Multilevel Governance and the Insider-Outsider Coalitions. In.: Transnational Protest and Global Activism. Eds. D. della Porta, S. Tarrow. – New York: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2005. pp. 151-173

322. Sil R., Katzenstein P.J. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions// Perspectives on Politics. – 2010. – Vol. 8, № 2. pp. 411-431

323. Simi M. Hybridity, Co-Optation, Subversion Theorizing Diaspora in the Context of Postmodernism and Globalization // Diaspora Studies. 2007. – №1(1). pp.1-15

324. Singer J.D. The level-of-analysis problem in international relations // World Politics. – 1961. – №14(1). pp.77-92

325. Smith T. Foreign Attachments: The Power of Ethnic Groups in the Making of American Foreign Policy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.

326. Tarrow S. Transnational Politics: Contention and Institutions in International Politics // Annual Review of Political Science. – 2001. – Vol. 4. pp.1-20

327. Temby O. What are levels of analysis and what do they contribute to international relations theory? // Cambridge Review of International Affairs. – 2015. – Vol.28,№4. pp. 721-742

328. Therwath I. Cyber-hindutva: Hindu nationalism, the diaspora and the Web // Social Science Information. – 2002. – №51(4). pp. 551–577

329. Tölölyan K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1996. – Vol.5, № 1. pp. 3-36

330. Tölölyan K. The American Model of Diasporic Discourse // Diasporas and Ethnic Migrants: Germany, Israel and post-Soviet Successor States In Comparative Perspective / Ed. by R. Münz and R. Ohliger. – London, Portland: Frank Cass, 2003. pp. 50-66

331. Tsygankov A.P. Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy. – New York: Palgrave Macmillan, 2009.

332. Varadarajan L. The domestic abroad: diasporas in international relations. – New York&Oxford: Oxford University Press, 2010.

333. Vertovec S. Migration and Other Sides of Transnationalism: Towards Conceptual Cross-Fertilization // International Migration Review. – 2003. – Vol. 37, №3. pp. 641-665

334. Vertovec S. Three Meanings of Diaspora: Exemplified Among South Asian Religions // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1997. – Vol. 6, №3. pp. 277-299

335. Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

336. Walt S. M. Taming American Power // Foreign Affairs. – 2005. – №84(5). pp.105-120

337. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. – 1992. – Vol. 46, № 2. pp. 391-425

338. Yurdusev N. “Level of analysis” and “unit of analysis”: a case for distinction // Millennium: Journal of International Studies. – 1993. – Vol. 22, №1. pp.77-88

Интернет-ресурсы

339. Демченко А. План Трампа. Вызовы во внешней политике. URL: http://lb.ua/world/2017/01/20/356374_plan_trampa_vizovi_vneshney.html (дата обращения: 1.09.2018)

340. Лоббизм 2016: рейтинги реального влияния. URL: http://american-studies.org/wp-content/uploads/2016/12/Lobbizm-2016.pdf (дата обращения: 1.09.2018)

341. 2015 Global Go To Think Tank Index Report. URL: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1009&context=think_tanks (accessed: 1.09.2018)

342. 2016 - 28 Festiwal Filmu Polskiego w Ameryce (Polish Film Festival in America - PFFA) 4-20 listopada – Chicago. URL: http://www.fundanike.nazwa.pl/index.php?option=com_content&task=view&id=376&Itemid=124 (accessed: 1.09.2018)

343. About CEPA. URL: http://cepa.org/about-cepa (accessed: 1.09.2018)

344. As political winds change, supporters wait to see if Hochul gets appointment. URL: http://ampoleagle.com/as-political-winds-change-supporters-wait-to-see-if-hochul-gets-appointmen-p1519-97.htm (accessed: 1.09.2018)

345. Barbara Piasecka-Johnson nie żyje. Zmarła najbogatsza Polka http://www.se.pl/wiadomosci/polska/barbara-piasecka-johnson-nie-zyje-zmara-najbogatsza-polka_315805.html (accessed: 1.09.2018)
346. Baza organizacji i instytucji polskich i polonijnych za granicą. URL: http://stat.gov.pl/download/gfx/portalinformacyjny/pl/defaultaktualnosci/5735/2/1/3/polonia_inorg_1.4_2016.xlsx (accessed: 1.09.2018)
347. Bilateral Remittance Matrix 2010. URL: http://pubdocs.worldbank.org/pubdocs/publicdoc/2015/9/895701443117529385/Bilateral-Remittance-Matrix-2010.xlsx (accessed: 1.09.2018)
348. Bilateral Remittance Matrix 2011. URL: http://pubdocs.worldbank.org/pubdocs/publicdoc/2015/9/919711443117529856/Bilateral-Remittance-Matrix-2011.xlsx (accessed: 1.09.2018)
349. Bilateral Remittance Matrix 2012. URL: http://pubdocs.worldbank.org/pubdocs/publicdoc/2015/9/106901443117530403/Bilateral-Remittance-Matrix-2012.xlsx (accessed: 1.09.2018)
350. Bilateral Remittance Matrix 2013. URL: http://pubdocs.worldbank.org/pubdocs/publicdoc/2015/9/103071443117530921/Bilateral-Remittance-Matrix-2013.xlsx (accessed: 1.09.2018)
351. Bilateral Remittance Matrix 2014. URL: http://pubdocs.worldbank.org/pubdocs/publicdoc/2015/10/936571445543163012/bilateral-remittance-matrix-2014.xlsx (accessed: 1.09.2018)
352. Bilateral Remittance Matrix 2015. URL: http://www.knomad.org/docs/Migration_Development/bilateralremittancematrix2015_Oct2016.xlsx (accessed: 1.09.2018)
353. Bill Designating Poland into Visa Waiver Program. URL: http://www.pac1944.org/news/2006/visawaiver0406.htm (accessed: 1.09.2018)
354. Building A Majority PAC. 2016 PAC Summary Data. URL: https://www.opensecrets.org/pacs/lookup2.php?cycle=2016&strID=C00412221 (accessed: 1.09.2018)
355. Building A Majority PAC. URL: https://www.opensecrets.org/pacs/pacgot.php?cycle=2016&cmte=C00412221 (accessed: 1.09.2018)
356. Calculation of the Adjusted Visa Refusal Rate for Tourist and Business Travelers Under the Guidelines of the Visa Waiver Program. URL:

https://travel.state.gov/content/dam/visas/Statistics/Non-Immigrant-Statistics/refusalratelanguage. pdf (accessed: 1.09.2018)

357. Central and East European Coalition. Policy Brief. Fall 2011. URL: http://www.ceecoalition.us/CEEC%202011CEECPolicyPaperFallEd.pdf (accessed: 1.09.2018)

358. Central and East European Coalition. Policy Brief. Fall 2014. URL: http://www.ceecoalition.us/2014FallCEECPolicyBriefSept15%20.pdf (accessed: 1.09.2018)

359. Central and East European Coalition. Policy Brief. Spring 2013. URL: http://www.ceecoalition.us/CEEC%202013%20Spring%20Policy%20Brief%20-%20FINAL.pdf (accessed: 1.09.2018)

360. Central and East European Coalition. Policy Brief. Spring 2015. URL: http://www.ceecoalition.us/CEEC%202015%20SpringPolicyPaper%20FINAL.pdf (accessed: 1.09.2018)

361. Central and East European Coalition. Policy Brief. Spring 2016. URL: http://www.ceecoalition.us/CEEC%20Policy%20Paper,%20Spring%202016%20(May%2026).pdf (accessed: 1.09.2018)

362. Central and East European Coalition. Policy Brief. Summer 2017. URL: http://www.ceecoalition.us/CEEC%20115th%20Congress%20Policy%20Brief%20%20%206%20July%20-%20FINAL.pdf (accessed: 1.09.2018)

363. CEPA Forum 2016. Speakers. URL: http://cepaforum.org/Speakers (accessed: 1.09.2018)

364. CEPA U.S.-Central Europe Strategy Forum 2014, Day 1 Agenda and Participants List. URL: http://cepa.org/sites/default/files/documents/CEPA%20Forum%20Agenda-1.2014.pdf (accessed: 1.09.2018)

365. CEPA U.S.-Central Europe Strategy Forum 2015. Program. URL: https://cepa.ecms.pl/files/?id_plik=3045 (accessed: 1.09.2018)

366. Connecting with Emigrants: A Global Profile of Diasporas 2015. Paris: OECD Publishing, 2015. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/connecting-with-emigrants_9789264239845-en#.WBzA6_mg_IU (accessed: 1.09.2018)

367. Diasporas: new partners in global development policy. Ed. by K. Newland. – Washington, DC: Migration Policy Institute, 2010. //

http:/www.migrationpolicy.org/sites/publications/Diasporas-Partners.pdf (accessed: 1.09.2018)
368. Donald J. Trump's 10 Point Plan to Put America First. URL: https://www.donaldjtrump.com/policies/immigration (accessed: 1.09.2016)
369. Donald Trump spotkał się z Kongresem Polonii Amerykańskiej i Polonią. URL: http://dziennikzwiazkowy.com/polonia/donald-trump-spotkal-sie-z-kongresem-polonii-amerykanskiej-i-polonia-2/ (accessed: 1.09.2018)
370. Donald Trump: Nigdy nie byliśmy bliżsi Polski, niż w tej chwili. URL: http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wydarzenia/art,663,spotkanie-prezydentow-polski-i-usa-.html (accessed: 1.09.2018)
371. Dzień Pułaskiego z Ukrainą w tle. URL: http://dziennikzwiazkowy.com/chicago/dzien-pulaskiego-z-ukraina-w-tle/ (accessed: 1.09.2018)
372. Ekspert: USA nie powinny rozszerzać programu bezwizowego o Polskęhttp://dziennikzwiazkowy.com/ameryka/ekspert-usa-nie-powinny-rozszerzac-programu-bezwizowego-o-polske/ (accessed: 1.09.2018)
373. Federation of Polish Americans PAC. PAC to PAC/Party, 2006 cycle. URL: https://www.opensecrets.org/pacs/pac2pac.php?cycle=2006&cmte=C00317461 (accessed: 1.09.2018)
374. Flaxman S. New Questions, New Answers? A Preliminary Micro-level Statistical Analysis of the 2016 US Presidential Election. URL: https://medium.com/@flaxter_85271/new-questions-new-answers-22a103ff2811#.e24mhcm2d (accessed: 1.09.2018)
375. Frank Spula – trzecia kadencja. Będą zmiany. URL: http://dziennikzwiazkowy.com/polonia/frank-spula-trzecia-kadencja-beda-zmiany/ (accessed: 1.09.2018)
376. Garapich M., Praszałowicz D. Wpływ najnowszej polskiej diaspory na społeczeństwo polskie – aspekty społeczne i kulturowe. Londyn-Kraków, 2014. S. 24-25. URL: http://www.kbnm.pan.pl/images/Ekspertyza_KBnM_PAN_2014_Garapich_Praszałowicz.pdf (accessed: 1.09.2018)
377. Historia zjazdów. IV Zjazd Polonii i Polaków z Zagranicy. URL: http://zjazdpolonii.wspolnotapolska.org.pl/historia_zjazdow.html (accessed: 1.09.2018)

378. HJ ADL helps defeat Clifton proposal to re-name section of park. URL: http://newjersey.adl.org/nj-adl-helps-defeat-clifton-proposal-to-re-name-section-of-park/ (accessed: 1.09.2018)
379. House Resolution 0269 (2006). URL: https://www.legislature.mi.gov/documents/2005-2006/resolutionadopted/House/htm/2006-HAR-0269.htm (accessed: 1.09.2018)
380. INA: ACT 217 – Visa Waiver Program for certain visitors . URL: https://www.uscis.gov/ilink/docView/SLB/HTML/SLB/0-0-0-1/0-0-0-29/0-0-0-4391.html#0-0-0 -216 (accessed: 1.09.2018)
381. Inserra D., Walters R. President Trump and Congress Should Add Poland to the Visa Waiver Program. URL: https://www.heritage.org/sites/default/files/2017-07/IB4729_0.pdf (accessed: 1.09.2018)
382. Instytut Polonia. Misja, Wartości, Cele Instytutu Polonia. URL: http://www.poloniainstitute.net/about-us-2/about-us/ (accessed: 1.09.2018)
383. James Spula's letter to Obama. URL: http://www.pac1944.org/presoffice/2014/LetterReUkraine.pdf (accessed: 1.09.2018)
384. Kathy Szeliga, Republican everywoman, says she brings business experience, blue-collar background. URL: http://www.baltimoresun.com/news/maryland/politics/2016-senate-race/bs-md-kathy-szeliga-senate-profile-20160421-story.html (accessed: 1.09.2018)
385. Koalicja Organizacji Polonijnych i Mediów ds. Tragedii Smoleńskiej. URL: http://kurierchicago.com/koalicja-organizacji-polonijnych-i-mediow-ds-tragedii-smolenskiej/ (accessed: 1.09.2018)
386. Kongres Polonii Amerykańskiej krytykuje politykę władz w Warszawie. URL: http://wiadomosci.wp.pl/kat,1025897,title,Kongres-Polonii-Amerykanskiej-krytykuje-polityke-wladz-w-Warszawie,wid,16996484 (accessed: 1.09.2018)
387. Lipinski, Kirk, and Quigley Push for Poland's Inclusion in Visa Waiver Program [Electronic resource] / Congressman Daniel Lipinsky's official website. – Mode of access: http://www.lipinski.house.gov/press-releases/lipinski-kirk-and-quigley-push-for-polands-inclusion-in-visa-waiver-program/ (accessed: 1.09.2018)
388. List of National Directors. URL: http://www.pacmi.org/goals-and-objectives/national-directors/ (accessed: 1.09.2018)

389. Michalkiewicz S. Polonia Amerykańska się budzi. URL: http://www.bibula.com/?p=87664 (accessed: 1.09.2018)
390. Migration and Remittances. Recent Developments and Outlook. Migration and Development Brief 26. // http://pubdocs.worldbank.org/en/661301460400427908/MigrationandDevelopmentBrief26.pdf (accessed: 1.09.2018)
391. Misja i działalność. URL: http://www.pilsudski.org/portal/pl/o-nas/misja-i-dzialalnosc; Mission And Activities. URL: http://www.piasa.org/mission.html (accessed: 1.09.2018)
392. MSZ: ponad 18 milionów Polaków żyje za granicą, depesza PAP. 02.07.2013. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/aktualnosci/msz_w_mediach/msz__ponad_18_milionow_polakow_zyje_za_granica__depesza_pap_02_07_2013 (accessed: 1.09.2018)
393. ' NO RETRACTION' on anti-Jewish remarks, American-Polish leader tells ADL. URL: http://archive.adl.org/presrele/asus_12/2736_12.html (accessed: 1.09.2018)
394. OECD International Direct Investment Statistics 2014. Poland. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/finance-and-investment/oecd-international-direct-investment-statistics-2014/poland_idis-2014-27-en#.WHc4qS-g_IU (accessed: 1.09.2018)
395. Opinie i postawy Polonii i Polaków mieszkających za granicą wobec polityki polonijnej. URL: http://www.iz.poznan.pl/plik,pobierz,262,973a7603fe73677fa5b3d6c6618f6b96/773-polityka%20polonijna.pdf (accessed: 1.09.2018)
396. Oto nowa senator PiS. Kim jest Anna Anders? URL: http://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1653324,1,oto-nowa-senator-pis-kim-jest-anna-anders.read (accessed: 1.09.2018)
397. PAC structure. URL: http://www.pac1944.org/org/structure.pdf (accessed: 1.09.2018)
398. People Reporting Ancestry. 2015 American Community Survey 1-Year Estimates. URL: http://factfinder.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?pid=ACS_10_1YR_B04006&prodType=table (accessed: 1.09.2018)

399. Pieniądze dla Polonii znów w Senacie. URL: http://www.dziennik.com/wiadomosci/artykul/pieniadze-dla-polonii-znow- w-senacie (accessed: 1.09.2018)
400. Polish American ask NDC Prez to stop promoting old Hitler WWII theories. URL: http://www.pac1944.org/news/2015/hdc.151014.htm (accessed: 1.09.2018)
401. Polish American Congress Newsletter. Voice Your America! – Vol.3, № 3. p. 8. URL: http://www.pac1944.org/NewsLet/PAC-NL-1606.pdf (accessed: 1.09.2018)
402. Polish American Congress President Frank Spula Visits Poland, Participates in Congressional Delegation Events. URL: http://www.pac1944.org/presoffice/2012/SpulaVisitPoland.Jan12.pdf (accessed: 1.09.2018)
403. Polish American Congress. Fall 2015 Action Plan for the Passage of H.R.1401 and S.2091 ("Jobs Originated through Launching Travel Act of 2015"). URL: http://pac1944.org/ameragenda/HR1401.151012.pdf (accessed: 1.09.2018)
404. Polish American Congress. Ohio Division Inc. URL: http://www.polishamericancongress-ohio.com/about.html#officers (accessed: 1.09.2018)
405. Polish American Leadership PAC. 2016 PAC Summary Data. URL: https://www.opensecrets.org/pacs/lookup2.php?cycle=2016&strID=C00528760 (accessed: 1.09.2018)
406. Polish American Leadership PAC. URL: https://www.opensecrets.org/pacs/lookup2.php?cycle=2016&strID=C00528760 (accessed: 1.09.2018)
407. Polish American. Mentioned most often by. URL: http://capitolwords.org/term/polish_american (accessed: 1.09.2018)
408. Polonia. Mentioned most often by URL: http://capitolwords.org/term/polonia/?search=1 (accessed: 1.09.2018)
409. Polish-American Enterprise Fund. URL: http://www.en.pafw.pl/the_founder/ (accessed: 1.09.2018)
410. Polka, która podbiła Wall Street. URL: http://www.newsweek.pl/biznes/blanka-rosenstiel-inwestycje-na-gieldzie-jan-karaszewsk-newsweek-pl,artykuly,286309,1.html (accessed: 1.09.2018)

411. Polonia Amerykańska się budzi. URL: http://www.michalkiewicz.pl/tekst.php?tekst=3653; Sen o koronie. URL: http://wiadomosci.onet.pl/kiosk/sen-o-koronie/rxdvm (accessed: 1.09.2018)
412. Polonia chciałaby mieć swoje miejsce w Senacie RP! Czy będą polonijni senatorowie? URL: http://www.bibula.com/?p=84244 (accessed: 1.09.2018)
413. Polonia kocha Trumpa. URL: http://dziennikzwiazkowy.com/polonia/polonia-kocha-trumpa/ (accessed: 1.09.2018)
414. Polonia rządowi zawadza. URL: http://www.bibula.com/?p=71896 (accessed: 1.09.2018)
415. Polonia wybierze swojego senatora? URL: http://wbi.onet.pl/polonia-wybierze-swojego-senatora/mv76kb (accessed: 1.09.2018)
416. Polskie organizacje w USA. URL: http://www.polonia.net/niezbednik-imigranta/polskie-organizacje-w-usa (accessed: 1.09.2018)
417. Polsko-Amerykańska Fundacja Edukacji i Rozwoju Ekonomicznego. URL: http://www.pafere.org/o_nas.html (accessed: 1.09.2018)
418. Population by Selected Ancestry Group and Region: 2009. URL: http://www2.census.gov/library/publications/2011/compendia/statab/131ed/tables/12s0052.xls (accessed: 1.09.2018)
419. Prezes Frank Spula musi odejść – woła polonijne Chicago. URL: http://www.dziennikwschodni.pl/kraj-swiat/prezes-frank-spula-musi-odejsc-wola-polonijne-chicago,n,1000146463.html (accessed: 1.09.2018)
420. President Trump in Poland. URL: https://www.whitehouse.gov/articles/president-trump-poland/ (accessed: 1.09.2018)
421. Programy pomocowe. URL: http://stowarzyszenie.wspolnotapolska.org.pl/strona/3/Programy-pomocowe (accessed: 1.09.2018)
422. Pulaski Association of business and professional men. URL: of http://www.pulaskiassociation.com/about-us/ (accessed: 1.09.2018)
423. Radzilowski T.C., Stecula D. Polish Americans Today. – Piast Institute, 2010. URL: http://www.piastinstitute.org/assets/library/Polish%20Americans%20Today%20Survey%20Book%202012.pdf (accessed: 1.09.2018)

424. Radzilowski T.C., Stecula D. Polonia: Today's Profile, Tomorrow's Future. – Piast Institute, 2013. URL: http://www.piastinstitute.org/assets/library/Dekaban%202013%20Report.pdf (accessed: 1.09.2018)
425. Review of the Role of the Polish American Congress in Bringing Poland into NATO. URL: http://www.pac1944.org/history/history-nato.htm (accessed: 1.09.2018)
426. Romuald Popławski nowym prezesem KPA-IL. URL: http://dziennikzwiazkowy.com/polonia/romuald-poplawski-nowym-prezesem-kpa-il/ (accessed: 1.09.2018)
427. Rosenblum M.R., Ruiz Soto A.G. An Analysis of Unauthorized Immigrants in the United States by Country and Region of Birth. Washington, DC: Migration Policy Institute, 2015. URL: http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/Unauth-COB-Report-FINALWEB.pdf (accessed: 1.09.2018)
428. Senat utraci pieniądze dla Polonii? URL: http://wiadomosci.onet.pl/kraj/senat-utraci-pieniadze-dla-polonii/gmqgh (accessed: 1.09.2018)
429. Senat: Decyzję ws. Polonii ma podejmować prezydium. URL: http://www.parlamentarny.pl/wydarzenia/senat-decyzje-ws-polonii-ma-podejmowac-prezydium,6331.html (accessed: 1.09.2018)
430. Siskin A. Visa Waiver Program. Congressional Research Service, 2015. p. 16. URL: https://www.fas.org/sgp/crs/homesec/RL32221.pdf (accessed: 1.09.2018)
431. State Resolutions for Including Poland in Visa Waiver Program. URL: http://www.pac1944.org/ameragenda/vwresol.0705.htm (accessed: 1.09.2018)
432. Statement for the record by Tom Malinowski. URL: http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/Malinowski.pdf (accessed: 1.09.2018)
433. Stecula D., Pifczyk S. Polish Americans and the US Congress. URL: http://www.nihilnovijournal.org/post/96212145456/polish-americans-and-the-us-congress (accessed: 1.09.2018)

434. The American Institute of Polish Culture, Inc. URL: http://www.ampolinstitute.org/pdf/About%20Us%20and%20Board%20of%20Directors%20.pdf (accessed: 1.09.2018)
435. The John Paul II Foundation. URL: http://www.fjp2.com/us/foundation/about (accessed: 1.09.2018)
436. The Kosciuszko Chair of Polish Studies. URL: http://www.iwp.edu/programs/page/the-kosciuszko-chair-of-polish-studies (accessed: 1.09.2018)
437. The Kosciuszko Foundation. URL: http://proxie.thekf.org/kf/about/about_us/ (accessed: 1.09.2018)
438. The Mission and History of Piast Institute. URL: http://www.piastinstitute.org/about.html (accessed: 1.09.2018)
439. The Polish Film Festival Los Angeles. URL: http://www.polishfilmla.org/wocms.php?siteID=48&lngID=1 (accessed: 1.09.2018)
440. To nie jest nasze ministerstwo, nie nasz ambasador. URL: https://wirtualnapolonia.com/2012/11/28/to-nie-jest-nasze-ministerstwo-nie-nasz-ambasador/ (accessed: 1.09.2018)
441. Trends on International Migration Stock: Migrants by Destination and Origin. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/data/UN_MigrantStockByOriginAndDestination_2015.xlsx (accessed: 1.09.2018)
442. Trump campaign announces Polish American advisory council. URL: http://www.pacmi.org/trump-campaign-announces-polish-american-advisory-council/ (accessed: 1.09.2018)
443. Trump zwyciężył głosami Polonii. URL: http://dziennikzwiazkowy.com/c17-wyw/trump-zwyciezyl-glosami-polonii/ (accessed: 1.09.2018)
444. Ujawniamy nepotyzm w ambasadach: żony dziennikarzy, córka szefa Kancelarii Prezydenta. URL: http://www.bibula.com/?p=71508 (accessed: 1.09.2018)
445. Visa Waiver Countries. URL: http://www.esta.us/visa_waiver_countries.html; Visa Waiver Program. URL: https://travel.state.gov/content/visas/en/visit/visa-waiver-program.html

wiadomosc.html (accessed: 1.09.2018)
446. Wisconsin State Symbols. URL: https://web.archive.org/web/20060629233635/http://www.wisconsin.gov/state/core/wisconsin_state_symbols.html (accessed: 1.09.2018)
447. Władze i organy państwa wobec spraw polonijnych. URL: https://www.msz.gov.pl/pl/polityka_zagraniczna/polonia/wladz_i_organy_panstwa_wobec_spraw_polonijnych/ (accessed: 1.09.2018)
448. Wojciechowska Z. Sprawa opieki nad Polonią wciąż pilną potrzebą. URL: http://www.magazynpolonia.com/artykul/polska,sprawa-opieki-nad-polonia-wciaz-pilna-potrzeba,4f8ed6e50eb48 (accessed: 1.09.2018)

Приложения

Приложение 1. Перечень законопроектов обеих палат Конгресса США по проблематике конфликта на Донбассе (2014-2017 гг.)

Название, наименование палаты Конгресса	**Автор(ы), ключевой (ые) спонсор (ы),** *партийная принадлежность, представляемый штат*	**Стадия утверждения**	**Связанность с польской диаспорой (от 0 до 4)** 0 – отсутствие связи 1 – слабо выраженная связь 2-3 – выраженная связь 4 – сильная связь
2014 год			
законопроект «О поддержке свободы Украины» (№ 2828, Палата представителей)	Дж. Герлах (Респ., Пенсильвания), М. Каптур (Дем., Огайо)	подписан президентом (2014)*	2
резолюция «О решительной поддержке права украинского народа определять свое будущее» (Палата представителей)	Дж. Герлах (Респ., Пенсильвания), М. Каптур (Дем, Огайо), М. Куигли (Дем., Иллинойс)	принята (2014)	1
законопроект «О поддержке свободы Украины» (Сенат)	Р. Менендес (Дем., Нью-Джерси), Р. Коркер (Респ., Теннеси)	внесен в 2014, не был рассмотрен	2
законопроект «О признании народного ополчения Донбасса террористической организацией» (Палата представителей)	Ш. Джексон-Ли (Дем., Техас), К. Малони (Дем., Нью-Йорк), Дж. Левис (Дем., Джорджия)	внесен в 2014, не был рассмотрен	2
законопроект “О предоставлении президенту права предоставлять некоторые вооружения правительству Украины» (Палата представи-	М. Бургес (Респ., Техас)	внесен в 2014, не был рассмотрен	0

телей)			
законопроект «О поддержке свободы Украины» (№5859, Палата Представителей)	Дж. Герлах (Респ., Пенсильвания), М. Каптур (Дем., Огайо)	подписан президентом (2014)*	1
законопроект «О поддержке свободы Украины» (№5782, Палата Представителей)	М. Каптур (Дем., Огайо), М. Киугли (Дем., Иллинойс), Дж. Коннели (Дем., Вирджиния), Э. Инджел (Дем., Нью-Йорк)	внесен в 2014, не был рассмотрен	2
законопроект «Об эмбарго на продукцию Рособороэкспорта» (Палата представителей)	Дж. Моран (Дем., Виргиния), А. Кинзигер (Респ., Иллинойс), М. Каптур (Дем., Огайо)	внесен в 2014, не был рассмотрен	1
законопроект «О содействии Украине в области безопасности»	Дж. Герлах (Респ., Пенсильвания), М. Каптур (Дем., Огайо), С. Левин (Дем., Мичиган)	внесен в 2014, не был рассмотрен	3
резолюция «О решительном осуждении действий Российской Федерации» (Палата представителей)	А. Кинзигер (Респ., Иллинойс), С. Стокман (Респ., Техас)	принята (2014)	1
резолюция «Об осуждении причин катастрофы самолета Малазийских авиалиний» (Сенат)	К. Мерфи (Дем., Коннектикут), Р. Дурбин (Дем., Иллинойс), Дж. Шахин (Дем., Нью-Хэмпшир)	принята (2014)	1
резолюция «О порицании украинских сепаратистов за нелегальную оккупацию г. Донецк и прилежащих местностей» (Палата представителей)	М. Фитцпатрик (Респ., Пенсильвания), М. Кофман (Респ., Колорадо), К. Эллисон (Дем., Минеесота)	внесена в 2014, не была рассмотрена	0
законопроект «О северо-	Дж. Хойвен	внесен в 2014,	1

атлантической энергетической безопасности» (Сенат)	(Респ., Северная Дакота), Дж. Маккейн (Респ., Аризона), Л. Мурковски (Респ., Аляска)	не был рассмотрен	
законопроект «О докладе по военной поддержке Украины» (Сенат)	К. Айотт (Респ., Нью-Хэмпшир), Т. Круз (Респ., Техас), М. Рубио (Респ., Флорида)	внесен в 2014, не был рассмотрен	0
законопроект «О независимости Украины от российского ТЭК»	Э. Марки (Дем., Массачусетс)	внесен в 2014, не был рассмотрен	0
законопроект «Об эмбарго на российские вооружения» (Сенат)	Д. Коутс (Респ., Индиана), Дж. Корнин (Респ., Техас), М. Кирк (Респ., Иллинойс)	внесен в 2014, не был рассмотрен	1
резолюция «О политике США в отношении стабилизации украинской национальной денежной единицы» (Сенат)	М. Рубио (Респ., Флорида), Т. Круз (Респ.,Техас)	внесена в 2014, не была рассмотрена	0
законопроект «О предотвращении агрессии России»	Р. Коркер (Респ., Теннеси), К. Айотт (Респ., Нью-Хэмпшир), М. Рубио (Респ., Флорида)	внесен в 2014, не был рассмотрен	0
законопроект «О поддержке Украины» (Палата представителей)	Э. Ройс (Респ., Калифорния), А. Кинзигер (Респ., Иллинойс), Э. Инджел (Дем., Нью-Йорк)	принят Палатой Представителей, но не рассмотрен Сенатом	1
законопроект «О поддержке суверенитета, целостности, демократии и экономической стабильности Украины» (Сенат)	Р. Менендес (Дем., Нью-Джерси)	внесен в 2014, не был рассмотрен	1
резолюция «Об осужде-	Р. Дурбин (Дем.,	принята	1

нии незаконной российской агрессии на Украине» (Сенат)	Иллинойс), Дж. Маккейн (Респ., Аризона), Р. Менендес (Дем., Нью-Джерси)	(2014)	
законопроект «О визовых санкциях в отношении России» (Палата представителей)	Т. Пой (Респ., Техас), Дж. Герлах (Респ., Пенсильвания), С. Перри (Респ., Пенсильвания)	внесен в 2014, не был рассмотрен	1
резолюция «О поддержке территориальной целостности Украины» (Сенат)	Д. Коутс (Респ., Индиана), Дж. Маккейн (Респ., Аризона), Дж. Сешенс (Респ., Алабама)	внесена в 2014, не была рассмотрена	0
резолюция «Об осуждении нарушения суверенитета, независимости и территориальной целостности Украины» (Палата Представителей)	Э. Ройс (Респ., Калифорния), А. Кинзигер (Респ., Иллинойс), Э. Инджел (Дем., Нью-Йорк)	принята (2014)	1
законопроект «О поддержке суверенитета, целостности, демократии и экономической стабильности Украины» (Палат Представителей)	Х. Роджерс (Респ., Кентукки), Н. Лови (Дем., Нью-Йорк), М. Каптур (Дем., Огайо)	подписан президентом (2014)	1
2015 год			
резолюция «О поддержке народа Украины свободно избирать правительство и определять свое будущее» (Палата представителей)	Д. Цициллин (Дем., Род Айленд), Э. Грин (Дем., Техас), М. Каптур (Дем., Огайо)	принята (2015)	1
резолюция «О предоставлении Украине поддержки для проведения социальных, экономических и управленческих реформ сфере» (Палата	М. Фитцпатрик (Респ., Пеннсильвания), М. Каптур (Дем., Огайо), А. Кинзигер	внесена в 2015, не была рассмотрена	2

представителей)	(Респ., Иллинойс)		
законопроект «Об обороне Украины» (Сенат)	Дж. Инхофе (Респ., Оклахома), М. Рубио (Респ., Флорида), Дж. Сешенс (Респ., Алабама)	внесен (2015), не был рассмотрен	1
законопроект «О помощи и поддержке вооруженных сил и правоохранительных органов Украины» (Палата представителей)	А. Смит (Дем., Вашингтон), Р. Бишоп (Респ., Юта), А. Шифф (Дем., Калифорния)	внесен (2015), не был рассмотрен	2
резолюция «Об атаках пророссийских сепаратистов на Мариуполь» (Сенат)	Р. Джонсон (Респ., Висконсин), Р. Коркер (Респ., Теннеси), К. Айотт (Респ., Нью-Хэмпшир)	принята (2015)	1
резолюция «Об атаках пророссийских сепаратистов на Мариуполь» (Сенат)	Р. Джонсон (Респ., Висконсин), Д. Шахин (Дем., Нью-Хэмпшир)	внесена в 2015, не была рассмотрена	1
Резолюция «Призыв к освобождению украинской военной летчицы Нади Савченко» (Сенат)	Б. Карбин (Дем., Мэриленд), М. Рубио (Респ., Флорида), Р. Уикер (Респ., Миссисипи)	принята (2015)	1
Резолюция «Призыв к освобождению украинской военной летчицы Нади Савченко» (Палата представителей)	С. Левин (Дем., Мичиган), А. Шифф (Дем., Калифорния), Д. Липински (Дем., Иллинойс)	принята (2015)	2
законопроект «О признании народного ополчения Донбасса террористической организацией» (Палата представителей)	Ш. Джексон-Ли (Дем., Техас)	внесен в 2015, не был рассмотрен	3
2016 год			
законопроект «О ста-	Р. Менендес	внесен (2016),	1

бильности и демократии для Украины» (Сенат)	(Дем., Нью-Джерси), Р. Дурбин (Дем., Иллинойс), Дж. Шахин (Дем., Нью-Хэмпшир)	не был рассмотрен	
резолюция «О 25-ой годовщине независимости Украины» (Палата представителей)	М. Каптур (Дем., Огайо), М. Куигли (Дем., Иллинойс), Д. Липински (Дем., Иллинойс)	внесена (2016), не была рассмотрена	1
законопроект «Об эмбарго на продукцию Рособороэкспорта» (Палата представителей)	Р. Делаэро (Дем., Коннектикут)	внесен в 2016, не был рассмотрен	0
законопроект «О стабильности и демократии для Украины» (Палата представителей)	Э. Инджел (Дем., Нью-Йорк), М. Каптур (Дем., Огайо), Дж. Шимкус (Респ., Иллинойс), М. Помпео (Респ., Канзас)	одобрен нижней палатой, но не передан на рассмотрение Сената	3
законопроект «О помощи украинским воинам» (Палата представителей)	Д. Хантер (Респ., Калифорния),А. Кинзигер (Респ., Иллинойс), И. Рос-Летинен ((Респ., Флорида)	внесен (2016), не был рассмотрен	1
2017 год			
законопроект «О противодействии российскому влиянию в Европе и Евразии» (Сенат)	Б. Кардин (Дем., Мэриленд), Р. Портман (Респ., Огайо), Дж. Рид (Дем., Род Айленд)	внесен (2017), отдельные положения вошли в принятые законы	2
законопроект «О борьбе с противниками Америки через санкции» (Палата представителей)	Э. Ройс (Респ., Калифорния), Э. Энжел (Дем., Нью-Йорк), К. Смит (Респ.,	подписан президентом (2017)	1

	Нью-Джерси)		
проект резолюции «Об обращении к президенту с целью принятия заявления о важности соблюдения Хельсинского Акта» (Сенат)	Р. Уикер (Респ., Миссисипи), Б. Кардин (Дем., Мэрилэнд), М. Рубио (Респ., Флорида)	внесена (2017), но не принята	0
проект резолюции «О позиции Сената в третью годовщину военной агрессии России на Украине» (Сенат)	Р. Менендес (Дем., Нью-Джерси), Л. Грэм (Респ., Южная Каролина)	внесена (2017), но не принята	0
законопроект «О защите Украины» (Палата представителей)	Э. Энжел (Дем., Нью-Йорк), М. Каптур (Дем., Огайо), Д. Липински (Дем., Иллинойс)	внесен (2017), не был рассмотрен	2
проект резолюции «Об обращении к Российской Федерации с призывом остановить насилие на Украине» (Палата представителей)	Э. Хэррис (Респ., Мэриленд), М. Каптур (Дем., Огайо), М. Куигли (Дем., Иллинойс), С. Левин (Дем., Мичиган)	внесена (2017), но не принята	2
законопроект «О заморозке санкций в отношении России» (Палата представителей)	М. Уотерс (Дем., Калифорния), М. Каптур (Дем., Огайо), И. Кларк (Дем., Нью-Джерси)	внесен (2017), не был рассмотрен	1
проект резолюции «О поддержке стран Восточной Европы и НАТО» (Палата представителей)	С. Коэн (Дем., Теннеси), Э. Энжел (Дем., Нью-Йорк),), М. Каптур (Дем., Огайо),Б. Фицпатрик (Респ., Пенсильвания)	внесена (2017), но не принята	2